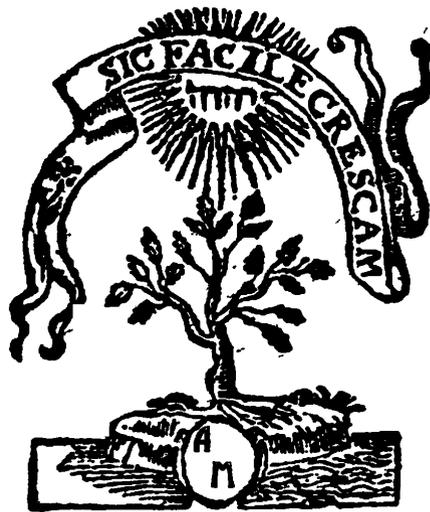




Граф
Дмитрий Иванович
ХВОСТОВ

СОЧИНЕНИЯ





I N T R A D A
M C M X C I X



Граф
Дмитрий Иванович
ХВОСТОВ

СОЧИНЕНИЯ

МОСКВА
ИНТРАДА
МСМХСІХ

Р 1
Х 52

Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. —
М.: INTRADA, 1999.

Составители
О. Л. Довгий, А. Е. Махов

Научный редактор
А. Е. Махов

Художник
Л. Е. Каирский

Технический отдел
А. Л. Львова

На авантитуле использована гравюра А. Ухтомского по рисунку О. Кипренского (1812 г.).

Книга знакомит с одной из легендарных личностей пушкинской эпохи — знаменитым «графоманом», которого XX век переоткрывает как оригинального поэта, предшественника русского модернизма. Издание представляет почти все жанры творчества Хвостова, содержит богатый историко-литературный материал, в том числе и никогда не публиковавшиеся тексты (в частности, исторические анекдоты) из архива Хвостова.

ISBN 5-87604-042-8

© «Интрада», редактирование, оформление, макет,
1999 г.

В книге использованы издания, рукописные и изобразительные материалы, принадлежащие Российской Государственной Библиотеке, Государственному Историческому Музею в Москве, Пушкинскому Дому (ИРЛИ РАН) в Санкт-Петербурге, музею «Горицкий монастырь» в Переславле.

Составители выражают глубокую признательность директору Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) академику Н. Н. Скатову, научным сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ РАН, заведующей Литературным музеем ИРЛИ Т. А. Комаровой, научному сотруднику Литературного музея ИРЛИ А. Г. Мамаевой, научному сотруднику Переславского музея («Горицкий монастырь») В. И. Панфилову за помощь в подготовке этой книги.

Это веселое имя: Хвостов

Подобно иным порядочным русским поэтам, граф Дмитрий Иванович Хвостов написал свой Памятник. Но вот что удивительно: его Памятник ничем не напоминает о манере величия, в которой Хвостова всегда подозревали; напротив — он скромнен, шутилив и даже слегка ироничен.

Восьмидесяти лет старик простосердечный,
Я памятник себе воздвигнул прочный, вечный:
Мой памятник, друзья, мой памятник альбом;
Пишите, милые, и сердцем и умом,
Пишите взапуски, пишите, что угодно;
Пускай перо и кисть играют здесь свободно,
Рисует нежность чувств стыдлива красота,
Промолвит дружбы в нем невинной простота;
Я не прошу похвал, я жду любви совета:
Хвостова помните, забудьте вы поэта.

(«В мой альбом, 1826 года»)

Стихи эти едва ли не новаторские: кто из современников Хвостова додумался с такой дерзостью переакцентировать гораццианскую формулу *exegi monumentum*, подав ее со снижающе домашней, альбомно-мадригальной интонацией? И чей еще памятник заканчивается столь странной рекомендацией — «забыть поэта»? Да тот ли это Хвостов, который начал свою автобиографию почти параноидальным сомнением в способности памяти потомков вместить его литературные подвиги: «Благосклонный читатель! Ты зришь пред очами



своими жизнеописание знаменитого в своем отечестве мужа. Дела его и заслуги своему отечеству столь были обширны, что поместить оныя в себе может одна только соразмерная оным память, и то токмо при систематическом и притом раздельном повествовании оных»¹.

Конечно, альбомный «памятник» Хвостова — лишь шутка, и сам поэт на самом деле не сомневался в бессмертии своих од; просьба «забыть поэта» — в значительной мере кокетство. Но только ли кокетство? Может, есть тут и другая сторона: Хвостов словно устал от собственной литературности, от бесконечной, как дурной сон, роли «многогранного сочинителя» — ведь он видел, как поэты — настоящие поэты — там и здесь перерастали эту роль: один «правду возвещал» и «истину царям с улыбкой говорил», другой и вовсе оказался «не поэт, а гражданин», а третий вот-вот заявит, что занимался в основном тем, что «призывал милость к падшим»... Литература перерастала себя, вела к разговору с царями и Богом, к напечатлению Истины в «людских сердцах», к сердечному и теплому образу человека; глагол жег или ласкал — Хвостов же оставался литератором, ходячим воплощением литературы (и даже неважно — плохой или хорошей литературы!), частью и атрибутом литературного ландшафта. И вот он просит — «забыть поэта»... Что вовсе не значит, что он хочет забвения своих стихов — он хочет всего лишь, чтобы за стихами увидели его человеческий образ, чтобы стихи заговорили — о нем: «я жду любви совета: Хвостова помните...»

Но его стихи — не говорили: они оставались всего лишь стихами. И все же мы помним Хвостова. Почему?

Его парадокс удачно выразил К. Н. Батюшков в письме к Н. Ф. Грамматину: «своим бесславием славен будет в позднейшем потомстве»². Хвостов — «русский Мевий», забавное олицетворение графомана, потешная аллегория пло-



хой литературы, стоявшая для назидания у входа в Храм Словесности: «Вошло в обыкновение, — вспоминал Ф. Ф. Вигель, — чтобы все молодые литераторы об него оттачивали перо свое, и без эпитаграммы на Хвостова как будто нельзя было вступить в литературное сословие; входя в лета, уступали его новым пришельцам на Парнас, и таким образом целый век молодым ребятам служил он потехой»³.

Но графоманов было много — почему же так запомнился именно граф Хвостов? Дело, вероятно, в некоей неотразимой — хотя и отрицательной — прелести, которой обладали сочинения Хвостова и которой не оспаривали у них даже его литературные враги. «Что за прелесть его послание! — восхищается Пушкин посланием о наводнении Петербурга, — достойно лучших его времен» (Вяземскому, 28 января 1825). Кстати, убеждение, что Хвостова не читали, что творения его лежали на книжных полках, «не оскверняемые дерзновенной рукой читателя», совершенно ложно: уж арзамасцы-то знали «лучшие» его творения наизусть. Да, Хвостов «плохой поэт», но «плох» он как-то по-особенному. Нашей эпохе легче определить это влекущее своеобразие хвостовской «бездарности»: ведь в нашем распоряжении — поэтика абсурда, Хармс, обэриуты... Вот почти хлебниковские строки:

Не постигая скорби корня,
Тоскует лакомств вредных раб...

А вот сочный примитивизм в духе детской поэзии Корнея Чуковского:

На краешке берегов лакают псы,
Не смеют запустить подалее усы.
Пришла собака пить на берег Нила,
Ее увидел крокодил,
К ней ближе подходил
И разговор водил...



Понять Хвостова, спроецировав его в наше время, проще всего (и такие опыты уже делались); труднее описать мир Хвостова в категориях его собственной поэтической эпохи. И здесь нам поможет весьма пронизательное замечание М. А. Дмитриева, осознавшего, что Хвостов — не просто «плохой поэт»: «Его сочинения замечательны не тем, что они плохи; плохими сочинениями нельзя прославиться, так как не прославился своими Николев. А он, в Петербурге и в Москве, составил себе имя тем, что в его сочинениях сама природа является иногда навыворот. Например, известный закон оптики, что отдаленный предмет кажется меньше; а у него в притче "Два прохожие" сперва кажется им издали туча; потом она показалась горою; потом подошли ближе, увидели, что это куча. У него, в тех же притчах, осел лезет на рябину и крепко лапами за дерево хватает; голубь — разгрыз зубами узелки; сума надувается от вздохов; уж — становится на колени; рыбац, пlying по реке, застрелил лисицу, которая не видала его потому, что шла к реке кривым глазом; вор — ружье наметил из-за гор»⁴.

Итак, «природа является навыворот»; точнее было бы сказать: природа в творениях Хвостова «не является» вовсе. Его своеобразие в том и заключалось, что в эпоху победного вторжения реальности в литературу он оставался к этой реальности совершенно равнодушен. Что, конечно, не мешало ему провозглашать свою верность «природе»; он писал о себе в третьем лице: Хвостов «сам есть пример плавности вообще, т. е. слога и мысли. <...> Заслуги его на русском Парнасе суть: ревность обратить писателей к природе и древним образцам... Он первый направил поэзию в России правилами и образцами на ту благородную цель, для какой она сотворена...»⁵. Но какой художественный стиль не апеллировал к природе как к решающей инстанции, понимая, впрочем, эту «природу» на свой лад? Вот как пред-



ставлял «природу» Хвостов (видимо, не слишком отличая ее от «древних образцов») — вот как сам он формулирует свое типичное творческое задание: «Сочинить для Лицея стихотворение, под названием Сатурн или Время, в котором следует описать его так, как изображают древние: с косою в руках, стоящим на песочных часах в виде мужа, готового к полету, с острыми глазами с двойчатым лицом, представляющим вместе цветущую юность и дряхлую старость». И здесь же примечание Хвостова: «Аллегория Время осталась в архиве сочинителя»⁶. «Время» с «двойчатым лицом» — да при чем тут вообще «природа» и «реальность»?

В начале июня 1817 г. он написал оду на бракосочетание великого князя Николая Павловича, которое совершилось только 1 июля того же года. Ему вовсе не нужно было наблюдать бракосочетание, чтобы написать о нем. В эпоху, когда писатель все больше становился по совместительству «несносным наблюдателем», когда все больше ценилось зрение, Хвостов оставался вполне слепым литератором *par excellence*: он был полностью замкнут, замурован в культурно-эстетической сфере; реальность для него заменялась миром аллегории и эмблематики.

Эмблема, собственно говоря, и была для Хвостова художественным образом — «природой» и «образцом» одновременно. Откроем популярную в России книгу эмблем — «Емвлемы и символы», изданные впервые Петром Великим в 1705 г. и неоднократно переиздававшиеся вплоть до 1811 г.⁷ Разве персонажи этой книги — «козлице, сосцами доящее молодого волка» (№ 23), «лев, обезьяну раздирающий» (№ 10), «две пчелы, запряженные в плуг» (№ 100), «бобр, самого себя грызущий» (№ 203), «орел, сидящий на главе оленя» (№ 211), «страус, поглощающий железо» (№ 561) и т. п. — менее нелепы, с точки зрения нового литератора-наблюдателя, чем хвостовские «зубастые голуби»? Басня и



притча, излюбленные жанры Хвостова, тесно связаны с эмблемой: многие эмблемы представляют собой как бы аббревиатуры басен. Но басня может терять связь с эмблемой и развиваться в сторону реализма и торжества зрения — как это происходит у Крылова. Басни и притчи Хвостова, напротив, сохраняют верность эмблематике: так, его крот, довольный своей слепотой —

На что мне знать, на небе свет какой?
 Я в тщетных замыслах отнюдь не утопаю;
 Я сыт в моей норе — покойно засыпаю,
 Мне нужен рот —
 На что глаза? — без них я крот.

воспроизводит эмблематического крота, который «слеп есть и ищет темноты» (№ 202). А заяц, спящий с открытыми глазами —

Хотя погони нет за мною,
 Когда засну, но глаз порядком не закрою, —

восходит к эмблеме, где подобный заяц символизирует бдительность (№ 596 и комментарий к нему).

Притча «Лев и невеста» развивает популярную тему эмблематики: купидон укрощает льва. «Купидон, сидящий на льве обузданном» (№ 154) символизирует следующую истину: «Обузданный бывает агнцом». Хвостов лишь добавляет в эту эмблему трагикомических подробностей:

Царь лев, случась у ней [любви] в оковах строгих,
 Согласен был на все; позволил, как глупец,
 И когти срезать с лап и вырвать зубы;
 Оставил только губы,

И длинну шерсть своей богатой шубы...

Между прочим, Державин, обратившийся к той же эмблеме в стихотворении «Победа красоты» (трактующем в эмблематических терминах помолвку шведского короля Гу-



става IV Адольфа с великой княжной Александрой Павловной), обошелся со львом куда менее кровожадно:

Минерва мудрая познала
Его [льва] родящуюся страсть,
Цветочной цепью привязала
И отдала любви во власть.

Эмблематика была своеобразной *ars combinatorica*; она изоощрялась в бесконечных комбинациях изобразительных мотивов: частей тела, предметов и т. п. — в этом можно убедиться, рассматривая на эмблемах фантастические и неисчерпаемо разнообразные сочетания венков, змей, львиных голов, крыльев, лап, жезлов, кубов, сфер и проч. Безудержное комбинаторное *inventio* ощутимо в державинских «объяснениях» рисунков к собственным сочинениям: «Любовь, перевязкою своею связав стрелы, сделала из них треножник и, утвердя на остриях оных венец прелестей, составила свой жертвенник, которому спущенный лук служит основанием»⁸. У Хвостова эта эмблематическая свобода сочетаемости привела к некой номенклатурной типизации: все живые существа у него наделены одинаковым набором органов, все имеют лапы, зубы и т. д. — словно унифицирующая рука просветительского «разума» прошла по живому миру, приводя его в соответствие со своими требованиями. И неправ был Д. В. Дашков, когда в своей издевательской речи при приеме Хвостова в Общество любителей словесности, наук и художеств в 1812 г., помянув зубастых голубей, заявил, что Хвостов творит «новый мир, новую природу»⁹ — Хвостов не творил новую природу, но приводил в порядок имеющуюся. И какие же вышли у него милые уроды: червяк — «искусно лапкой загребает», а змей — «плечист»:

Восстал неукротимый змей,
Шипя, на воздух льет отраву;
Плечист, огромен и крылат... («Холера 1830 года»)



Хвостовские «разряды», типы всегда шире, чем реальные: он унифицирует природу с поистине царским размахом, — так, в разряд рогатых он щедро зачисляет и слонов:

Толкнул когда-то льва рогами зверь;
Царь лев прогневался: сей миг, сей час, теперь
Чтоб в царстве у меня рогов ни крошки боле!
Пришел о том указ
В приказ.

Рогатые спешат оттоле: —
Коровы и быки, бараны и слоны,
И рогоносцы все, сколь было, сосланы.

(«Заичьи уши»)

А осел в басне «Осел и рябина» под конец вдруг оказывается заодно и «ослицей», словно половое различие для Хвостова — лишь досадная помеха в его размашисто обобщенной картине мира.

Это великолепное презрение к реальности напоминает нам другую страницу из истории притязаний разума — неудовольствие Томаса Бернета по поводу хаотического размещения звезд на небе: «Они лежат, небрежно разбросанные, словно бы их сеяли в небе, как семена, пригоршней, а не искусной рукой. А какой дивный небесный свод могли бы они образовать, если бы их разместили в порядке, если бы все они образовали правильные фигуры... Они составили бы прекрасное целое или великую композицию, в соответствии с правилами искусства и симметрии» («Священная теория земли», 1681)¹⁰. Какой на самом деле была бы эта «великая композиция» природы, исправленной разумом, — нам и показывают басни Хвостова.

Впрочем, так ли уж точна была и школа новаторов, «школа гармонической точности»? Не говорим уже о пресловутом ландыше, опрометчиво попавшем под литературный серп



Батюшкова, — но как по-хвостовски хорош Жуковский, у которого на «грубой цевнице», т. е. на фригийской дудочке, «бряцает» (!) почему-то «лапландец» (в стихотворении «К поэзии»)!

Рука разума, — который, «наводя порядок», лишь добавляет в реальность бреда, — чувствуется и в жизни Хвостова. Здесь была совершенно миражная квази-служба в армии под непосредственным началом самого Суворова (Хвостов, не знавший, по собственному признанию, иного коня, кроме Пегаса, — ближайший друг Суворова!); при воцарении Павла, не любившего Суворова, — опасность опалы, но «разум» восстанавливает справедливость в лучшем из миров — и вот Суворов в ссылке, а его выдающийся подчиненный и друг возвращает себе милость императора одой (на принятие Павлом звания великого магистра мальтийского ордена). В итоге — должность обер-прокурора синода (1797—1803) и графский титул, пожалованный (в 1799 г.) каким-то королем сардинским (Карлом-Эммануилом IV), не имеющим в нашем воображении ясных очертаний. Поистине, как сказал другой поэт —

Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня...

Любимый хвостовский мотив ползанья («Ползем, — а мыслим, что летаем», — скажет он в «Стихах на Новый 1804 год»), чеканно выраженный в знаменитом двустишии:

Ползя,
Упасть нельзя

(«Орлица и черепаха»),

многозначительно заложен уже в названии родного переславского имения Хвостова — «Выползова слободка», что и поныне сохраняется на 123 километре Ярославского шос-



се, но уже в виде небольшой кучки дачных домиков. Здесь некогда стояла церковь, которую воздвиг отец поэта, лейб-гвардии поручик Иван Михайлович Хвостов (1731—1809); в трапезе этой церкви он и был похоронен — с эпитафией, сочиненной, видимо, сыном: «Беспристрастный скажет о нем: не ленты, не чины ему венец и слава, но к ближнему любовь, души и кроткость нрава»¹¹. Сюда же возвращались после смерти и другие Хвостовы: жена поэта, Аграфена Ивановна, урожденная Горчакова (1768-1843), и сам поэт, который так любил эпитафии, но не пожелал их на своем гробе. Надпись на могиле Хвостова гласила: «Здесь положено тело графа Дмитрия Ивановича Хвостова, действительного тайного советника, сенатора и кавалера». Усыпальница Хвостовых была разорена в 1919 году при каких-то странных обстоятельствах, смутную память о которых донес до составителей этой книги Владимир Иванович Панфилов, научный сотрудник Переславского музея: разграбление совершили некий священник со своим сыном, которые потом были даже посажены в тюрьму, но не за осквернение праха, а... Тут скудный ручеек предания совсем иссякает, а мы благодарим Владимира Ивановича за рассказ.

Хвостов — географически двойственный поэт. Жизнь его делилась между Петербургом и Переславлем с его Выпозовой Слободкой, между Невой и Куброй (которая ныне на картах означена как «Кубрь»). Он гордился, что был певцом двух рек. «Пишу... с Кубры на Неву», — гордо сообщает он в одном из писем¹². Более того: он ухитрился воспеть два наводнения — на Неве и на Кубре («Разлитие Кубры», 16 ноября 1824 — неделей позже питерского наводнения). Редкостный случай в истории поэзии!

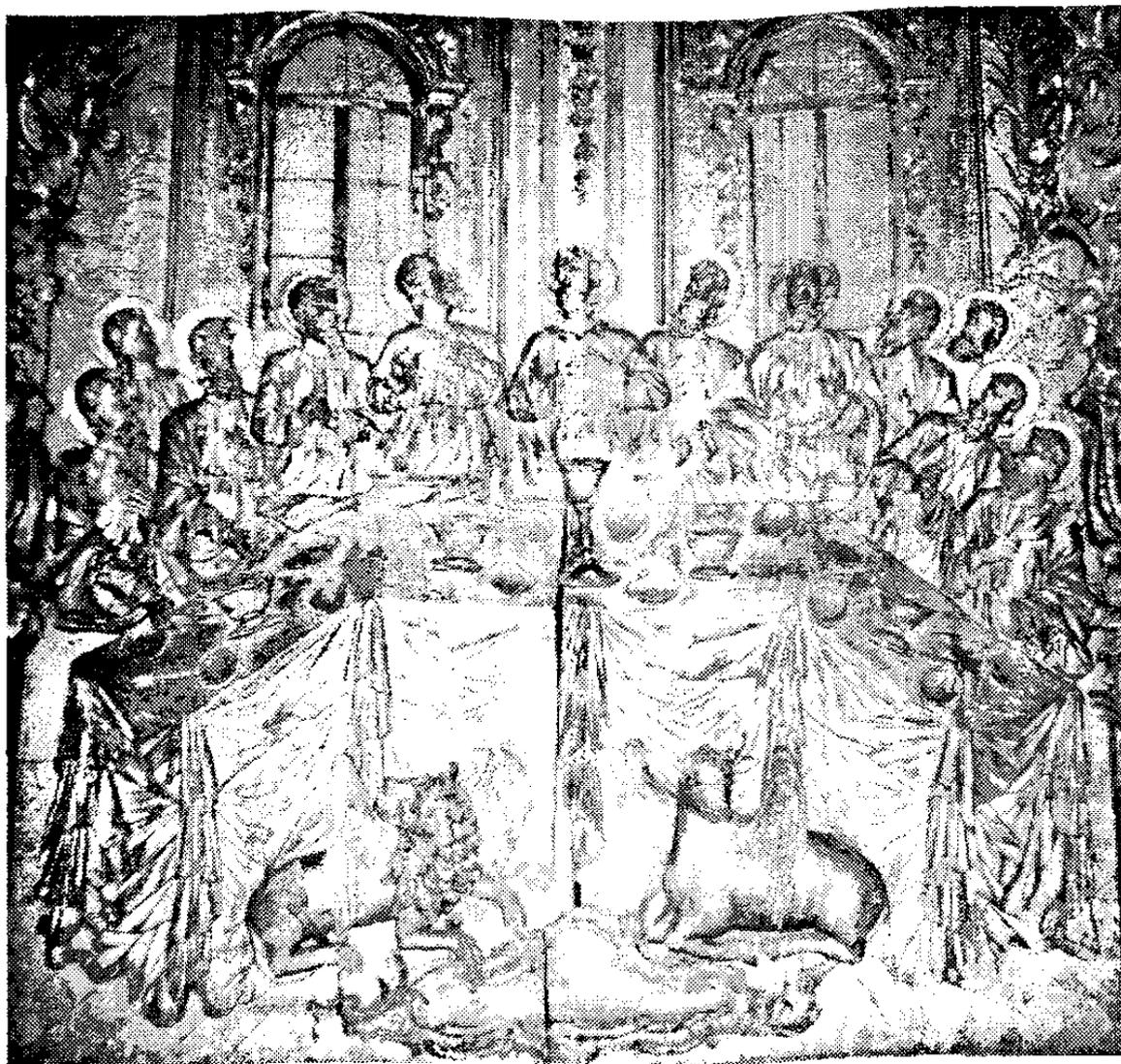
Переславль не сохранил памяти о Хвостове — его первом прилежном краеведе. Хотя местный музей, что расположен в описанном Хвостовым Горицком монастыре,



представляет нам многочисленные портреты Теменевых — помещиков, к которым перешла в конце концов Выползова Слободка; хотя В. И. Панфилов доносит до нас рассказы крестьян о сыне Хвостова (том самом Александре Дмитриевиче, «пако́стнейшем творении графа Хвостова», по определению Вяземского): дескать, был он странен, чудаковат... Бродя по Переславскому музею, мы можем лишь ловить тени впечатлений, которые могли питать Хвостова: многочисленные иконы XVII века, где евангелисты изображены в виде крылатых животных, — и не еле прорисованных, еле заметных в углах иконы, как на иконах иных школ, а ярких и сочных: на иконе «Отечество» из Никитского монастыря, стоящего и поныне в полукилометре от Горицкого, — огромный лев (Марк), орел (Иоанн), телец (Лука), голубеобразный ангел (Матфей). Бродя среди переславских икон, мы вспоминаем басню «Туча, Гора и Куча», где предмет, вопреки законам перспективы, по мере приближения к нему не увеличивается, а уменьшается, и приходит на ум мысль: что если эта басня вовсе не так уж нелепа, а просто написана в обратной перспективе, как писали иконы? Ведь и на иконах дальние предметы больше, чем ближние...

А на роскошном резном иконостасе Успенского собора, «горнему месту» которого едва ли, по словам Хвостова, «есть подобное в России»¹³, в сцене тайной вечери у ног апостолов примостились крылатые лев и телец. Гости из эмблематики, населившие потом мир Хвостова.

Хвостов, выражаясь его же языком, «выполз» не из Слободки — он родился в Санкт-Петербурге 19 июля (старого стиля) 1757 г. «Когда я стал достигать отроческих лет, то холодный нрав, любовь к уединению, застенчивость, медлительный успех в учении заставляли многих обо мне то же заключать, что и заключали о Буало родственники его... Телесные способности вовсе природою мне отказаны были:



Тайная вечеря Иконостас Успенского собора Горицкого монастыря в Переславле (резьба по дереву, фрагмент) Одно из впечатлений, возможно, питавших поэзию Хвостова

танцовщик я был самый плохой, также лет пять был в манеже, но с таким малым успехом, что редко садился на коня, кроме Пегаса »¹⁴ Конь в жизни Хвостова — один, и чисто литературный (сравните с конями Пушкина, совсем не Пегасами

Ведут ко мне коня, в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет)



Детская вялость тоже литературна — ибо многообещающе напоминает Буало. (Кстати, в такой же вялости будет замечен Пушкин — но с Буало его никто не сравнивал). Эта вялость не помешала Хвостову сделаться в своем роде вундеркиндом: В 1779 г., в возрасте 12 лет, «он выступил с пьесой «Легковерный», игранной на придворном театре в присутствии императрицы и имевшей шумный успех»¹⁵.

В 1772 г. Хвостов был записан в лейб-гвардии Преображенский полк, в 1779 уже отставлен гвардии подпоручиком. (Стоит ли говорить, насколько реальной была эта военная карьера). Учился будущий поэт в московском университете. После нескольких лет жизни в своей деревне Хвостов вернулся в Петербург и поступил на службу оберпровиантмейстером, в 1783 г. перешел на службу в государственную экспедицию и был экзекутором во 2-м департаменте Сената. В это время он перевел для князя А. А. Вяземского трактат о финансах Неккера (перевод остался в рукописи). Карьера, видимо, продвигалась не блестяще, поскольку в 1794 г. Суворов, прося о Хвостове у Платона Зубова, пишет о нем: «Он пожилой человек. Судьба его осадила против сверстников»¹⁶.

В 1789 происходит событие, круто меняющее жизнь Хвостова. Он женится на «любезной мне Темире, княжне Аграфене Ивановне Горчаковой, родной племяннице бессмертного Суворова»¹⁷. По ходатайству Суворова в 1795 году Екатерина пожаловала Хвостова в камер-юнкеры, с чем связан следующий анекдот: Екатерине кто-то заметил, что Хвостову, по его наружности, не следовало бы носить этого звания, но она отвечала: «Если б Суворов попросил, то я сделала бы его и камер-фрейлиной». Поэт сам занес этот анекдот в записную книжку с замечанием: «Так Великая умела чтить волю Великого!»¹⁸.

На самом же деле Хвостов стал близким другом вели-



кого полководца. Довольно сказать, что именно Хвостову Суворов доверил своих детей. Он боялся, что двор погубит его Наташу, и ему удалось забрать дочь из дворца и поселить ее у Хвостова под присмотром своей родной сестры Марии Васильевны Олешевой. Для верности Суворов и Хвостова переводит под свое начало (что, разумеется, было действием чисто умозрительным: Альпы Хвостов не переходил). «Ваше Сиятельство, — писал Суворов П. А. Зубову 30 марта 1794, — позвольте подполковнику Д. Хвостову остаться при моей дочери до ее брака... Хвостов не в полку из вверенных мне, переходит в иной моего начальства». Хвостов к этому времени числился умозрительным («умственным», как сказал бы сам Хвостов) подполковником Черниговского пехотного полка. Видимо, Зубов разрешил Хвостову перейти к Суворову¹⁹.

Наташа жила в квартире Хвостова по выпуске из Смольного и до замужества; там же в 1798-1799 гг. жил сын Суворова, Аркадий. «Вы ... для Наташи второй батюшка», — писал Суворов Хвостову 7 сентября 1791²⁰.

«Нет тайны, которой бы он мне не доверял», — сказал о Суворове поэт, и это правда, подтверждаемая письмами полководца Хвостову. Суворов даже поверяет родственнику свои сны: «Сонное суеверство... Ныне я видел, потерявши, отыскавши, Наташу в присутствии Великого Гетмана ... калмыковатую с горбом, так что рассмеялся». Что означает: мнительный Суворов видит дочь среди фрейлин, с Потемкиным, это его и тревожит, и смешит, так как он считает дочь дурнушкой и не верит, что она может привлечь внимание Потемкина. И все же он вновь и вновь закликает Хвостова: «Наташа мечтается уже мне в Царских чертогах. Блюдайте, не ввергните в напасть. Дух Господень вам помощник!»²¹.

Письма Суворова Хвостову на стороннего читателя порой производят впечатление некоторого безумия: начинают-



ся они *ex abrupto*, без всякого обращения, и так же внезапно завершаются; в середине же — внутренний монолог, обращенный скорее к себе, чем к Хвостову. Одно письмо начинается так: «Их самих оружием побеждать. Зависть? Да! 50 лет в службе, 35 лет в непрерывном употреблении. Ныне рак на мели. Что ж? Разве абшид, коли питать клеветов. Старшинство. Ему это незнакомо». Кто такие — «они», кто такой — «он»? Понимал ли Хвостов эту тайнопись? И было ли Суворову важно, чтобы «умственный подполковник» его понимал? Впрочем, есть в этих письмах, помимо монологов к себе, и прямые наставления Хвостову, — тоже довольно причудливые: «Личности переменяют смысл и вид. Не презирайте искрою. Лай — лиз, участь — корысть, молва — подкоп. Зарница — Перун»²².

Будущий хвостовед, если таковой появится, должен будет серьезно рассмотреть вопрос о влиянии этих писем на поэтику Хвостова. Эмблематика в письмах Суворова оживает, наполняется реальным жизненным содержанием — он апеллирует к ней напрямую: «И с какими же гусями (знаете эмблем) сей князь Г[ригорий] А[лександрович] имеет дело»²³. В «Эмблемах и символах», которые мы уже цитировали, в самом деле есть две эмблемы с гусями: «Гусь, пасущаяся травую» символизирует упорство: «Умру, либо получу желаемое» (*Deficiam, aut efficiam*) (№ 86); «Гусь на башне» (№ 285) означает бдительность: «Неприятель в близости». Вероятно, Суворов имеет в виду первую эмблему (если, конечно, он не черпал свои знания из других сборников эмблем).

И любимая поговорка Суворова о Фортуне, которую он не раз приводит в письмах Хвостову, — «Фортуна на быстром лету имеет на лбу длинные волосы: лови, — затылок гол — не поймать»²⁴, — имеет корни в эмблематике: Фортуна, как известно, «изображается лысою», а потому и ухватить ее



Безумно, ветрено, без всяка зву
 Прыгнула из норы мышь в лапы к льву...

(«Лев и Мышь»)

Сама динамика хвостовских басен свидетельствует о том, что беспримерная стремительность полководца на него повлияла. Нет басен быстрее хвостовских: все совершается у него мгновенно и при полном презрении к закону тяготения, препятствующему этой мгновенности. Летят у него не только птицы — ослица в полной невесомости возносится на дерево:

...и вмиг
 Ослица прыг,
 Летит на дерево с размаху.

(«Осел и Рябина»)

Летят и собаки, ничуть не изумляя случайного наблюдателя:

Я вижу близ тебя пята с пятой
 Летят собаки

(«Петух и Лисица»)

Современный исследователь «структур воображения» уверяет нас, что для воображения спуск — предприятие более опасное, чем подъем: «Воображаемое нисхождение требует больших предосторожностей, чем подъем»; подъему достаточно одних крыльев, а «спуск задействует броню, скафандры, или еще сопровождающего наставника, целый арсенал машин» и т. п. — ведь «спуск в любой момент может превратиться в падение»²⁷. Все, может быть, и правильно — но только не у Хвостова. Для него спуск ничуть не труднее, чем подъем, — и губительные свойства земного притяжения его героям не ведомы:



Им захотелось пить, в колодец в миг скочили
И жажду утолили.

(«Козел и Лисица»)

Почему-то в воображении встают суворовские солдаты на сюрреалистической картине Сурикова, которые с веселым смехом, при полном одобрении полководца, бросаются в ледяную пропасть, — и, похоже, отскакивают от ее дна, как резиновые мячики...

Любимые слова Хвостова — «вмиг», «вдруг», «скок», «прыг»; ценится односложность и слов, и действий:

...Испуганный зверок
Вздогнул, с постели скок
И ну улизывать чрез горы и долины...

(«Заяц и Лягушки»)

...Один из них в середине ночи
С постели скок, что было мочи,
И к другу прибежал...

(«Два Друга»)

Некие загадочные «жестокости души» отрезают уши у кобеля опять же — «вмиг». Впрочем, казни в баснях Хвостова не мучительны — потому что мгновенны:

...Наскучивши игрой, как Геркулес Герой,
Вдруг лапу приподнял и с одного размаху
Он в кошке той ниже оставил праху...

(«Медведь и Кошка»)

Волка с кожей в минуту разлучили...

(«Старый Лев и Врачи»)

У него даже «стекло вод» — быстрое:



Все быстрое стекло любили Невских вод...

(«Послание к Н. Н. о наводнении Петрополя...»)

Суворов умер на руках у Хвостова: в квартире на Крюковом канале (дом 23), которую снимал поэт. «Мне же определено было принять последнее издыхание непобедимого героя»²⁸. Хвостов заказал первую надгробную плиту полководца. Многие источники приводят анекдот, что Суворов перед смертью попросил Хвостова то ли не писать стихов на его смерть, то ли не писать стихов вообще; ни ту ни другую просьбу Хвостов не исполнил, — но вряд ли Суворов об этом и просил, поскольку к творчеству родственника относился без иронии. Сам Хвостов приводит совсем другой анекдот, связанный со смертью героя: когда Хвостов, чтобы успокоить Суворова, сказал, что врачи надеются поднять его на ноги, последовал вопрос: «"Хорошо... а если я останусь жив, сколько лет проживу?" Вопрос сей исходил из уст Суворова ровно за неделю за его смерти. Поэт, чувствуя, что должен вскоре его оплакать, думал сделать большой подарок, сказав громогласно и решительно: "Пятнадцать лет". Вообразите, каков был ответ умирающего героя! Он нахмурил брови, показал сердитый вид, плюнул и сказал: "Злодей! Скажи тридцать"»²⁹.

«Дней Александровых прекрасное начало» совпало с бурным расцветом хвостовского творчества. В 1802 г. изданы знаменитые «Избранные притчи...»; в 1804—1806 гг. Хвостов вместе с Г. С. Салтыковым, П. И. Голенищевым-Кутузовым и Н. Н. Сандуновым выпускает журнал «Друг просвещения», «памятный только тем, что в нем поместил Евгений начало своего "Словаря светских писателей"» (М. А. Дмитриев). Кстати: Евгений обидел Хвостова, не поместил в свой словарь о нем статьи — а Хвостов так помогал ему материалами... Как рассказывает тот же



Дмитриев, приятели «уговорили П. П. Бекетова печатать этот журнал на его счет в его типографии, рассчитывая на большие выгоды»³⁰; выгод не получилось, так как журнал имел лишь 62 подписчика. Журнал полемизировал с карамзинистами, ополчался на «Московский зритель» Шаликова³¹. Сам же он был вовсе не чужд того ночного, мрачно-гробового романтизма, который вообще характерен для архаистов; приведем как пример публикацию на чрезвычайно модную в эту эпоху тему погребения заживо³² — это статья «Мнимо-умершие» (перевод с немецкого), где описываются переживания человека, проснувшегося в гробу: «Он пробуждается, открывает глаза, глубокий мрак окружает его, дотрогивается до всего к нему близкого, ощупывает крышку...»³³.

Об этом стоило упомянуть, потому что тема смерти входит в творческое сознание Хвостова прочно и с оттенком оригинального макабрического юмора, о чем составителям настоящей книги уже приходилось писать³⁴. Один из хвостовских льстецов, некто Щедрицкий, заверял его: «Вы не умрете, сиятельный граф, хотя часто упоминаете о смерти»³⁵. В самом деле, Хвостов говорит о смерти часто и своеобразно. Его любимейший жанр — «надгробие» (так он называл эпитафию). В «Друге Просвещения» Хвостов призывает Фонвизина восстать из гроба, чтобы разобраться со слезливыми карамзинистами, — но опасается, как бы мертвец снова не умер с тоски:

Ты жил, Фон-Визин, с Музой ладно —
Твой дар живет еще у нас;
Оставь на час жилище хладно,
Мы улыбнемся хоть на час.



На муз напала грусть, слезливость,
 Бездушна, томная красивость
 Сушит луга и ручейки —
 Но ах! хотя из гроба встанешь,
 Опять зачахнешь и увянешь,
 Умрешь, наверное, с тоски³⁶.

По остроумному предположению Л. С. Сидякова, Пушкин в «Тени Фон-Визина» осуществил хвостовское желание вновь увидеть мертвого сатирика среди живых³⁷.

Удаются Хвостову и каламбуры в духе пушкинского «гробовщика», например:

Здесь милый хлебосол в могиле жить остался.

(«Современнику Обжоркина»)

Черным юмором веет и от анекдота о том, как «покойный князь Кочубей» и тайный советник П. А. Кикин сговаривались летом отправиться в свои деревни и в самом деле: «оба они сдержали слово и отправились — Кикин простудился на бале и умер 18 мая; Князь Кочубей, одержимый тяжкою болезнью, около тех же чисел доехав до Москвы скончался не позже 3-го июня нашего штиля».

Связь между мертвыми и живыми — постоянная тема Хвостова; он так настойчиво уверял, что его перевод «Науки стихотворной» Буало прислан ему Тредьяковским с того света, что можно заподозрить за этой шуткой и что-то серьезное: «Я думаю, что мой перевод сравнительно с переводом г. Тредьяковского есть тот же самый, как и его, только присланный им из царства мертвых с большею чистотою и свободностью слога, может быть и с большею несколько способностью к поэзии»³⁸; «Я мню о своем переводе, что Тредьяковский прислал мне оный с того света и что он его, но украшен чистотою и свободностию слога, а может быть, имеет несколько более дарования к поэзии»³⁹.



Он и на себя охотно принимает роль такого же литературного «мертвеца» (по сути, конечно, бессмертного), за гробом продолжающего неустанную писательскую деятельность, — и попрекает Евгения за медлительность с его словарем как бы уже «оттуда»: «Стыдно вам будет, если вы скоро его не напечатаете. Я за сие попрекать вам буду из гроба...»⁴⁰.

Хвостов задумывается о посмертной судьбе, об эпитафии (которой ему почему-то не суждено было иметь) и вопрошает: «И что же, если потомки надпишут мне известную Эпитафию:

В потомстве жить собирался,
Но за живо скончался?»⁴¹

У этого самого литературного из литераторов было удивительное ощущение — невозможности умереть, пока не закончен писательский труд. Подобно тому волшебному мандарину, который, как ни кололи его разбойники кинжалами, не желал умирать, пока не удовлетворил своего вожделения, — Хвостов не желал умирать без полного удовлетворения жажды совершенства. В одном из последних писем он скажет: «Я при глубокой старости не перестану писать...»⁴². Вероятно, он верил, что просто не может умереть, пока пишет: Фортуна его не отпустит и вернет от подножия гроба к письменному столу. Он вновь и вновь неустанно переделывал и совершенствовал свои творения. «...Признаюсь, что я бы не желал теперь умереть, ибо лирические творения мои, о коих и иностранные многие журналы с великою похвалою отзываются, требуют еще некоторых поправок. Однако, скажу, что во всех их видны блеск пламенного воображения и сильный законодательный дух поэта...»⁴³.

«Весьма бы не доволен был, — пишет он А. Е. Измайлову, — если бы сочинения мои и переводы выдавались теперь в том виде, как прежде были за двадцать лет и более... Дарование в авторе особливо мое маленькое». Ядовитый



Измайлов в это месте приписывает на полях: «крошотное!»⁴⁴

Однако и в самом деле: «Басни» 1820 года — совсем не то, что «Притчи» 1802 г. В настоящем издании мы даже решили разместить их в разных разделах. В «Баснях», к разочарованию хвостовских насмешников, меньше нелепостей, и журнал «Благонамеренный», рецензируя их, без всякой иронии отмечает их достоинства. Между прочим, именно в этой рецензии дан перечень «хороших строк Хвостова», который потом будет повторяться, с разночтениями, мемуаристами: здесь и «Ползя, Упасть нельзя»; и «Выкрадывать стихи неважное искусство: Украдь Корнелев дух, а у Расина чувство»; и — в ту же рифму — «Погибни ум, когда простынет чувство!»⁴⁵

А Хвостов, словно чувствуя недостаточность чисто литературной работы для достижения бессмертия, пытается достичь его и иными средствами. Он дарит в кронштадтскую флотскую библиотеку свой мраморный бюст; наверное, не без его участия в Ревеле появляется корабль, названный «Граф Хвостов»⁴⁶. Портреты графа украшают трактиры и почтовые станции; анонимный автор книжки «Дилижанс» видит портрет Хвостова на станции Хотилово, в трактире: «Ба! это Мевий Русского Парнаса, сказал я, увидав на стене портрет одного из отечественных писателей, который напомнил мне басню: "Стихотворец и черт", так хорошо написанную А. Измайловым»⁴⁷.

Его деятельность по переводу своих творений на иностранные языки и их рассылке беспримерна; над переводами трудятся крупные литераторы — Э.-В. Раупах, Жозеф де Местр; творения Хвостова доходят до библиотеки Гете: Хвостов послал ему свои стихи в переводе Раупаха и с письмом: «Я буду счастлив, милостивый государь, если Вы удостоите принять несколько цветков семидесятилетней северной музыки». С. Дурьлин в работе о Гете и русских пи-



сателях отметил примечательный факт: «имя Хвостова сделалось известно Гете раньше имен Жуковского, Батюшкова, Пушкина... Гете читал графа Д. И. Хвостова раньше всех других русских поэтов»; «Сочинений Пушкина Гете не читал, а вот "Наводнение" Хвостова в его библиотеке хранится и поныне...»⁴⁸.

В басне «Старик и Три Юноши» Хвостов изображает юношей, ожидающих скорой и верной смерти некого старика — все, однако, происходит не так, как они рассудили:

Погибли юноши! — один дурак влюбился
И застрелился,
Другой ухлопан на войне,
А третий жизнь скончал морей на дне.
Старик доколе жив остался,
О них воспоминал — и часто сокрушался.

Хвостов и сам своей жизнью сам словно бы воспроизводит эту же трагикомическую ситуацию. Когда известие о его смерти в 1831, в разгар холеры, оказалось мнимым, Пушкин писал Плетневу: «С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв Хвостов торчит каким-то кукишем похабным... Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет. Но в таком случае, именем нашей дружбы, заклинаю тебя его зарезать — хоть эпиграммой» (3 августа 1831).

Сравнение с «похабным кукишем» психологически точно: Пушкин словно бы понимает, что тайна хвостовского долголетия — в неудовлетворенном вожделении к письму, к писательству. Пока не удовлетворится вожделение, не пресечется и жизнь (вновь вспоминается волшебный мандарин, перед могучим фаллосом которого бессильны кинжальные удары убийц). И действительно, самая страшная, самая настоящая смерть для Хвостова — смерть от эпиграммы;



физическая смерть ему не страшна. А сам пиит словно слышит эти угрозы литературных «убийц» и торжествует над их бессилием: «Может быть и я доживу до своего Занда, но Ж... говорит, что еще кинжалы тупы»⁴⁹.

А на реальную, «внелитературную» смерть Хвостова Пушкин никак не откликнется. И в самом деле: какое отношение к Хвостову имела реальность?

Хвостов был добрым человеком. Но и доброта его имела фантазмагорический, ирреальный оттенок. У него было совершенно фантастическое, идеальное представление о литературе как дружеском союзе писателей, творящих в мире и согласии. Пытаясь осуществить эту утопию, он уговаривал собратьев не ссориться и находил любопытные доводы: «На что нам, особливо Беседе, заедаться и перенимать лай собачий у французских писателей? Что им позволено, то нам нет, мы дву-ипостасные. Я сказал Шаховскому: мы все князи да графы. Осмеяние относится на наших жен, детей и на наше в обществе состояние, какового литераторы иных земель не имеют»⁵⁰.

Он презирал сатиру, сравнивал сатириков со злобными «гадами», а настоящих писателей — с великодушными «орлами». «Ругательства злобного и несчастного сочинителя обращаются ему самому в посрамление. — Сие мне вспоминает о прекрасной мысли княгини Дашковой, что дурное только вино скисает, а творец посредственных дарований избирает своим подвигом сатиру. Если твои сочинения не нравятся, то ни подкупные твои похвалы, ни твоя злоба не помогут. Первые растают, как весенний снег, а последняя изранит тебя одного... Я вопрошаю, какую пользу приносят ругательные сочинения? ... Пускай гады кусают друг друга, но орлам, к солнцу парящим, сие непристойно и поносно...»⁵¹.

По горькой иронии лысой Фортуны именно ему, проповеднику всеобщего согласия в литературе, пришлось стать



жертвой совершенно обратного положения дел. «Добрый, ласковый старец, который во весь век ни против кого, кроме себя самого, грешен не бывал» (Катенин⁵²), испил всю горечь литературной злобы; не удовольствовавшись эпиграммами, из которых самую грубую приписывали Пушкину:

Сожаленье не поможет,
 Все ж мне жаль, что граф Хвостов
 Удержать в себе не может
 Ни урины, ни стихов. —

литературная молодежь затеяла своего рода литературную корриду: вошло в моду обращаться к Хвостову с хвалебными посланиями, с просьбами поучить мастерству. Потеха состояла в том, чтобы получить от Хвостова ответ. Языков, написавший Хвостову витиеватое послание, сумел провести доверчивого поэта, и тот хвастался в письме П. А. Кикину, что Языков «просит у меня классического совета, присовокупляя обещание отстать от буйной шайки романтиков. Прекрасное послание юного наперсника муз <...> находка для семидесятилетнего поэта, которого публика не читает...» (26 октября 1827). Зато Рылеев не сумел скрыть слишком уж откровенной издевки:

Так, так; твои творенья
 В потомстве будут все читать
 И слезы сожаленья
 За претерпенные гоненья
 На мавзолей твой проливать, —

и получил от патриарха выговор. Об этой истории Хвостов позднее, уже после казни Рылеева, вспоминал с характерным макабрическим юмором: «Рылеев был еще тогда не на воздухе, и сказал, прочтя мое замечание: "Я пошутил, а ваше замечание пойдет в потомство". В ответ ему отвечать надобно было:



"Потомства не страшись — его ты не увидишь!"»⁵³

Хвостов очень сокрушался, что мира в литературе нет: «Вот, батюшка, — писал он Каченовскому, — что делается в нашей словесности, а я молчу и повторяю вам мой стих:

Пускай зоилятся парнасские ерши!»⁵⁴

Подлинного понимания он ждал от потомков. Он был готов ждать, ибо «поспешная слава не может быть долговременна, и Державин сказал: *заслуги в гробе созревают...*»⁵⁵. Ждать «созревания заслуг» он собирался вместе с Пушкиным, которому писал (в черновом письме, 25 октября 1831): «Не бойтесь и верьте, что творения ваши и мои будут оценены не същиками-современниками, а грядущим потомством». В другом тексте он рассуждает о причинах своего конфликта с современниками: «Безмолвие обо мне современников <...> может показаться, если не выставить причины, судьям моим, что я оное заслуживаю как дюжинный стихотворец. А причина весьма ясная. Вражда за то, что я ополчался, любя всех, что и биография говорит, на испорченный вкус и неправильный язык»⁵⁶.

Как это для него характерно: «ополчался» — не на людей, а на плохой вкус; людей же всех «любил». Он решительно не одобрил «Горе от ума» («Действие во всю комедию спит... Софья Павловна, в которую так влюблен Чацкой, столь розвращенна, что не достойна быть на театре»⁵⁷), находил «подлыми» многие стихи Пушкина; он возмущен, что Пушкин восхищается Наполеоном: «Если Пушкин восхищается его гением, то что такое гений без доброго сердца?»⁵⁸ — но все же он любит Пушкина, он обращается к нему с пламенным посланием:

Тебе дала поэта жар
Мать вдохновения — природа,
Употреби свой, Пушкин, дар



На славу русского народа...
...Любитель муз, с зарею майской,
Спеши к источникам ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поет где Пушкин-соловей!

(«Соловей в Таврическом саду»)

Кажется странным, что Хвостов увековечил этот столь недолгий (всего в несколько месяцев) адрес Пушкина. Но следует вспомнить, что и сам Хвостов некоторое время (в начале 1810-х гг., а может быть и позднее) жил на Фурштатской, недалеко от А. С. Шишкова, на что намекает А. Измайлов в басне «Филин и Чиж», где филин-Шишков говорит о вороне-Хвостове:

Вот Ворон, мой сосед,
Когда закаркает, то, право, сердцу любо!⁵⁹

Получается, что Фурштатская вольно или невольно сближала — хотя бы географически — непримиримых оппонентов: Хвостова и Шишкова — и Пушкина.

Но здесь пора обратиться к другой стороне хвостовской доброты, тоже в своем роде фантазмагорической. Вокруг графа, полуразоренного бурной издательской деятельностью, крутилась толпа небесплатных поклонников. Письма к просьбам шли со всей Руси: «Хочу умереть вашим благодарным за бесчисленные одолжения клиентом, и потому прошу только о продолжении оных столь же постоянно, как продолжают они 30 лет!» (Шаликов); «Три тысячи рублей — и я почту себя наисчастливейшим из смертных!..» (И. М. Петров, помощник комиссионера по развозу соли в Красноярске)⁶⁰; «мне... необходимы 2000 рублей... В Сибири умеют помнить и понимать все прекрасное!» (Дм. Давыдов, автор романа в стихах «Заветный бокал», из Тобольска)⁶¹.

Существовали и эпигоны Хвостова — можно, пожалуй,



говорить о существовании в русской поэзии «школы Хвостова»; правда, деятельность этой школы Хвостову приходилось оплачивать. Так, Рындовский писал Хвостову, что тот являл

с юных лет к полезному несытость,
 Любя его, искал России знаменитость...
 ...И, свыше ополчен, пространство пролетал,
 А по следам цветы душистые метал...

«Несытый» — один из любимых эпитетов Хвостова; например, холера у него — «несытая».

А Н. М. Шатов прямо брался за любезную сердцу Хвостова гробовую тему:

Но Хвостов и под снегами
 Благозвучными струнами
 Заслужил себе венец.
 Как лирический певец,
 Как любимец вдохновенья,
 В гробовой туман забвенья
 Вместе с славой не сойдет:
 Он свой гроб переживет...

В 1827 г. в Обществе любителей российской словесности разразился даже скандал: М. Дмитриев обвинил Шаликова, что он «хвалит» Хвостова «за пятьсот рублей»; скандал замяли⁶².

Стоит ли говорить, что стихи свои Хвостов распространял главным образом бесплатно; уже тяжело больной, в августе 1835 г., он отправляет к А. В. Никитенко три пакета своих стихов и просит его «покорно приложенные у сего три пакета раздать по надписи в первую, вторую и третью гимназии, состоящие здесь в городе при Университете. В сих пакетах мои стихи, которые я к Вам уже давно сообщил, да и теперь два экземпляра прилагаю собственно для Вас с



истинным почтением»⁶³.

Его глубоко оскорбляет намек Б. М. Федорова в «Журнале Министерства Народного Просвещения», что он якобы печатал свои сочинения на счет Российской академии, членом коей состоял, и он раздражается отповедью: «...Почтенный сочлен мой Борис Михайлович Федоров, рассуждая об Российской Академии, сперва удостоил упомянуть и обо мне в числе переводчиков. Академия издала переводы, в числе коих сказано: «Науки стихотворной Боало, переведенной графом Дм. Ив. Хвостовым»... Но все мои стихи и проза если печатались в Академии, то приватно, частным образом, а не на иждивение Академии...»⁶⁴.

В последние годы жизни он работает над словарями: биографический словарь, словарь рифм. Первую часть биографического словаря (от А до Л) он посылает в 1835 г. цензору Никитенко со следующим пояснением: «...Словарь мой исторический, а не сатирический, он, кажется, беспристрастен... Впрочем, когда мой словарь напечатается, то есть через год, ибо я тороплюсь, каждый волен будет мне сообщать замечания о недостатках, неверностях и ошибках; я оные все критики приму с благодарностию и вас обременяю поправками для того, что это дело не мое а дело Русской Словесности»⁶⁵. Судьба этого словаря неясна, зато наброски «Словаря рифм» (ок. 1832) сохранились в архиве Хвостова; словарь этот сбивается на толковый:

«Бука, умственное животное, в котором нянюшки пугают робят.

Букашка, животное ползущее.

Жевака, говорится о тех, которые притягивают речь как будто жуют слова» и т. д.⁶⁶.

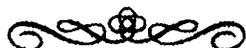
Облик дряхлого Хвостова предъявлен нам и в эпиграмме И. Дмитриева — «Подзобок на груди, и подогнув колена...», и в известной карикатуре П. И. Челищева. К старо-



сти он совсем согнулся, на шее вырос зоб. Он находил мужество смеяться над собой



Пушкин и Хвостов Карикатура П И Челищева 1830



От ига лет, подобно маку,
Я сгорбяся, равняюсь злаку.

(«А. С. Пушкину», 1831)

Самоирония всегда была его сильной стороной: кто еще из русских поэтов писал эпиграммы на самого себя?

Сохранился рассказ, как Хвостов упал во время прогулки в Летнем саду⁶⁷. «Он так дряхл и расслаб, что недолго осталось ему публично падать, писать и...», — прокомментировал П. Вяземский⁶⁸. Хорошо что еще не вспомнил:

Ползя,
Упасть нельзя.

За сорок дней до смерти Хвостов еще просит Никитенко «одобрить казенным порядком сочинение моей неумолкаемой музы, большею частью в стихах, иногда и в прозе... Я более полугодю болен и все нахожусь в постеле...»⁶⁹. Письмо, как обычно, писал секретарь, но по собственноручной подписи видно, как дрожит рука автора.

Хвостов породил странный поэтический мир — но этот мир, столь далекий от «правды», «природы» и «реальности» — похоже, все-таки вступил в некий контакт с призрачной жизнью Петербурга. О Хвостове говорили, что он «обмолвился» хорошим стихом, — но случилось однажды ему обмолвиться и предсказанием. Поразительна история с наводнением Невы, дважды предсказанным Хвостовым. Эта история реконструирована в замечательной статье Л. Е. Пумпянского, из которой мы приведем обширную выдержку. «Кто как не Хвостов был официальным и профессиональным певцом Петербурга и Невы? ... И вот официальный поэт Невы, воспевший и реку и набережную,

Мосты висячие, узорные ограды,
и ботик, и Академию Художеств и всадника, дошедший до курьезных алогизмов:



Дивится римлянин и грек
Красе Петрополя в наш век,

гипнотически поработен образом наводнения. В нелепой басне "Бот, Нева и море" ("Вестник Европы", 1803, ч. IX), написанной в атмосфере юбилейного года, двухвесельный бот покаран за самомнение:

Летит Борей и дует
И на Неве бунтует...

Открыл он челюсти свирепых в море волн...

и т. п. Но лучше всего фиксация внимания петербургских архаистов на зловещем образе наводнения видна в оде Хвостова (1815) "Издателю моих стихотворений" (по 3-му изд. 1828, т. I стр. 212-215). Из этой оды придется процитировать одну замечательную в своем роде строфу:

Любуясь гордою Невою,
Ты зришь ее спокойный бег,
Когда смиренною волною
Гранитный омывает брег.
Озлобяся, река сердита,
Оплоты разорвав гранита,
Свирепость некогда прольет,
Несьгтые уста откроет,
Труды Фидиев наших смоем
И к морю бурно потечет.

Такая строфа обязывала. Когда, через 9 лет, пророчество сбылось, Хвостов должен был стать поэтом бедствия. Ода на наводнение 1824 г. подготовлена его прошлым...»⁷⁰.

Пумпянский объясняет «предсказание» Хвостова чисто литературоведчески: конечно, мотив наводнения как мести местного «бога реки» людям — общее место в классицистской поэзии; и все же — сбылась «нелепая» басня и не менее нелепая ода, «открылись» «несыгтые уста»!



И другие хвостовские «нелепости» пригодились: выморочный, фантастический образ в других руках — и в других глазах — вдруг получал статус реальности и жизни. Вот змея из притчи «Мужик и змея», что так нелепо

рассечена скакала
И части съединить искала,
и в самом деле «заскакала» у Пушкина в «Онегине»:

Еще амурь, черти, змеи
На сцене скачут и шумят...

А вот еще одна заготовка на будущее — из послания «Катерине Наумовне Пучковой 1821 года».

Разумной, городской и барышне любезной,
С которой музы все и Аполлон знаком,
Осмелюсь ли послать нескладной, стих железной,
И незатейливым начертанный пером⁷¹.

Конечно, этот «железный стих» надо еще облить «горечью и злостью» — и блюдо готово; но самое поразительное блюдо — в притче «Щука и карась»:

Карась мятется,
А щука вокруг его кольцом плетется,
Прельщает голубым пером...

Через пять лет этой щукой с «голубым пером» воспользуется не кто иной, как Державин — и подаст ее в великолепной сервировке:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Михаил Дмитриев рассказывает, как якобы возник державинский образ: «...За столом долго смотрел он [Державин] на щуку и сказал, обратясь к Дмитриеву: "Я думаю, что



очень хорошо будет в стихах и *щука с голубым пером!* " — и этот стих не пропал из его запаса!»⁷².

Тот самый Дмитриев, что так точно сказал о «природе навыворот» у Хвостова, восхищается теперь наблюдательностью Державина, — а Державин всего лишь повторил одну из хвостовских «нелепостей»! Таковы они, «несносные наблюдатели...»

¹ Цит. по: П. О. Морозов. Граф Дмитрий Иванович Хвостов. 1757—1835 гг. / Русская Старина, 1892, № 8, с. 571.

² Январь 1813 г. // Батюшков К. Н. Соч. в 2-х тт. — М. 1989. Т.2, с. 239.

³ Ф. Ф. Вигель. Записки. — 1891. Т. I, с. 145.

⁴ М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. // М. А. Дмитриев. Московские элегии. — М. 1985, с. 197.

⁵ Цит. по: Морозов, цит. соч. // Русская Старина, 1892, № 10, с. 418.

⁶ Рукописный Отдел ИРЛИ. Ф. 322 (Фонд Д. И. Хвостова), № 14, л. 11.

⁷ Переиздание: Эмблемы и символы. — М.: Интрада. 1995.

⁸ См. об этом: А. Е. Махов. «Печать недвижимых дум». // Эмблемы и символы. — М.: Интрада. 1995, с. 16-17.

⁹ Н. С. Тихонравов. Д. В. Дашков и граф Д. И. Хвостов в Обществе любителей словесности, наук и художеств в 1812 г. // Русская старина, 1884, № 7, с. 106-107.

¹⁰ Цит. по: Gerald Holton. Thematic Origin of Scientific Thought. Kepler to Einstein. — Cambridge (Mass.). 1988, p. 79.

¹¹ В. Шереметевский. Русский провинциальный некрополь. — М. 1914, с. 909.

¹² РО ИРЛИ. Ф. 322, № 31, л. 79.

¹³ О знаменитости издревле Переславля-Залесского. // Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 7, с. 116.

¹⁴ Цит. по: Морозов, цит. соч. // Русская Старина, 1892, № 8, с. 572. Биографич. материалы о Хвостове см. в кн.: М. Н. Сухомлинов. История российской академии. — СПб. 1885. Т. 7.

¹⁵ А. В. Западов, предисловие к публикации «Из архива Хвостова». // Лит. архив. Т. 1. М.-Л. 1938, с. 359.



- ¹⁶ П. А. Зубову, 30 марта 1794. // А. В. Суворов. Письма. Под ред. В. С. Лопатина. — М.: Наука, 1986, с. 265.
- ¹⁷ П. О. Морозов, цит. соч. // Русская Старина, 1892, № 8, с. 573.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ А. В. Суворов. Письма, цит. изд., с. 265.
- ²⁰ Там же, с. 222.
- ²¹ От 20 июля 1791 и от 15-17 августа 1791. Там же, с. Там же с. 214, 219.
- ²² От 30 июля 1792 и осень 1792. Там же, с. 233, 242.
- ²³ От 15-17 августа 1791. Там же, с. 220.
- ²⁴ От 8 августа 1791. Там же, с. 216.
- ²⁵ Эмблемы и символы. — М.: Интрада. 1995, с. 42.
- ²⁶ От 20 и 30 сент. 1791. // А. В. Суворов. Письма, цит. изд., с. 223, 225.
- ²⁷ Gilbert Durand. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. — P. 1960, с. 212-213.
- ²⁸ П. О. Морозов, цит. соч. // Русская Старина, 1892, № 8, с. 573.
- ²⁹ Цит. по комментарию В. С. Лопатина в кн.: // А. В. Суворов. Письма. Цит. изд., с. 757.
- ³⁰ М. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. Цит. изд., с. 197.
- ³¹ Альтшуллер М. Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века: «Друг просвещения» и «Московский зритель». // XVIII век. — Л. 1975. Сб. 10, с. 105.
- ³² «На рубеже XVIII и XIX веков и позднее страх быть похороненным заживо был настолько силен, что в обществе царила настоящая паника. (...) Возникали общества борьбы с мнимой смертью. Первое такое общество было создано в Амстердаме в 1767 году...» Мельников Л. Смерть раньше смерти. // Чудеса и приключения. 1997, №5. В самом деле, вот пример: Ф. Гельдерлин в письме к Нойферу (осень 1792) пишет: «Здесь все носятся с ужасной историей о Шубарте в могиле» (перев. Н. Т. Беляевой). // Гельдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма. — М.: Наука. 1988. Под ред. Н. Т. Беляевой, с. 303. Ходил слух, что писатель К. Ф. Д. Шубарт (1739—1791) по недоразумению был похоронен живым.
- ³³ Друг Просвещения. — М. 1804. № 3., с. 228.
- ³⁴ О. Л. Довгий, А. Е. Махов. Двенадцать зеркал Пушкина. — М.: Intrada. 1999, с. 79-81.
- ³⁵ Е. Колбасин. Певец Кубры, или гр. Д. И. Хвостов (психологический очерк).



// *Время*. 1867, № 6, с. 162.

³⁶ Друг Просвещения. 1806, № 4, с. 12-15.

³⁷ Л. С. Сидяков. «Тень Фонвизина». // *Временник пушкинской комиссии*. Вып. 23. — Л. 1989, с. 90-98.

³⁸ П. О. Морозов, цит. соч. // *Русская Старина*, 1892, № 8, с. 584-585.

³⁹ Евгению. 24 июня 1813. Я. К. Грот. Переписка Евгения с гр. Хвостовым. / / Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. V, 1868, вып. 1, с. 147.

⁴⁰ 15 ноября 1818. Там же, с. 169.

⁴¹ Евгению, 13 сент. 1807. Там же, с. 140.

⁴² РО ИРЛИ. Ф. 322, № 31, л. 99.

⁴³ П. О. Морозов, цит. соч. // *Русская Старина*, 1892, № 8, с. 581.

⁴⁴ А. Е. Измайлову, 30 апреля 1822. РО ИРЛИ, ф. 18, П. И. Бартенев. № 61, л. 5 об.

⁴⁵ Благонамеренный. 1820. № 9 с. 176-182. Рецензия подписана: О—въ.

⁴⁶ Е. Колбасин. Певец Кубры, или гр. Д. И. Хвостов (психологический очерк). // *Время*. 1867, № 6, с. 141.

⁴⁷ Дилижанс, или Наблюдатель отечественных нравов. — М. 1828, с. 90.

⁴⁸ Дурьлин С. Русские писатели у Гете в Веймаре. // *Литературное наследство*. Т. 4-6. М. 1932, с. 278-281.

⁴⁹ Преосвященному киевскому. // II часть прозаических произведений (письма). РО ИРЛИ. Фонд 322 (Хвостова), № 15, л. 97 об.

⁵⁰ Из архива Хвостова. Публикация А. В. Западова. // *Лит. архив*. Т. 1. М.-Л. 1938, с. 383.

⁵¹ Гостиный двор (Русское сочинение). РО ИРЛИ. Ф. 322, № 11. л. 47-48.

⁵² Воспоминания о Пушкине. // Катенин П. А. *Размышления и разборы*. — М. 1981, с. 215.

⁵³ Цит. по: П. О. Морозов, цит. соч. // *Русская Старина*, 1892, № 10, с. 412.

⁵⁴ Е. Колбасин, цит. соч., с. 143.

⁵⁵ А. Е. Измайлову, без даты. РО ИРЛИ. Ф. 322, № 21, л. 32.

⁵⁶ РО ИРЛИ. Ф. 322, № 14, л. 153.

⁵⁷ РО ИРЛИ. Ф. 322, № 31, л. 57.



- ⁵⁸ Пушкин и Хвостов. Публикация А. В. Западова. // Лит. архив. Т. 1. М.-Л. 1938, с. 279.
- ⁵⁹ Поэты-радищевцы. — Л. 1979, с. 249 (также комментарий П. А. Орлова и Г. А. Лихоткина на с. 547).
- ⁶⁰ Морозов, цит. соч. // Русская Старина, 1892, № 8, 578, 580.
- ⁶¹ Е. Колбасин, цит. соч., с. 172-173.
- ⁶² Е. Колбасин, цит. соч., с. 159, 172, 167.
- ⁶³ 5 августа 1835. РО ИРЛИ. Письма Хвостова к А. В. Никитенко, 1835 г. № 1. 18733. С. XXIV бв, л. 1.
- ⁶⁴ О журнале Министерства Народного Просвещения. РО ИРЛИ. Ф. 265, № 408, л. 8.
- ⁶⁵ РО ИРЛИ, Письма Хвостова к А. В. Никитенко, 1835 г. № 3. 18733. С. XXIV бв, л. 5 об.
- ⁶⁶ РО ИРЛИ. Ф. 322, № 46, л. 14, 17.
- ⁶⁷ Старина и Новизна. Кн II, стр. 231.
- ⁶⁸ Русский Архив. 1868, ст. 619-620.
- ⁶⁹ 11 сентября 1835. РО ИРЛИ, Письма Хвостова к А. В. Никитенко, 1835 г. № 2. 18733. С. XXIV бв, л. 3.
- ⁷⁰ Л. В. Пумпянский. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII в. // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Вып. 4-5. — М.-Л. 1939, с. 107-108.
- ⁷¹ Д. И. Хвостов. Полн. Собр. стихотворений. — СПб., 1829. Ч. II, с. 251.
- ⁷² М. Дмитриев, цит. соч., с. 164-165.

А. Е. Махов

Тритон всплывает: Хвостов у Пушкина

Люблю тебя, Петра творенье...

("Медный всадник")

Единственный Петрополь, славный,
Краса Европы городов...

("Июль в Петрополе")

И Пушкин, и Хвостов — певцы Петербурга (Хвостов сам называл себя певцом Невы); а в пушкинском описании наводнения, предсказанного и воспетого Хвостовым, не могли не всплыть и хвостовское название северной столицы, и хвостовский же тритон из «Оды М. В. Ломоносову» («Оды» 1801 г., с. 112):

Внуши [ты, Ломоносов], что в рог Тритоны трубят...

Да и сам Хвостов, старомодный, верный традиции, как мифологический тритон, постоянно всплывает в творчестве Пушкина, возобновляя игру, начатую очень давно. Для всех поэтов начала XIX века Хвостов в какой-то (в основном ранний) момент творчества служил мишенью для насмешек и давал возможность оттачивать остроумие, но с Пушкиным его игра не прекращается и после Лицея, и после Арзамаса. Хвостов с Пушкиным постоянно, и Пушкин это знает.

В стихотворении "Городок" Пушкин вспоминает идиллические картинки ранней юности:

В досужий мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,



Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Она со всех сторон,
Все сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал, —
Старушка все расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое;
А я сижу смиренно,
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда Свистова
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье! —

это, конечно, просто кокетство: Пушкин прекрасно понимает, что здесь бог не только "пытал его терпенье", но давал богатую пищу его уму и творческой фантазии. Болтовня старушки, сказки Арины Родионовны — кто обращает вни-



мание на такую ерунду? У старушки не стыдно что-нибудь и взять: бойкого поэта в этом никто не заподозрит. Хвостов здесь в роли такой старушки: над ним настолько принято смеяться, что никому в голову не придет, что бойкий Сверчок что-то берет у Хвостова. Интересно, что сравнение Хвостова с болтающей старушкой встречается не только у Пушкина. Наша современница, экскурсовод Музея Суворова в Петербурге, говоря о дружбе Хвостова и Суворова, вдруг сказала странную фразу: "Они были как две кумушки". А в болтовне старушки чуткое ухо Сверчка немедленно отделит подлинно хвостовское от, мягко говоря, заимствованного. "На рифмы удалого" — комплимент весьма двусмысленный: Пушкин прекрасно знал творчество Сумарокова и слышал, что в стихах Хвостова рифмы часто совпадают с сумароковскими:

Подъяческие души
 Легко пожалуют в рога большие уши
 ("Заяц" Сумарокова)

О горесть! о беда! свирепы души
 У датска кобеля отрезали вмиг уши
 ("Собака без ушей" Хвостова)

или:

Густая шерсть, копыта не велики;
 Довольно ли тебе, плутишка, сей улики?
 (сумароковский "Волк и Ягненок")

Пусть уши у тебя, собака, не велики,
 Привыкнут видеть их;
 А ты вперед и в случаях таких
 Останешься как конь, век права без улики.
 (хвостовская "Собака без ушей")



Кстати, и сам сюжет с прозвищем Сверчок заслуживает внимания. В книге "Эмблемы и Символы", которую все поэты конца XVIII—начала XIX вв. знали наизусть, дается такое истолкование этой твари: "Сверчок — кузнечик или коник полевой значит негодного стихотворца, враль, и Аполлона"¹. Может быть, и отсюда, а не только из баллады Жуковского, пошло арзамасское прозвище Пушкина? Он ведь и прямой наследник Аполлона, но в то же время и враль, и насмешник порядочный.

У Хвостова есть притча-посвящение Сумарокову "Сверчок":

Нескладным (курсив мой — О. Д.)

голосом всегда он петь спешил,

Хозяин сам, наскуча криком,

Он в сердце превеликом,

Туда, где был сверчок, полез,

И соловью сверчка, как Марция, принес...

Имеет это отношение к арзамасскому Сверчку или нет, неизвестно, но в стихотворении "Батюшкову" явно читается ответ:

Дудил я непрестанно;

Нескладно хоть играл,

Но музам не скучал (курсив мой — О. Д.)

Хотя и тут не удержится Сверчок: украдет у "добренькой старушки" понравившуюся игрушку:

Мужик, не умничай, таскайся за сохою,

И небу не скучай (курсив мой — О. Д.) блохою

(*"Мужик и блоха"*)

Пушкин прекрасно знает творчество Хвостова, чутко улавливает его основные темы и мотивы и играет с ними и на них.



Ну, например, хотя бы тема астрологии. Пожалуй, Хвостов — единственный из русских поэтов, кто так последовательно проводил астрологическую тему в своем творчестве:

Уже истощеваясь в силах,
В обратный путь стремится Лев;
Уже к Неве спустилась Дева,
Посланница святых небес...

("Июль в Петрополе 1831 года")

Пушкин, и сам не чуждый астрологическим играм, не прошел мимо этой особенности маститого певца:

"Хвостов написал мне послание, где он помолодел и тряхнул стариной. Он говорит:

Приблизаясь похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости июль

и проч. в том же виде. Собираюсь достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога..." (Н. М. Языкову, 18 ноября 1831).

А ведь у Хвостова не так:

От ига лет, подобно маку,
Я сгорбясь, равняюсь злаку,
Но стал союзник Зодиаку.
Страшась холеры стрел и пуль,
Я пел в Петрополе июль...

Это уже Пушкин насмешничает.

Кстати, о "пилюлях холеры". Их не любили оба: и Пушкин, и Хвостов. Оба склонны не удаивать ее страха, а спастись от нее смехом ("Со смехом ужас несовместен..."):

Рязанцов весельчак забавил нас умно,
В нем каждое лицо являлося смешно.



Но ах! несъгтая холера
Его похитила к досаде лож, нартера...

("Артисту Рязанцову")

Холера у Хвостова сродни его басенным диким зверям
— тоже дикая и несъгтая:

Ступил на север зверь крылатый,
Лия мгновенно смерти яд,
Язык горящий омокает
В потоки быстрые Невы...

("Июль в Петрополе 1831 года")

И у Пушкина холера — зверь: "Около меня колера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает..." (Плетневу, 9 сент. 1830).

Но и у Хвостова, и у Пушкина есть мотив восхищения отвагой царя во время эпидемии:

Царь Россов бодрствует, не дремлет,
Унынья, страха чужд... Он рек...
Одушевились миллионы...

("Июль в Петрополе 1831")

И хладно руку жмет чуме...

Коль скоро зашла речь о царях, просится в сравнение поведение Александра I во время наводнения у Хвостова и Пушкина. У Пушкина "властитель слабый и лукавый"

на балкон,

Печален, смутен, вышел он
И молвил: "С божией стихией
Царям не совладать". Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел...



Такое поведение вызывает у читателя смех. Кстати, приведем еще одну хвостовскую реминисценцию у Пушкина, связанную с Александром: "...Август смотрит сентябрем..." (Л. С. Пушкину, окт. 1822) — ср.: "А после на купца [Фортуна] взглянула *Сентябрем*" ("Купец и Счастье").

У Хвостова, в отличие от циничного насмешника Пушкина,

Сам сердобольный царь от высоты чертога,
Покорности к Творцу, любви к народу полн,
Послал жертв исхищать из уст свирепых волн...

(*"Послание к NN о наводнении в Петрополе..."*)

Одна из главных тем Хвостова — тема верности.

Друг верный на земле — бесценная отрада!
Он уловляет мысль, читает тайну взгляда;
Он о желаниях не ждет ни просьб, ни слов...

(*"Два друга"*)

Хвостов был и в жизни очень верным человеком: он был верен друзьям, и ни с кем не был так откровенен Суворов, как с этим своим родственником, которому он даже доверил воспитание своих детей, — и здесь опять просится "странное сближенье":

Я славой был обязан ей,
А, может быть, и вдохновеньем —

это из послания Пушкина Марии Аркадьевне Голицыной, урожденной Суворовой, дочери того самого Аркадия Александровича, сына полководца, которого воспитывал Хвостов. Так что как бы невольно Хвостову, воспитателю, — "дань сердца и вина".

Хвостов верен поэтическим традициям, верен (повторимся) друзьям, верен жене; у него даже пес — верный ("Верная собака") — а Пушкину это смешно:



... Ты с верною супругой
Под бременем Судьбы упрugой
Живешь в любви...

(*"Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову"*)

К этим строкам дается квазисерьезное примечание: "Графиня Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего Певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою". Отметим, что Темира встретится и у Пушкина, в вариантах III строфы 4 главы «Онегина»:

*Темира, Дафна и Лилета,
Как сон, забыты мной давно,*

только у Пушкина Темира, среди прочих прелестниц, давно забыта, как сон, а у Хвостова Темира одна на всю жизнь.

Вообще "верная жена" у Пушкина ничего, кроме насмешек, раздражения и скуки, не вызывает (не забудем, в пору написания "Оды Хвостову" и IV главы "Онегина" Пушкин еще не женат!):

*Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень, иль верная жена*

(*"Онегин", гл. 1, LIV*)

Впрочем, Хвостов в долгу не оставался, и в нравственном отношении Пушкина ставил не очень высоко, пушкинский цинизм часто претил великодушному певцу. О книге "Стихотворения Александра Пушкина" он заметил: "В ней таланта много, остроты довольно, блеску еще более. А шутки часто плоски или подлы". По поводу стихотворения "Наполеон" Хвостов скажет: "О последнем [Наполеоне] похвала некстати. Он враг человечества и превозносимой свободы. Если Пушкин восхищается его гением, то что такое гений



без доброго сердца?"

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него?

Хвостов пытался Пушкина направить на путь служения
высоким идеалам:

Тебе дала поэта жар
Мать вдохновения — природа,
Употреби свой, Пушкин, дар
На славу русского народа...

(*"А. С. Пушкину, члену Российской Академии..."*),

а Пушкин в эту игру уже давно сыграл:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа

(*"К. Н. Я Плюсковой"*) —

эту песенку "соловей" пропел еще в ту пору, когда назывался
Сверчком.

И Пушкина и Хвостова волновала мысль об ободрении-
одобрении сильных мира сего. В заметке "О журнале Ми-
нистерства Народного Просвещения"² Хвостов писал: "Я
член Российской Академии чрез 9 лет после ее существова-
ния и гораздо старше Капниста, Хемницера, Дмитриева, са-
мого президента Шишкова и других, правда, что я много
печатал в Академии, но на свое иждивение. Мое служение
Академии самое бескорыстное, не только что доселе не по-
лучал никакой награды, т. е. одобрения...". В конце мая —
начале июня 1825 Пушкин пишет А. А. Бестужеву: "Дер-
жавин, Дмитриев были в ободрение сделаны министрами.
Век Екатерины — век ободрений. Карамзин, кажется, обо-
дрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также... Из
неободренных вижу только себя да Баратынского — и не
говорю: слава богу!" Как видим, Хвостова нет ни среди "обо-



дренных", ни среди "неободренных" (вероятно, все по той же причине, что с мнением "добренькой старушки" не принято считаться). Но Пушкин о Хвостове не забывал и даже защищал его, подчеркивая его бескорыстие и широту: "Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них..." (Рылееву, 2 пол. июля — август 1825). Это высказывание сродни другому высказыванию Пушкина: "Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство" (Вяземскому, 27 мая 1826). "Наш Хвостов умер..." — напишет Пушкин Плетневу 22 июля 1831, получив ложное известие о смерти Хвостова. "Наш Хвостов" — а потому чужим не будет дозволено говорить о нем "поносно".

Хвостов постоянно призывал Пушкина верить, что "творения ваши и мои будут оценены не сыщиками-современниками, а грядущим потомством". Тема потомства очень волновала и Пушкина, и Хвостова:

Потомству моему труды мои — забава,
Я внучатам готовлю тень...

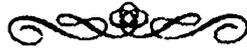
(*"Старик и Три Юноши"*)

С моей, быть может, тенью
Полунощной порой...
Мой правнук просвещенный
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире вздохнет

(*"Городок"*)

Вновь я посетил...

С темой потомства не может не возникать и тема соб-



ственной смерти, возможно, внезапной, а отсюда и тема покорности судьбе, фатализм:

Сегодня перешел — престал назавтра жить...

(*"Оракул"*)

Предполагаем жить — и глядь, как раз умрем...

(*"Пора, мой друг, пора..."*)

И у Пушкина, и у Хвостова есть мотив прихотливости смерти; она выхватывает своих жертв совершенно произвольно, никак не считаясь с расчетами и планами людей:

Цветущия красой три юныя девицы

От страха мертвыя лежали средь светлицы...

Там старец мрачный — жив — терзаяся тоскою,

Средь разрушения блуждает, будто тень,

И вопиет: где ты, любезная мне сень?

Где дочь и сыновья? Где ты, моя супруга?..

(*"Послание к NN о наводнении Петрополя..."*)

(Смеха ради заметим, что у Пушкина "три девицы под окном пряли поздно вечерком", а не лежали мертвые, но не исключено, что пожаловали они в "Сказку о Царе Салтане..." именно от Хвостова).

Вы завтра мните жить, как можно поручиться,

Что завтра то опять к нам возвратится?

Ни вам, ни мне оно,

Поверьте, в крепость не дано.

От всех закрыт поход на берег Ахерона;

Ни сроку назначать, ни дня нельзя учесть.

Случится, может быть, что на ладью Харона

Мне дряхлу старику удастся после сесть;

Быть может, что мой взор померкший и унылой

С зарею встретится над вашею могилой.



И подлинно случилось так:
Погибли юноши...

Старик доколе жив остался,
О них воспоминал — и часто сокрушался

(*"Старик и три юноши"*)

Кстати, почему-то у Хвостова умерших молодых всегда трое, а оставшийся в живых старик — один. Пушкин этой детали не упустил, и при всем почтении к серьезности темы не может не поставить все с ног на голову:

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой...
Но старцы живы,
А он увял во цвете лет..

(*"Гроб юноши"*)

...Дни наши сочтены не нами;
Цвел юноша вечер, а нынче умер,
И вот его *четыре* (курсив мой — О. Д.) старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу...

(*"Скупой рыцарь"*)

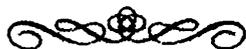
Поскольку и Хвостову и Пушкину "мысль о смерти неизбежной везде близка...", то для них привычно относиться к этой привычной теме с юмором. У обоих встречаются мотив могилы как дома:

Здесь милый хлебосол в могиле жить остался...

(*"Современнику Обжоркина"*)

"Мертвый без гроба не живет..." (*"Гробовщик"*)
Хвостовский философ Эмпидокл мечтает "из гроба зреть в своей потомство власти..." (*"Эмпедокл и туфли"*)

И Пушкин, и Хвостов любили тему путешествий между миром мертвых и миром живых. Л. С. Сидяков заметил,



что, возможно, идея "Тени Фонвизина" возникла не без участия Хвостова. И Хвостову в этом произведении отведена весьма заметная роль: Пушкин здесь заставляет Хвостова жаловаться на невнимательную публику, произнося почти буквально слова из других пушкинских стихов о Хвостове:

Пускай мой перукмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой...—

ср. про усы у гусара:

Ты к ночи одою Хвостова его тихонько обернешь
(*"Усы"*)

Такая самоирония свойственна далеко не всем маститым певцам, а у Хвостова Пушкин ее предполагает с полным основанием. Вспомним, как заканчивается пассаж о Хвостове в "Тени Фонвизина":

Поутру оду сочинил и ею город усыпил...

Нам слышится, что строки сии появились не без участия самого Хвостова. Сравните:

Кто усыпляя льва, стал оды воспевать...

(*"Старый Лев и Врачи"*)

Самоирония — общее у Хвостова и Пушкина. Обоим случалось падать с лошади — приведем описания этих падений:

Пушкин:

"...упал на льду не с лошади, с лошадью: большая разница для моего наезднического честолюбия" (Вяземскому, 28 янв. 1825)

Хвостов:

Поэт, который век с Пегасом обходился,



И в рифмах возглашал земель дальнейших весть,
Сорокалетний он, желав на лошадь сесть,
Сядясь, не совладал и — до смерти убился

("Эпиграмма на самого себя, Марта 1797 года")

Кстати, Пушкин чувствовал, что маститому певцу присущи и самоирония, и макабрический юмор. В "Оде его сиятельству гр. Хвостову" Пушкин напутствует адресата послания перед путешествием в мир иной:

И да блюдут твой мирный сон
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон

("Ода его сият гр. Дм. Ив. Хвостову")

Вспомним, что те же мифологические персонажи сопровождают Анакреона — и не куда-нибудь, а в гроб:

Вот и музы и хариты
В гроб любимца увели;
Плющем, розами увиты,
Игры вслед за ним пошли...

("Гроб Анакреона")

Так Хвостов включается в ряд веселых людей, которые и умирают весело. Кстати, и у Пушкина, и у Хвостова "веселье" — это живое существо.

У Пушкина:

И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое...

("К Галичу")

Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...

("Мое завещание друзьям")



У Хвостова "веселью" даже потребна кровать:

И у меня одна кровать,
Котору берегу, не мучая тоскою,
Веселью и покою...

("Пустынник и почести")

Нельзя удержаться и не привести здесь роскошную хвостовскую метафору:

...где вечность
Для всех людей кровать хранит...

("Стихи на Новый 1804 год")

А вот Пушкин просто подхватывает и развивает хвостовский мотив:

Копытом льву туза...
А нынче бить бессильна рассудили:
И наконец осел в пещеру скок...

("Лев состаревшийся")

У Хвостова Лев не позволяет Ослу лягнуть себя копытом, заявляя:

Для всякого смерть злостна,
Но твой удар снести сугуба смерть, поносна.

А у Пушкина:

...геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел...

("Родословная моего героя")

Вот "Скупой рыцарь". Безусловно, мы не утверждаем, что только "Скупой и прохожий" Хвостова лег в основу пушкинской "маленькой трагедии" ("Скупой" есть и у Моль-



ера, и у Сумарокова, да и вообще об источниках "Скупого рыцаря" написано немало). Речь просто о том, что у Хвостова что-то комичнее, смешнее, чем у других, — и Пушкин, как всегда, не задумываясь, присваивает себе понравившуюся игрушку, как всегда утрируя:

Скупой над деньгами дышал,
Друзьями их себе родными почитал

(*"Скупой и прохожий"*)

Сравните:

Жид

Деньги?...

Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока.

Альбер

О! Мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит...

В заключение просто приведем некоторые реминисценции из Хвостова в творчестве Пушкина.

У Хвостова животные постоянно совершают мгновенные действия, для обозначения которых поэт использует усеченные отглагольные формы (см. выше статью Махова):

За ними заяц прыг — ему в глаза лисица

(*"Зайчы уши"*)

...и вмиг

Ослица прыг...

(*"Осел и Рябина"*)

Грамматическая игрушка понравилась Пушкину — и:
Татьяна прыг в другие сени...



Трудно забыть пушкинское:
 Безумие ведет Эроса

(“Амур и Гименей”)

А почему так получилось, можно прочитать у Хвостова:

Юпитер приказал дурачеству водить
 Слепого купидона
 Для сохранения закона,
 Мы видим вместе ввек и встарь и вновь
 С дурачеством любовь.

(“Любовь и дурачество”)

Насмешки над бездарным стихотворцем — тема не новая (о том, что многие считали таковым Хвостова, и даже в подписи под его портретом в большом альбоме можно прочитать: “Д. И. Хвостов, бездарный стихотворец, член “Беседы любителей русского слова”³); но в разработке ее у Пушкина и Хвостова явно слышатся переключки на уровне образов, на уровне синтаксиса.

Хвостов:

Без крыльев на Парнас, на небо не спеши; —
 Кто создан не орлом, летая не смещи

(“Осел и хозяин”)

Пушкин:

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
 Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
 За лаврами спешишь опасною стезей...
 Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай

(“К другу стихотворцу”)

Мотив ложного кумира и молчания мудрецов у Хвостова:



Кумира мудрецы в душе не величали,
Но то, что он болван, народу не кричали.

(*"Болван и богомольцы"*)

и у Пушкина:

"Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!"
"Куда — не знаю сам; давно молчу и вижу..."

(*"Лицинию"*)

В "Послании к Лиде" есть такие строки:

Но, с бочкой странствуя пустою
Вослед за мудростью слепою,
Пустой чудак был ослеплен...

Не исключено, что эта "пустая бочка" прикатилась из басни Хвостова "Бочка".

А вот хвостовский Червяк:

Ползет — и вполз на чашу не простую,
На чашу золотую...

(*"Червяк и Собака"*)

Пушкину понравилось, и вот к его Старикку приплывает Рыбка "не простая, а золотая".

Старуха щеголять любила,
С Сатурном ссорилась, ему грубила
За то, что сорок лет привык ее щипать...
Старуха зеркало хотела покупать —
Купец ей дюжину приносит, —
Она возьмет одно,
Вертит в руках, кричит: стекло темно,
То косо зеркало — и бросит...

(*"Старуха и Зеркало"*)

Не так ли поступает с говорящим неприятные вещи зер-



калом и пушкинская Царица в "Сказке о Мертвой Царевне"?

Вот общий любимец обоих поэтов — Сократ:

Все ведают о том,
Что был Сократ с умом...

("Сократов дом")

Люблю я доброго Сократа!
Он в мире жил, он был умен...

(Послание к Лиде)

Вечная дилемма, что лучше — слава или покой — у Хвостова:

...слава есть прелакомый кусок...
Но коль отраден плод беспечность и покой,
Покой, который веки многи,
Как древность говорит, наследовали боги...

("Эмпедокл и Туфли")

и у Пушкина:

Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое...

("К другу стихотворцу")

В притче "Сапожник и врач" Хвостов рассказывает душераздирающую историю о том, как некий сапожник, наку-ча тем, что получает за свой труд очень малую плату, забросил свое ремесло и "в число врачей включился".

Кому сперва жалели вверить ноги,
Тому и жизнь свою вверяли вы.

Пушкин в своей притче "Картину раз высматривал сапожник..." предвидит подобную ситуацию и обрывает лакомого сапожника:

Суди, дружок, не выше сапога!



В басне "Лисица и Козел" Козел-дурак соглашается прыгнуть в колодезь, куда его заманивает хитрая лисица:

Отведай куманек, какой у сыру смак,
Прыгни сюда! Козел на сыр прельстился,
Со всею тушею спустился,
На вечность целую остался плавать там;
Лисица по рогам
Козловым поднялась на землю вновь лукавить...

У Пушкина в "Фиале Анакреона" возникает сходная ситуация: купидон просит прохожего (думая найти в нем доверчивого простака) достать со дна фиала Анакреона лук и стрелы. Лирический герой Пушкина отвечает:

"О нет, — сказал я богу, —
Спасибо, что упали;
Пускай там остаются".

В сходных ситуациях герои Хвостова проявляют доверчивость и простодушие, а пушкинские — цинизм, рассудочность и лукавство — см. выше мнения о нравственных качествах самих поэтов.

А вот Пушкин и Хвостов как бы меняются местами. Расхожее выражение "пропасть как сон" Пушкин использует вполне традиционно:

Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман...

(*"К Чаадаеву"*)

а Хвостов неожиданно цинично:

Подтибрил денежки, а сам, как сон, пропал...

(*"Скупой и прохожий"*)

И наконец шутливая, построенная вразрез со всеми законами жанра концовка "Домика в Коломне":



Вот вам мораль: по мненью моему,
 Кухарку даром нанимать опасно;
 Кто ж родился мужчиною, тому
 Рядиться в юбку странно и напрасно:
 Когда-нибудь придется же ему
 Брить бороду себе, что несогласно
 С природой дамской... Больше ничего
 Не выжмешь из рассказа моего —

перекликается с концовками двух хвостовских басен:

Нравоучение, когда угодно вам;
 Скажу пословицу известную народу:
 Спасаясь от огня, ты не бросайся в воду
 ("Овца и Дождь")

С кровати барыня спрыгнула
 И стала на часах, чтоб мышку изловить.
 Природных склонностей нельзя переменить
 ("Кошка Невеста")

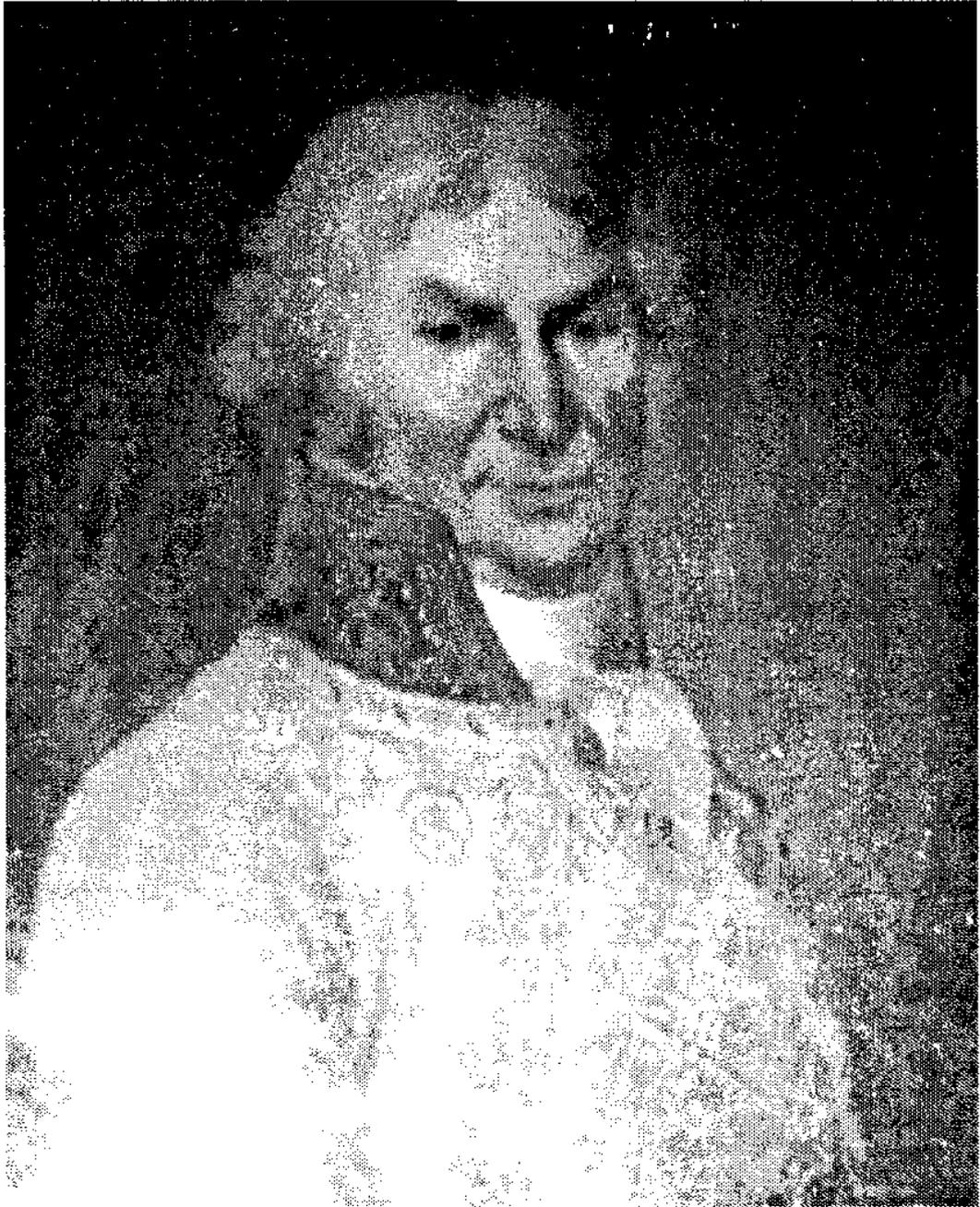
Кому-то перечисленные реминисценции покажутся сомнительными; кто-то, прочитав эту книгу, скажет, что их гораздо больше, — но так или иначе смешной и старомодный Хвостов постоянно всплывает в произведениях Пушкина, а стало быть, прав "остряк-замысловатый" Вяземский, уличивший Пушкина:

Ты сам Хвостова подражатель,
 Красот его любостыжатель.

¹ "Эмблемы и Символы". — М., Интрада. 1995. С. 51.

² РО ИРЛИ. Ф. 265, № 408, л. 8-9.

³ Пушкин в портретах и иллюстрациях: Пособие для учителей средней школы. — Л.: Госучпедгиз, 1954. С. 65



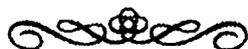
Д. И. Хвостов. Портрет работы С. С. Щукина
1808 (?) Литературный музей ИРЛИ



Осень

Борей свирепыми крылами
Шумя, в подсолнечной летит,
Колеблет гордыми дубами,
Ярится*, злобствует, свистит;
Природу люто обнажает,
Ея всю прелесть поражает,
Ковры зелены и цветы
Лишаются сиянья, блеска
Средь звуков грома, молний треска
Грядешь на царство, Осень, ты.

Умолкли птичек нежны хоры,
Лишь глас совы поет в ночи,
Увяло царство красной Флоры,



И томно не журчат ключи;
Нахмурились угрюмо воды,
В лугах престали хороводы,
Веселье скрылось и любовь,
Бегут резвясь игры и смехи;
Прощайте на земле утехи,
Доколь весна не придет вновь.

Угрюмо царство и сурово
Приносишь, осень, ты земле;
Сковать природу все готово.
В порфире бурь, дождей во мгле
Мертвит и твой приход, и сила;
Натура в сиротстве уныла
Беспечной томною рукой
Тебя без радости сретает,
И пир богатый учреждает,
Скопленный летом и весной.

Пришла — и бури за тобою!
Наперсник ближний твой Борей,
Стихии радуясь борьбою,
Ревет в лесу, среди морей,
И флоты в бездну повергает,
И сонмы кедров низлагает,
Шутя погибелью, бедой,
Когда все истощив угрозы,
Ведет во след снега, морозы
С зимою хладною, седой.

Но пусть натурою играешь,
Блюдя установленный чин; —
Ее всегодно ты караешь
По власти Вышнего судьбин:
Весна и лето вновь родится,



Собой природа возгордится,
Когда восчувствует их власть,
И солнце пышно пред очами
Явится с жаркими лучами
Свершать определенну часть.

Но придешь ли ко мне обратно
Ты, время сладостно весны?
О время быстро и приятно!
Твои мечтания и сны
Утехой душу наполняют;
Сокровища не заменяют
Игрушек вешнего часа.
Где взять восторги те сердечны,
Минуты радостны, беспечны?
Где скрылася весны краса?

Весна моя свой круг свершила,
Уже и лето протекло;
Своих ты радостей лишила;
Я твой полет не чту за зло.
Спокоен в осень, равнодушен,
Судьбине, благости послушен*,
На малой ладие теку,
Осенню песнь на лире строю,
Невинной тешу мысль игрою
И в осень дни отрадны тку.



Позднее взывание к музе
1822 года июля 17 дня, в селе Слободка на Кубре.

Пернатые Орфеев хоры
Меня восхитили теперь;
Леса, поля, долины, горы
Открыли в храм Фантазии дверь;
Богатые красы природы,
Цветы, ключей шумящих воды,
Густая рощей мирных тень,
Мой нежат слух, прельщают очи;
Луны мерцание средь ночи
Мне представляет Музы сень.

Уже в сиянье багряницы
Полмира снова Феб облек,
Овечки кроткие, телицы
Толпятся у прохлады рек;
Уже пастушки голос нежной
Твердит о страсти неизбежной;
И солнечный слабея свет,
Скользя веселых нив по злату,
Поспешно клонится к закату,
Но музы предо мною нет.

Кубры излучистой по берегу
Хариту мыслю я обрести;
Вкушая ароматов негу,
Желаю жертву ей принести.
Пастушка Лиза мне сказала:
«Прохожий! у меня пропала
Из стада белая овца,
Ее сыскать пекусь всечасно.



Кубра! ты не грусти напрасно».
Ласкает юного певца.

Не могут звуки громкой лиры
Томимый скорбью дух согреть,
Коль нет со мною здесь Темиры;
В разлуке с ней о ком мне петь?
Все радости река глубока
Влечет далече от потока,
Веселия мгновенен час,
Проходит счастья скоро время,
Утех воспоминанье — бремя
Отягощает только нас.

Восторги юности питала
Кубра, вясь внизу села,
Жезлом волшебным чаровала,
С струями радость унесла.
Куда ни обращаю взоры,
На испещренный луг и горы,
Везде один, везде грущу;
Среди печальных дум и слезных,
Друзей, родителей любезных
Напрасно при Кубре ищу.

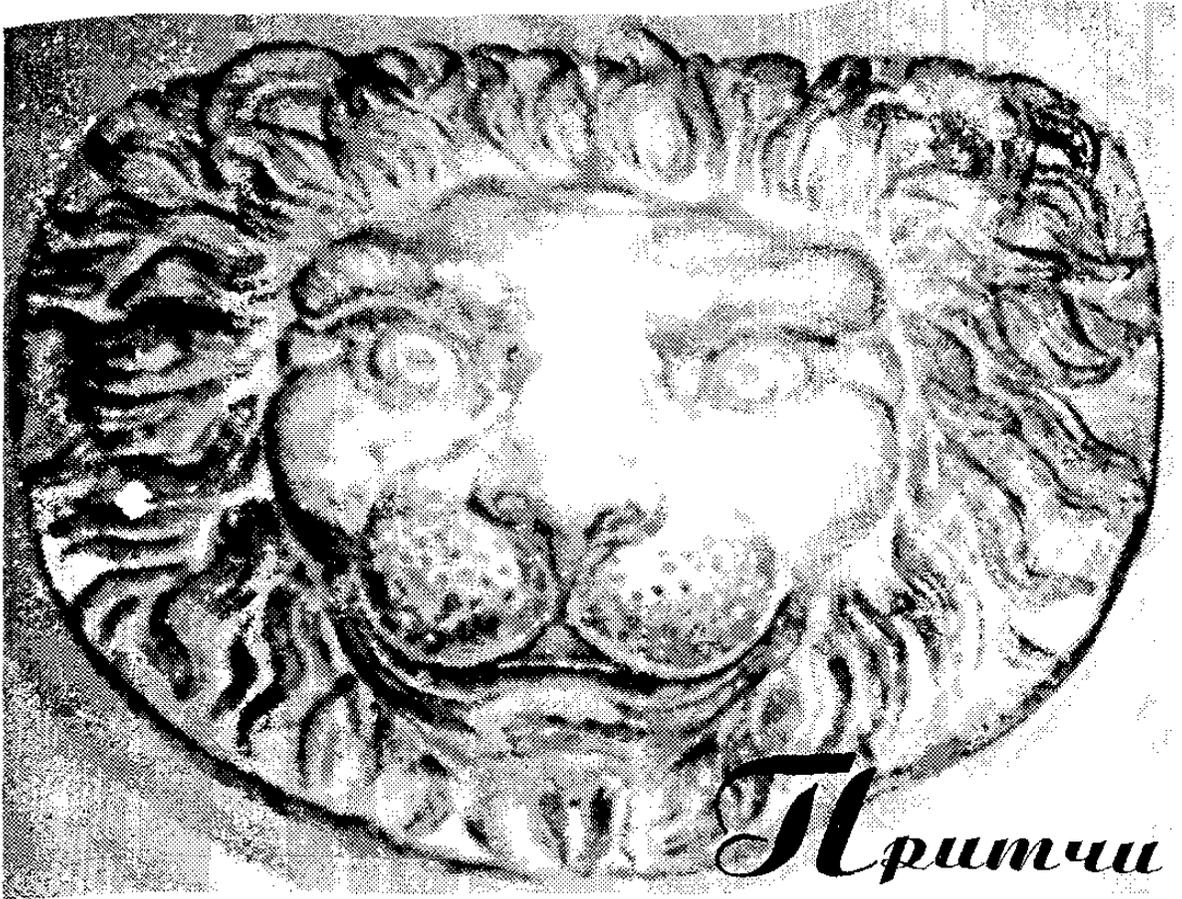
Крылатый властелин природы
Прообразует вечность нам;
Земля и звезд блестящих своды —
Движения текущий храм;
Непостоянству все подвластно.
Прошедшее вещает ясно
Неисчислимость перемен;
Где гор чело, где были селы,
Являются морей пределы,
Ревет бурливых вождь премен.



Окрестности Пергама наги;
Рушитель царств и городов
Средь блат, в развалинах Карфаги
Герой таится от врагов*.
Роскошный сад Семирамиды,
Златые капища Авлиды
Травую, мохом поросли.
Петра воздвигнуты рукою,
Омыты здания Невою
Чело за облака взнесли.

Все изменяется всечасно,
Все гибнет, возрождаясь вновь;
Одно изящество прекрасно
Не истлевает, и любовь;
Надзвездные оставя сферы,
На крыльях пламенных веры
Оне, при звуках громких лир,
Спускаются с высот небесных,
В различных образах прелестных
Утешить преходящий мир.

Я зиму на главе являя,
Не чаю Музой быть любим;
Но сердца огонь внутри пылая,
Уже талантом стал моим.
Оставя скоро дол глубокий,
Я вознесусь на холм высокий
От зримых далеко веществ,
Светил сияньем озарюся,
В реку восторгов погружуся,
Услышу гимн Творцу существ.



Жених и две невесты

Был некто молодец средних лет,
 Ни белокур ни сед,
Жениться захотел, но чудною судьбою
Он двух невест имел на выбор пред собою,
 Одна была чрезмерно молода,
Другая напротив почти седа,
 Одна вдовица,
Другая скромная девица
Когда наедине жених
 Случался с ними,
Он был почителен и тих,
Они меж ласками своими



У жениха из каждого виску
Щипали мастерски всегда по волоску.
Старуха волосы все русые щипала;
А девушка точь в точь с седыми поступала,
И торопились так в удобный час и день,
Что сетовать на них никто не смел за лень,
И ремесло свое дней с сотню продолжая,
Одна перед другой усердые умножая,
Так жали ревностно, что он хоть не старик,
Но принужден надеть парик.
Смекнул жених, что каждая супруга
Желает своего любезна друга
Принудить жить на свой лишь образец;
И, — выбросил с тех пор из мыслей он венец.

Мужик и Блоха

Мы от кичливости, не редко и от лени
Возносим к Небесам бессмысленные пени;
Как будто с нас
Бог всякой час
Спускать не должен глаз;
Он будто пестун наш. — Коль так,
так где ж свобода?
Вопль мужика глупца летел Небес до свода.
О чем кричал мужик? — блоха
Его кусала;
Она как зверь лиха
И кровь сосала;
Он челобитствовал о том лишь у Небес,
Чтобы управился с блохою Геркулес —



Или чтоб на нее свой гром пустил Зевес. —
 Мужик! Не умничай — таскайся за сохою,
 И Небу не скучай блохою.

Топор

На берегу реки мужик дрова рубил;
 Нечаянно топор он в воду уронил:
 Прелютой мучится крестьянин мой тоскою,
 И воет над рекою.

Прости топор, простите и дрова!
 Куда теперь пойдешь, о бедна голова?
 Пришло мне утопать, топор, с тобою;
 Но всякая болезнь имеет врачество. —
 Какой-то счастливой судьбою
 Простосердечного пришло спасть божество.
 Зевесовой сказатель власти,
 Меркурий прилетел, и все напасти
 В крестьянине пресек,
 Сказав: я знаю дно глубоких самых рек.
 Туда я для тебя с охотою спущуся,
 И с топором твоим оттоле возвращуся. —
 Не мудрено богам — несчастным помогать;
 Не стал он боле отлагать.

В реку — и вытащил секиру не простую,
 Секиру золотую.

Крестьянин говорит: не ту я потерял,
 Но бог ему серебряну являл;
 Мужик: не спорю в том, что топоры богаты;
 Однако [же] не мой; своей ищю я траты. —
 Железну наконец секиру бог явил.



Вот мой топор, — бедняжка возопил! —
 Колико щедры боги!
 И у Меркурия целует ноги. —
 За то, что правду он сказал,
Богаты топоры ему Меркурий дал. —
 Лишь разнеслись в соседстве эти вести,
 Все захотели равной чести. —
 Меркурий к ним опять с небес долой,
И выгташил сперва топор он золотой;
Не заикнувшись все закричали: мой!
Но бог, уверяся в их алчности и лести,
Богатым топором им дал по тумаку,
 И опустил его в реку.

Лев и Невеста

В глубоку старину, а не теперь,
Живали заодно и человек и зверь.
Мы наряжались без пышности убого
 И были против них слабей не много.
 В плохой тогдашний век
Со львом не смел встречаться человек.
В такие времена жил лев детина,
 По нашему скотина;
В красавицу влюбясь, пришел к отцу,
 Просить его к венцу. —
Такое сватовство почтенно и счастливо,
 Однако ж щекотливо:
Старик умней был льва,
И ласковые плел ему слова:
Что он то принял в честь, но дочь его не Львица,
 Деввица. —
 Не вновь



Любовь

Была причиною дурачеств многих.
 Омирово то дело, не мое. —
 Погибла Троя от нее. —
 Царь лев, случась у ней в оковах строгих,
 Согласен был на все; позволил, как глупец,
 И когти срезать с лап и вырвать зубы;
 Оставил только губы,
 И длинну шерсть своей богатой шубы;
 И стал он наконец,
 Как крепость без солдат, без пуль и без снаряду,
 И назывался львом лишь только для обряду. —
 Рот львов
 Не страшен без зубов,
 А лапы без когтей. — С смычек собак спустили,
 До смерти жениха легко приколотили.

Зайчьи уши

Толкнул когда-то льва рогами зверь;
 Царь лев прогневался: сей миг, сей час, теперь
 Чтоб в царстве у меня рогов ни крошки боле!
 Пришел о том указ
 В приказ.
 Рогатые спешат отголе: —
 Коровы и быки, бараны и слоны,
 И рогоносцы все, сколь было, сосланы. —
 За ними заяц прыг — ему в глаза лисица,
 А ты куда спешишь, комола заяц птица?
 Боюсь прищепок я, боюсь судей, судов
 И их крючков. —
 Опомнись куманек, как счесть рогами уши? —



Я робок, а притом подьяческие души
Легко произведут в олени их рога;
Мне жизнь всемерно дорога;
И так в запас — прощай. — Простился
И долго он домой не возвратился.

Пустынник и Почести

Ни одному на свете божеству
Толико олтарей не строят,
Так много никого не беспокоят,
Как божество, что я фортуною зову —
Сказать ли справедливо?
Фортуне жить довольно хлопотливо:
Предметы всех страстей
В руках у ней;
Однако ж молодец один случился,
Который не весьма за нею волочился;
Он был ни беден, ни богат,
Доволен был судьбою,
Доволен был женою;
Он малинкой имел и дом и сад. —
В осенню темну ночь фортуна поустала,
И у окна его стучала:
Пожалуй ночевать меня пусти,
Мне дале не куды брести;
Богатства, пышности, чины и украшенья
Тебе для возвышенья
Со мною у ворот. —
Мне этот весь народ,
Хозяин отвечал без дальня размышленья,
Куда девать?..
И у меня одна кровать,



Котору берегу, не мучая тоскою,
Веселью и покою.

Ритор и Болван

Был славный человек,
Который целый век
От красноречия не знал себе покою;
Учение текло из уст его рекою.
Гремел мой говорун
Так точно, как перун. —

Стоял болван в лесу, вития мой дуброву
Изволит посещать, и мнит, что там готову
Себе получит славу нову,
И чванится, как Цицерон,
Как за Лигария вступился он*. —
Кто ритор, кто болван — узнай, читатель?..
Оратор мой, немисленный писатель,
Болван — глупцы,
Которые плетут ему похвал венцы.

Табашник и Борей

Какой-то молодец пред воротами
Табак молот, Борей свирепыми устами
Дохнул, и вихрь и пыль поднял.
Борей, бог очень строгий;
Борей, что ни встречал, крутил и мял.
Летя своей дорогой,



Дохнул по воздуху; табак на ветер послал.
Табашник, видя то, ругал Борей;
 Борей ему: дурак,
 Ты будь других умнея,
И не брани, что твой развеял я табак;
 Но знай, что естества блюдя законы,
Не внявши частные табашниковы стоны,
Я сделал зло тебе; но блага миллионы.

Грабитель

Один грабитель
Чужих сокровищ любитель
В великолепные чертоги пригласил
 Друзей к обеду,
 На знатную беседу. —
Смотрите, братцы, я как прежде жил,
И ныне как живу, кичливо говорил.
И то, что есть у вас у многих,
Всех добродетелей любимцев строгих,
 Как знатный Господин,
 Имею я один. —
Ответы на вопрос услышал он такие:
Конечно у тебя все вещи дорогие;
 Но только не твои; — чужие. —
 Когда стихов творец,
 Не ведав своего искусства правил,
Из разных лоскутков творения составил;
Кто скажет, чтоб он был творения отец?
 Тогда стихи прекрасны,
 Когда свободны, чисты, ясны;
Тогда читателей на похвалы влекут,



Когда из собственна источника текут.
 Выкрадывать стихи не важное искусство: —
 Украдь Корнельев дух, а у Расина чувство.

Мыши и Орехи

Какой-то мудрый лев в том полагал утехи,
 Что жаловал мышей и жаловал орехи. —
 Кому противно что,
 Тому конечно то
 Не надо ни на что.

Лев мысля то ж, сказал к орешному лукошку:
 Для сбереженья их определяю я кошку;
 А к малиньким мышам
 Мартышку стражем дам:
 Кусочки не по них, я то изведаль. —

 Как лев провозгласил, так лев и сделал;
 Но стража каждого подзаривал обед,
 Которой у себя стерег его сосед.
 Столкнулися они — рукою руку мыли;
 Орехи Царские, и — мышки с ними сплыли.

Мужик и змея

Благотворения конечно дар отличный,
 Богам обычный,
 Которых на земле преемники Цари. —
 По мере всяк из нас добро твори,
 Однако же с разбору,
 Не всякому и не всегда, а в пору. —
 Мужик в холодны зимни дни,



Когда морозы, снег лишь властвуют одни,
Пошел в овин, — змея лежала,
Почти замерзла вся, — змея дрожала;
Остановилось в ней дыхание и кровь,
У мужика в душе пришла к змее любовь.
Змею он поднял, — в дом к себе уносит;
Пришел, — огня хозяин просит,
И печку затопил, стал греть змею
Питомицу свою.
Змея помалу оживала,
И зубы согревала,
И в душу вместе, как тепло,
Опять у ней гнездится зло.
От ярости кипела,
Шипела, свистнула и вмиг успела
И развернуться вся и голову поднять,
И жало на того хотела изошрять,
Кто благодетель ей, отец и воскреситель;
Спаситель.
Неблагодарная! мужик ей отвечал:
Какую от тебя награду получал!
Умри! и взяв топор, средь гнева жара
Змее три дал удара,
И хвост и голову от тела отделил.
Змея рассечена скакала
И части съединить искала;
Но труд ее напрасен был.

Лев состаревшейся

Всему есть мера, вес, всему конец.
Был Лев герой, героям образец,



Стал стар и ни куда он не годится;
 Без силы мудрено гордиться.
 Лев жалок стал, Лев плачет за углом;
 Лев ноет и лежит в пещере,
 Как Иов, в море зол, а не в высокой мере.

Приходит конь ко Льву, не бить челом, —
 Копытом Льву туза, а бык рогами,
 Собака Льва зубами
 Не сотни, миллион;
 И звери все, что прежде на поклон
 Ко Льву ходили,
 А нынче бить бессильна рассудили:
 И наконец осел, в пещеру скок;
 Но Лев ему сказал: я чувствую мой рок,
 Для всякого смерть злостна,
 Но твой удар снести сугуба смерть, поносна.

Осел и Хозяин

Без крылей на Парнас, на небо не спеши; —
 Кто создан не орлом, летая не смещи!
 Собачка малинька, Гишпанка родом,
 Но гордости чужда, жила в дому,
 Где лишь хозяину в угодность своему,
 Вилася вокруг него, и так была с доходом,
 Готово молоко, готов собачке сыр;
 Собачке всякой день бывает пир:
 На бархатной подушке почивала,
 И космы у нее служанка завивала.
 Глядит в глаза хозяин ей,
 Ее целует,



Ее балует
И чтет утехою своей.
Собачке вольно и свободно,
Лишь было бы угодно
На груди взлесть, хозяина обнять;
Никто не смеет ей за то пенять;
О зависть, страсть злосердого невежды!
Осел увидел то,
Ушами хлоп, открыл большие вежды,
И говорит: я что?
Осел, собаки чай не хуже;
Зачем имею я и часть не ту же?
За чем я не в чести? — На холоде, не сыт?
Тружусь, потею век и не щажу копыт;
Но люди прихотливы,
За труд не наградят;
У них лишь те счастливы,
Которы им в глаза глядят,
Понравятся и угодят. —
Собачкин разум тут, собачкина тут сказка;
И вот за то ей ласка,
И мне нередко таска;
Осел уверяся о том,
Прыгнул хозяину на шею
И завизжал: к тебе ласкаться смею;
Хозяин отвечал: я дружбы не имею
С ослом:
Слуга! дубиной
Управься со скотиной.



Любовь и дурачество

Любовь, дурачество, божки из первых в мире,
Как дети разрезвась, играв на небесах,
Заспорили о власти, о порфире
И о своих судьбах;
Амур хотел на весь богов совет преславный
И на Олимп державный
Сослаться в том.
Дурачество без дальня разговора,
Не продолжая спора,
Поподчивало вдруг Амура тумакон,
Тузами,
Так сильно, что навек простился он с глазами,
Стал слеп.
Пошла молва и шум и пересуды,
Ершатся боги все, как в море чуды;
Тот на дурачество, Амуру тот свиреп:
Богиня красоты Венера,
Как женщина, как мать,
Не хочет вопля унимать;
На апелляцию мнит дело поднимать;
К Зевесу с просьбою. — Юпитер знает,
И понимает:
Любовь, дурачество, два бога на земли,
Без коих жить нельзя, кого ни удали;
Без каждого земля погибнет.
Не хочет он при том Венере досадить.
Какой же суд дурачество постигнет? —
Юпитер приказал дурачеству водить
Слепозуба купидона
Для сохранения закона.
Мы видим вместе век и встарь и вновь
С дурачеством любовь.



Петух и Лисица

Петух проворный был, петух боец,
По-русски молодец;
Сидел как на часах, на дереве высоком,
Бежала тут лисица ненароком;
Увидя петуха, кричит: ты знай, что я гонец,
Приятель мой и кум любезной!
Я слух несу полезной,
А именно, бегу я в околоток весь
Сказать, что мир у нас устроен здесь,
Как петухи, так и лисицы
Между собой и братья и сестрицы;
Сойди ко мне, позволь себя поцеловать
И праздник не забудь давать,
Иллюминацию везде бегу устроить.
Петух лисе: стой!
На что тебе себя так много беспокоить?
Я вижу близ тебя пята с пятой
Летят собаки
И верно не для драки,
А мир торжествовать;
Мы станем взапуски друг друга целовать;
Лиса в ответ: мне эту весть
Скорее надобно разнести;
А правда то, что от собак трухнула
И плута петуха не обманула.

Учитель и Ученик

Почтенной древности воспитанник на ус*,
Не Немец, не Француз;



Наперстник муз,
 Русак простой в латыню погруженной
 И не осел, ослинус уваженной;
 Но все нельзя латынью задавлять,
 Читать уроки;
 Виргилия рядил в российский строки;
 Пошел учитель мой гулять,
 И стадо с ним латынско;
 Гулял в саду, — там пруд случился близко.
 Ребята резвятся, — один шалун
 Играя, бегая упал без спросу,
 Не пощадя руки, ни носу,
 Упал куда? — где царствует Нептун;
 Однако ж не в реку, не в озеро, не в море,
 Но в пруд упал дитя, напасти, горе!
 Кричит ребенок из воды,
 Подите батюшки сюды,
 Не дайте потонуть: я чуть не захлебнулся.
 Учитель встрепенулся;
 И шагом важности, нахмуря бровь,
 Пришел и ну сердиться;
 На мальчика кричать и вновь
 Стал над Риторикой и Тропами трудиться,
 И если б хрию досказал,
 То верно мальчик бы пропал;
 Но тот барахтался; что толковать невежде,
 Доскажешь после речь, вынь из воды ты прежде!

Юпитер и Звери

Кто самолюбия не раб?
 Кто для себя не слаб?



Мы все свои достоинства возносим,
Других поносим.
Юпитер некогда всех сколько есть зверей
К великолепному велел пустить престолу,
И каждому из них по произволу
Поправить обещал щедротою своей,
Что каждый ни найдет нескладно, некрасиво
В себе.

Тут обезьяна вмиг: благодарю судьбе,
Я так, как должно быть, не чудо и не диво,
А куманек медведь
Не то, как видеть мы привыкли Аонида;
И то ему нимало не обида,
Что на него не весело глядеть;
И ежели моего послушает совета,
Ему не должно списывать портрета.
Медведь не захотел свою менять лица,
Сказав, что он пленил медведиц тьмы сердца,
А росту у слона хотел прибавить;
Но нечто слон в ките нашел поправить.
Так муравей в осе, а муха в пауке;
Комар в кузнечике, кузнечик в червяке;
Тьма насекомых, птиц и все четвероноги,
Собой остались довольны так, как боги.

Болван и Богомольцы

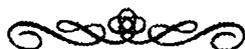
Болван пожалован был негде в боги,
Готов ему олтарь, курение и жрец;
Готовы и мольбы от искренних сердец.
Текут толпы народа многи;
Как люди, тот зимы, тот просит теплых дней;



Один воды, другой огня.
 Болвана моего лелеют и ласкают
 И пыль в глаза пускают;
 Все малы, как сверчки, и мыслят, что болван
 Пред всеми великан.
 Кадят болвана в нос, и кровь от жертвы льется,
 Болван не ворохнетя,
 Болван болваном остается;
 Молебщики увидя то,
 Смекнули, что
 На смех народу
 Болвана бросить в воду,
 Сказав ему: изволь Нептунов сок сосать;
 Ты не возмог казнить и не умел спасать.
 Вельможи
 С таким божком не редко схожи.

Сократов дом

По тщетной пышности мы судим о вещах;
 Будь честен, будь мудрец, когда не на коврах
 Ты спишь, на золоте стола ты не имеешь,
 Напрасно ты титул примать достоинств смеешь!
 Все ведают о том,
 Что был Сократ с умом,
 Сократ построил дом,
 Сократово строение поносят,
 Гостиной длинной просят,
 А галерея-то не очень глубока;
 Наружность, внутренность все кажется мелка;
 И говорят, не все у нас Сократы,
 Как он, для знатна мудреца



Почтенного лица
Потребен храм, органные палаты.
А им Сократ в ответ: наружность лишь обман;
Для истинных друзей доволен и чулан.

Собака без ушей

О горесть! о беда! свирепы души
У датска кобеля отрезали вмиг уши.
Тоскует, плачет пес,
Пришло мне спрятаться в дремучий лес;
Как я таким уродом
Предстану пред народом?
Собака бедная, пожалуй ты не вой!
Еще не короток век твой;
Пусть уши у тебя, собака, не велики,
Привыкнут видеть их;
А ты вперед и в случаях таких
Останешься как конь, век права без улики.

Осел кумир

Везли чай в Дельф кумира,
Кумир без ног, кумир, как барин, сел.
Кумира на плечи поднял осел
И божество пространна мира
Так точно, как котлы медяны потащил
И не спешил;
Однако же в пути красавицы, герои
Бегут перед ослом кумиру в честь,
Разумницы, глупцы, людей различны строи



Плетут бесстыдно лесть
 И просят, что ни есть.
 Кумира мудрецы в душе не величали,
 Но то, что он болван, народу не кричали.

Осел

Услыша в день раз сто: ты бог, ты славен,
 Ты мудр и милосерд, никто тебе неравен,
 Подумал впрямь, что мир в его руках висел
 И что на небеса он сел,
 И ну просителям оказывать приязни
 И казни,
 И бредит всякой час, так истинно: я бог —
 Я добр, но строг;
 Однако же ослу быть запретили богом,
 Ударя много раз тяжелою рукой,
 Глупцу в киченье многом
 Нет пользы никакой.

Осел и Мужик

Старик осла пасет
 На жирном поле;
 Мужик услышал шум, не ведаю отколе,
 И заключает так: то армия идет.
 Старик трусливей был лягушки,
 Бойтся пушки,
 И говорит ослу: советую бежать,
 Их громаы не легко нам будет отражать.
 Осел на скачь на рысь скупился,
 И скоро в тот поход отнюдь не торопился.
 Старик ему: иль жизнь тебе не дорога,
 Что тихо так бежишь от лютого врага?



Осел в ответ: меня враг этот не задавит
И клади не прибавит;
Так для меня равно, что ты, что он,
Я буду все возить, как слон.

Верная собака

Мяса кус приносит
В ночь одной собаке вор,
Так собаку просит:
Ты молчи! иду на двор.

* * *

А собака вору:
Я не буду здесь молчать,
Приходи ты в пору
Пса к подаркам приучать.

* * *

Свой возьми задаток,
Начал лаять громко пес;
Не люблю я взяток,
Убирайся с ними, бес.

Бочка

У погреба пустых лежало бочек много;
Когда напиток весь из бочки взят до дна,
Она
Уж боле не нужна;
За бочкою пустой не смотрят строго.
Из них одна



Была пред тем полна
Венгерского вина;
Как выше сказано, вся выпита до дна,
И в бочке не было ни капельки вина.
Старуха пьяница там к бочке прибежала,
Как розу нюхала, и вкус свой раздражала,
И говорила так:
Ты лучше Нектара, я чувства услаждаю,
Когда лишь тень твоих доброт встречаю;
Вино твой должен быть не оцененный смак,
Когда твои остатки
Так сладки!

Лисица и Козел

В колодезе Луну за сыр почла Лисица.
Лисица лакома — в колодезь скок сестрица. —
Нет сыру, — то беда, что из колодезя
Ей выпрыгнуть нельзя.
К колодезю идет Козел, — хитрица
Козлу сказала так:
Отведай куманек, какой у сыру смак,
Прыгни сюда! Козел на сыр прельстился,
Со всею тушею спустился,
На вечность целую остался плавать там;
Лисица по рогам
Козловым поднялась на землю вновь лукавить,
Козлову глупость славить!
Конечно хорошо несчастного спасать,
Не дай лишь из себя плутам твой сок сосать.

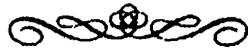


Два плешивые

Два шли плешивые, один на переди,
Другой шагает позади.
По встречному пути лежит гребенка, —
Передний хватъ лызгачь*, а задний там —
Находка пополам, —
Я чаю брат, ты ухватил цыпленка.
Другой в ответ:
Находка хороша, да нам в ней нужды нет.
Друзья не спорятся и люди тамо дружны,
Где вещи встретятся их прихотям не нужны.

Ескулапий и Больной

Муж был труслив, жена скупа;
Муж болен, —
Стекается врачей толпа,
Больной Галенами ни мало не доволен;
Нога больнова в гроб итти тупа.
У бога врачевства он помощь просит
И Ескулапию за жизнь подносит
На жертву сто быков.
Скупая в обморок от тех ужасных слов, —
Пеняет мужу строго,
И говорит ему: ты обещаешь много.
Больной в ответ: о чем больному рассуждать?
Не можно иначе здоровье возродать,
Иное посулить, иное дать.



Два голубя

Я лаком до чужова —
 Держуся слова
 Творца того,
 Который говорил, что хорошо, его —
 Но то опасно,
 Чтоб не украсть муки пшеничныя напрасно,
 И чтоб пирог затеян мной
 Не вышел оржаной.
 Два были голубя друзья сердечны
 И провожают дни приятны и беспечны.
 Один постарей был, другой
 Был молодой;
 Весну прелестную лишь видел он однажды;
 Их дело было то, чтоб вместе ворковать
 И вместе поклевать
 И вместе на ручей для утоленья жажды.
 Однако ж молодой затеял голубок
 Лететь за море;
 Другому голубю то было горе; —
 Был голубь опытен и ум имел глубок,
 И говорил товарищу любезну:
 Ты не хорошу мысль питаешь, не полезну;
 Готовишь множество себе печалей, бед;
 Зачем летать! здесь тот же солнца свет.
 Осиротею, я начну терзаться,
 Худое о тебе мне будет все казаться,
 Что голоден, не сыт, что без покровы ты,
 Пускай мечты,
 Но сердцу нежному гораздо больны.
 Кто странствовал, беды тот претерпел довольны.
 Что шаг,



То враг;
Глубоки воды,
Небесны непогоды
И коршун и орлы

Изображения во сне представят злы.
Что Ментор ни поет, все было то бесплодно;
Незрелый любит ум лишь поступать свободно.

Так голубь молодой
Нашел причины многи,
Достаточны предлоги,
И говорит: одной
Весной

Путь кончу свой.

Через путешествие хочу себя наставить,
Как голуби живут, и там и сям узнать;
Худое пренебречь, что хорошо занять;
Рассказом, возвратясь, тебя хочу забавить.

Я молод и в поре,

Я голубь, а не крот, мне стыдно жить в норе;
И наконец — пришлось расставаться,
Слезами обливаться.

И голубь молодой в минуту полетел,
Куда хотел.

Оставил он гнездо, спустился в поле,
Помахивал крылом мой голубок на воле.
Случились там поставлены силки,
Куда несмысленны, валяются голубки.
В них голубок попал, сидел в темнице,
Кой-как разгрыз зубами узелки
И волю получил, не даром птице
Она пришла.

Оставил перушки мой голубь из крыла;
А что он в полону силковом находился,



Ногой с веревкою сцепился
 И как цепь во изобличение унес,
 Когда опять летать пустился.
 Лишь голубь осмелчал, там гнев небес
 Постиг его: и дождь и град жестокой
 Пробили до костей, и листьев кров широкой
 На дереве не спас; — страдает голубок.
 Едва обсохнул лишь, пустился ястребок
 За ним на ловлю;
 Напасти бегая, в деревне сел на кровлю.
 Робенок камешек схватил
 И в голубя пустил.
 Пошла стрела в свою дорогу
 И прямо к голубю в крыло и в ногу;
 Хоть камень голубя не сшиб,
 Попал ноги он в самый сгиб.
 Несчастный голубок терпя судьбину строгу
 Хромой
 Летит домой
 И крыльшко таскает,
 О путешествиях и рта не разевает.

Отпускная

Нептун, свирепый бог морей,
 Которого на гнев привел Борей,
 Трезубцем дно стран влажных раздирает
 И люто корабли несчастны пожирает.
 Матросы, кормчие и спутники, смотря,
 Что гневались моря,
 В несноснейшей печали
 Молитвой небеса и стоном отягчали.



Один глупец хотел отпускную писать;
Служитель был охоч свой язычок чесать
И говорит в ответ: Нептун, Фетида
Слугу и барина готовы взять без вида.

Медведь и Кошка

Медведь был стар и занемог;
Случилась кошка там, и возмечтала,
Что сила с летами в медведе вся пропала,
 И что медведь не столько строг,
 Что лапкою учтиво
 Медведя вольно поласкать
 И ногти запускать, —
 Что и не диво.

Сперва немножко — приятельски и льстиво
По роже у него, как по полу, ходит
И разные по ней узоры разводит.
 Наскучивши игрой, как Геркулес Герой,
Вдруг лапу приподнял и с одного размаху
Он в кошке той ниже оставил праху.

Осел и его Хозяин

Был некто брат осел простак,
 По-нашему дурак.
Осел плечист и с длинными ушами;
 Осел работать был весьма смышлен;
 Осел мой не бывал нигде в совете член,
И попросту век жил между ослами;
 Хотя короткими шагами,



Но воз исправно он таскал,
 Его хозяин злой ни мало не ласкал.
 Купцу осел по крепости достался.
 Купец
 Был Жид, душой скурец*,
 Глупец,
 Богатством с барями, с вельможами верстался.
 Осел на ярмонку, — осел ступай в ряды,
 Осел на биржу ли, — во все труды.
 Такое бытие не давно было ново,
 Как взято у ослов Езопом данно слово.
 Осел хотя мычал,
 Хозяин на осла и более кричал,
 Сердился
 Ослу за лень,
 Наделать много пень
 Дубиною трудился.
 Сверх силы труд неся и глад,
 И хлад,
 Без дальних умыслов скончался:
 Хозяин в миг к покойнику примчался,
 И ну осла хвалить и славу напевать,
 Осла в пример другим давать.
 Ценят достоинства, когда в гробницу спрячут,
 И снявши голову по волосам заплачут.

Заяц и Собаки

Мы смерти бегаем, толпой к фортуне в храм
 Стучимся,
 Напрасно тут и там
 Трудимся.
 Трусливый заяц зверь, о нем дубрав, лесов,



Так повествуют все Салусты, Фукидиды,
Животно кроткое, боится он обиды,

Боится псов.

Одно дыхание, ничто, и тень ему опасны;
Известно, все своим страстям подвластны.

Сидел подняв ушки, глядел на все луга,
Сидел близ острова, — ударили в рога,

Давай бог ноги,
Бежать тревоги!

Кричит, прыгнув сажени многи,
Благодаря ногам, я стал счастливой зверь,
Вот замка моего крыльцо и дверь!

Однако ж заяц обманулся,
Скакав в лесок

Споткнулся,
Ушиб висок,

Упал — и протянулся.

Корабль на море и Корабль на реке

Корабль среди морей на парусах летая,
Седой угрюмой вал

Грядами ровными делил и рассекал;
Реку текущую к морям встречая,

Увидя на реке корабль один,

Кричит, спесивится — я знатный господин!

Я на море свой дом имею,

Я с бурною волной играть умею;

А ты, корабль, стоишь на низменной доске,
Не стыдно ль плыть тебе, товарищ, по реке?

Корабль товарищу ответственвал не строго:

Я на реке один, а на море вас много —



Живущий господин
 В столице,
 Корабль среди морей. — Живущий дворянин
 В деревне у себя по мере и границе
 В своем кругу и более блестит,
 И боле богатит.

Лев и Клоп

Боятся сильного, гнушаются лжецом,
 Страмцом.
 Клоп гордый некогда свирепа льва кусая,
 И вонь несносную вокруг себя бросая,
 Кичился, чванился: смотри, каков мой гнев!
 Меня боится лев.
 А лев сказал: пожалуй не хвались
 И льва к клопу не применяй;
 Как хочешь, так кусай и злись;
 Но только не воняй!

Червяк и Собака

Был молодец червяк, — в чертогах у вельможи,
 Известно там,
 Род сильный червякам;
 Известно, на кого все червяки похожи.
 Ползуча тварь, — червяк
 Искусно лапкой загребают;
 Иное за столом, как гость, хлебают.
 Червяк ползет вперед, не так,
 Как рак.



Ползет — и вполз на чашу не простую,
На чашу золотую.
Уселся червячок и говорит,
Увидя, что лучи от солнца возблистали,
На гладком золоте струей огни метали,
Смотри: коликóй свет и луч червяк творит!
Собачка червяку премудро отвечала:
Не чудо то отнюдь, всех лет веков с начала
То было, будет впредь, о чем болтать?
И право отдано не втуне
И солнцу и фортуне,
Что могут червяков заставить — возблистать.

Проповедник Пифагора

Самопожалован мудрец,
Который всех наук начало и конец
С собой на языке всечасно носит,
И слушать только просит;
Всегда кричать готов,
Что Пифагор великий философ,
И вопрошает всех: какое знатно слово
Так славно мудрецу дает величье ново;
Каким он правилом заставил отличать
Себя? В ответ ему: умей — молчать.

Птицы Законоположители

Задумал птичий род вновь сделать уложение,
На что вельможи, зная, к чему полезен трон?
Все птицы собрались дел знатных в уважение,



Хотели издавать закон.
Разумные, разумно предлагали,
А птицы крикуны их толк опровергали;
Вороны каркали: на что Орлы,
И соколы?
Они горды и злы.
Дела свои решить мы и без них умеем,
И птиц разбойников казнить мы смеем.
Воронам коршун так: пускай, закон
Извольте утверждать, как вам угодно,
Свободно;
Но толковать закон,
Ни к делу допускать — нельзя ворон.

Рысь и Крот

Рысь быстроглазая увиделась с кротом;
Случается кроты из норки выбегают,
И звезд сияние, и света луч ругают.
Увидевшись они, потом
Вступили в разговоры:
Как жалко то, что слепы взоры,
Сказала рысь, у милого крота!
Тебе вселенная быть кажется пуста.
Досадно истинно не видеть ясно,
Сколь мира здание прекрасно!
Какие по земли бывают чудеса:
Блеск Солнца, тень цветов, различны краски!
А крот в ответ:
Мне нужды нет
Познать все эти сказки;
Я лишь хочу иметь покой.



На что мне знать, на небе свет какой?
Я в тщетных замыслах отнюдь не утопаю;
Я сыт в моей норе — покойно засыпаю,
Мне нужен рот —
На что глаза? — без них я крот.

Сверчок

Александр Петрович Сумарокову

Бессмертный Сумароков
Российский Лафонтен,
Гонитель шалостей, пороков!
Твой слог легок и быстр, не пышен, не надмен;
Природы простоте свободно подражает;
Осла во льва, слона в крота не наряжает.
Пристойной рисовал ты кистью все лица:
Твой нагл Борей, кротка овца.
Позволь и мне в звериной коже
Изобразить порок.
Подай урок,
Как свойство всякое представить мне похоже?
Равно как Лафонтен, постигнул ты
Натуры красоты
В убранстве простоты.
Позволь, преславна тень бессмертными трудами,
Мне робко притчи плесть, твоими лишь следами;
Позволь сверчку предстать к читателю на суд;
Нелепость не казать за Аполлонов труд.
Кто душу нежную имеет,
Ценить достоинства умеет;
Не диво, что охоч до песней соловья,



Орфей, поя,
 Приятность томную во сердце вложит;
 Восхитит чувства и сладостно тревожит.
 Таков у соловья был господин, был он,
 Как древний Меценат певцу весны прекрасной,
 И труд имел всечасной,
 Чтобы в довольстве жил дубравный Амфион.
 Сверчок у Соловья хотел доход убавить,
 Себя прославить,
 Хозяина и соловья глушил,
 Нескладным голосом всегда он петь спешил.
 Хозяин сам, наскуча криком,
 Он в сердце превеликом
 Туда, где был сверчок, полез,
 И соловью сверчка, как Марция*, принес.

Старуха и Зеркало

Старуха щеголять любила;
 С Сатурном ссорилась, ему грубила
 За то, что сорок лет привык ее щипать
 Старик крылатой; —
 Она не хочет уступать,
 На ветхи прелести кладет покров богатой.
 Старуха зеркало хотела покупать —
 Купец ей дюжину приносит, —
 Она возьмет одно,
 Вертит в руках, кричит: стекло темно,
 То косо зеркало — и бросит;
 И на купца кричит — моя ль то красота?
 Как роза я свежа, а здесь я вся желта;
 Бранит, поносит



За то, что сморщилась — винит купец тебя,
А не себя.
Уходит
Из дому купец; —
Сатира умная когда на свете бродит;
Скажи, кто виноват, — порочный иль творец?

Алкивиады

Алкивиады все красиво пишут много,
Но к исполнению не приступают строго.
В Афинах издан был указ,
О чем? не знаю.
Не знаю то ж, какой писал приказ;
Но только утверждаю,
Что это был закон
Для Спарты польз не сручен он.
Посол Лакедомонской
Отправил вмиг гонца
К Ликургу самому, чтоб до его лица
Скакал всей прытью конской.
Ликургов был ответ: пиши, указ какой —
Короткой иль большой?
Коль в лист, иль в два, иль в пять, пускай
и чист и ясен,
Указ тот не опасен,
А ежели в трех строках, —
По справедливости в тебе рождает страх.



Лев и Волк

Был мудрый лев, и кротостью душевной
 Казался бытъ небесно существо,
Которым красилось любое естество.
Сей Тит между зверей считал тот день плачевной,
 В который никому
Соделать милости не удалось ему*.
Благотворение он проливал рекою
 И не любил одних
 Он злых.

Прогуливался лев вечернею порою
 И волка повстречал,
Который между тем ягненка растерзал;
 Лев рассерчал,
 И говорил: в минуту
Злодея вы на казнь ведите люту;
А пастуха журил довольно крепко он,
Сказав: в тебе самом не много видно толку!
Зачем ягненка съестъ позволил волку,
И мне не доносил? ты ведаешь закон!
Пастух отвечивал: ты Царь, Царь справедливый;
 Но ежели б не случай сей счастливый,
 Вовеки б это зло
 Ушей твоих коснуться не могло!

Светила дневного кроты не любят;
Не истинны лучи те, кои ближних губят.
Несчастному до Бога высоко,
 А до Царя безмерно далеко.

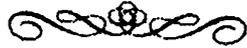


Лягушка и Бык

Лягушка на поле увидела быка,
Влюбилась в его широкие бока.
Такая толщина для ней была угодна,
И мыслит, что она ей так же сродна;
Какой же был успех?
Пыхтела, дулася и лезла вон из кожи. —
Лягушка треснула и породила смех.
С моей лягушкой схожи,
Дворяне, что живут богато, как Князья,
И обнищав, кричат: повеселился я!

Гора в Родах

Гора беременна кричала,
И о своих родах всем уши прожужжала.
Бежит со всех сторон народ,
Разиня рот,
Кричит: гора презнатного ребенка
На свет произведет, не меньше как левенка,
Иль тигра иль слона: все час ее стрегут. —
Пииты на стихах уже ребенку лгут.
Но час приспел — гора-княгиня разрешилась;
Вселенна изумилась.
То помню именно в полночну было тишь;
Гора родила — мышь.



Эмпедокл и Туфли

Не спорю, слава есть прелакомый кусок,
 Что сей богини раб питает дух высок,
 Чтобы из гроба зреть в своей потомство власти;
 Пороки гонит он и побеждает страсти. —

Цари и воины, стихов творцы,

И сами мудрецы

Ее со кротостью приемлют глас устава.

Она

Одна

Последняя их страсть, высоких душ забава;

Но коль отраден плод, беспечность и покой,

Покой, который веки многи,

Как древность говорит, наследовали боги,

Неравен он с грызущею тоской,

Котора раны даст душе глубоки,

Коль самолюбия стезя и корень пороки.

Преславный Эмпедокл над Этною сидел

Не год один, но многи годы

На действие огня глядел,

Стараясь таинство познать природы;

Но наконец

Наскучил тем мудрец,

В огонь скочил, не сделавши духовной,

Вины не показав нимало благословной; —

Как время не было гробницу созидать,

Которою б себя в потомстве славил,

В подошве у горы он туфли лишь оставил.

Когда в огонь скакать,

На что и туфли покидать.



Сапожник и Врач

Вот свет каков и вот его суды:
Неправы, ветрены, с рассудком не согласны,
Всегда пристрастны; —
И словом заключить, не годны никуда.
Сапожник трезвой был, искусной, не ленивой,
И обувь на ноги Китайцам мог бы шить;
Но в ремесле своем чрезмерно несчастливой,
И хлеба должен был себя лишить,
И лавку запереть, и шило и колодку
Иль бросить в печь, иль дьяволу предать
За тем, что не было чего глотать.
Хотя сапожник мой Латине не учился,
В число врачей включился,
И самовольно стал он новой Иппократ,
И лучше старого стократ.
Всегда он смерть и жизнь с собою носит:
Горячку, Паралич, как сено косит.
Иное и больных не так махнув рукой,
За труд такой,
Хоть протянув ладонь, он их не просит,
Но сами полились червонцы в дом рекой;
Сапожник стал богат от глупости народной. —
Сапожник был хорош, а врач негодной. —
Вот мнение общества, вот люди каковы!
К сапожнику все были строги.
Кому сперва жалели верить ноги,
Тому и жизнь свою вверяли вы.



Осел и Рябина

Скопились некогда средь лета облака,
 Не видно солнца боле;
 Пустым осталось поле,
 Лиет с небес река;
 Тогда бежит медведь в берлогу,
 Кроты сидят в норах,
 А птички на кустах;
 Тогда пошел в дорогу
 Осел один.
 Хотя осел не умной господин,
 Но боль он чувствует, как всякая скотина;
 Ослу как и лисе холодный дождь
 Наносит дрожь.
 Стояла на поле, где шел осел, рябина;
 Осел с приветством к ней: голубушка моя!
 По милости твоей не буду зябнуть я,
 Как епанча, листы твои меня покроют,
 Ослу приятну жизнь среди дождя устроят;
 Я вижу птички там, —
 Так для чего не быть ослам?
 Ослиной головой мотает
 И крепко лапами за дерево хватает;
 Ползет —
 И дерево грызет.
 Цепляется ногами,
 Но длинными ушами
 За ветку зацепил, осел
 Мой сел,
 И на рябине он висел.
 Все стало дело;
 Ослино тело



Наверх нейдет
И отпуска с рябины ждет.
Кой как осел спустился:
Но влезть на макушку он снова суетился;
Коли не удалось мне так разгрызть орех,
Я новым опытом найду успех,
И поступаю не так, как прежде;
На легкость я мою в надежде,
На дерево скакну; — и вмиг
Ослица прыг,
Летит на дерево с размаху.
Рябина потряслась — ослу последний час;
Упал — находит раз.
Теперь ослиного ищите праху!

Рыбак и рыбка

Мне гуся не сули, подай синицу в руки;
Все знают, каковы судейски буки.
Здесь дело не о них; о рыбаке,
Не дураке.
Ловил он щук, закинув сети;
Но щуки не поймал, попались щучьи дети,
И вежливо ему
Сидя в ведре плели ласкательств тьму.
Иль добычью, как мы, и малой и не лестной
Ты господин рыбак, рыбак известный
Доволен можешь быть — позволь ты нам расти
И после невода и сети нас пусти,
Какой из нас кусок? — мы малы и не жирны,
Щучаты мы теперь и в щуках будем смирны. —
Рыбак их слушал речь, имев досуг,



Однако же щучат и щук
Не выпустил из рук.

Старуха и две служанки

Старуха некогда служанок двух имела
И от того считать барыш свой разумела.

Их часть

Была усердно прясть,

И Парки адские, известны пряжи в свете,
Их хуже знали толк. Ложились не в подклете;
С хозяйкой рядышком, чтоб дело шло скорей;
Работу в руки им — и всякой час твердила,
Лениться незачем! — Пред утренней зарей

Их всякий день будила.

Лишь златовласый Феб с одра —

И им вставать пора;

А между тем петух, злонравный вестник,
Как свет стоит, Аврорин друг, наперстник,
Часа не промигал.

Старуха с петухом согласна,

И на плеча шугай: уже петух кричал,

Как барыня сердита, самовластна.

Пойдет гонять с постели девок прочь:

Уже давно был свет; исчезла ночь. —

То девкам не мило; умыслили сестрицы

К Плутону петуха отправить петь,

Чрез день петух попался в адску сеть,

И больше не поет, нет голоса у птицы;

Но девкам от того не лучше стало жить.

Старуха рассудила:

Нет пользы о певце тужить;

И девок до свету за час всегда будила



Две сумы

Когда Зевес род смертных сотворил,
Двумя сумами он людей всех подарил.
Одну суму повесил за плечами,
Другую пред очами.
Пороки собственны в суме, что за спиной;
В суме перед лицом порок чужой.
Мы недостатки все у ближнего встречаем,
Своих не примечаем.
Короче заключить, читатель! я и ты
Мы рыси для других, а для себя кроты.

Нил и собака

Река, которая Египет весь питает,
Вся крокодилами полна бывает.
Ужасен крокодил там псам,
Как древле был Аттилла сам;
И чтоб избавиться от зева крокодила,
На краешке берегов лакают псы,
Не смеют запустить подалее усы.
Пришла собака пить на берег Нила,
Ее увидел крокодил,
К ней ближе подходил
И разговор водил,
Сказал: на берегу воды остатки;
В середине у реки струи гораздо сладки;
Иль вкус хороший не любя,
Бсишься утолять ты жажду?
А пес ему на то: от жажды стражду;
Но сладку воду пить, боюсь тебя.



Баени

Скупой и прохожий

Скупой над деньгами дышал,
Друзьями их себе родными почитал,
И столько трепетал
Казны своей лишиться,
Что за город отнес, и под кустом зарыл
Лишь солнышко взойдет, ходил



Любезным деньгам поклониться;
Лишь солнышко садится,
Опять придет проститься.
Молодчик этого отнюдь не промигал,
Подтибрил денежки, а сам, как сон, пропал.
Скупой, увидя кладовую
Пустую,
На камень сел и зарыдал,
Кусточку сторожу пенял,
Схватя прохожего, кричал:
Узнай, что здесь меня несчастье постигло:
Мое сокровище погибло.
Червонцы и рубли
Отсюда воры унесли.
Мне, с места не сходя, лишиться жизни должно.
Как! деньги были здесь? — Под этим вот кустом.
Пускай ты брат с умом,
Но поступил неосторожно.
Скажи, в кустарнике кто деньги бережет?
При нужде — в доме их скорее вынуть можно,
Чем из лесу таскать — теперь набегов нет!
Скупой слезами заливался,
И так сказал в ответ:
Не тратил деньги я, но ими любовался.
Прохожий говорит: не плачь и не тужи;
Поверь, что попусту себя печалью мучишь.
Где были денежки, тут камень положи,
И прибыль от него такую же получишь.



Летучая мышь

Мышь некогда была,
Летучая, на все смышленная дела —
Зверок и птица!
Летала, как синица,
Как мышь — ходить легка.
Когда проворными ногами
Бежит кот за мышами;
На воздух даст она стречка,
И смело говорит: я не боюсь кошки.
Как кошка ни прытка,
Крылатому везде окошки,
И если коршун злой,
Вияся в воздухе стрелой,
Над нею оказать свое захочет барство,
Нырнет в мышачье царство;
Покажет лапочки, почванится носком —
Так воздух и земля ей постоянный дом:
Везде летуча мышь счастлива!
Пусть скажут мне: таков весь свет;
По мне, душа не очень в том красива,
Который так живет.

Ворона и Сыр

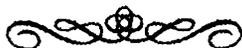
Однажды после пиру
Ворона унесла остаток малой сыру.
Во рту держа кусок,
На липу села,
Как вдруг лисица подоспела,
Сыр выманить хотела.
Насильно взять нельзя, лисица лесть запела:



Я чаю, голосок
Приятен у тебя и нежен и высок.
Ворона глупая от радости мечтала,
 Что вправду Тоди стала,
 И пасть разинула — упал кусок,
Который подхватя коварная лисица,
Сказала напрямки: не верь хвале сестрица!
 Ворону хвалит мир,
Когда у ней во рту случится свежий сыр.

Овца и Дождь

С Бореем Феб был в ссоре;
Лилось дождя на землю море.
 Беда,
Когда рассердятся большие господа!
Дождь очень крупен, част и нивы потопляет.
Известно, в дождь никто без нужды не гуляет,
 Обычай был такой — и есть.
 Одна овца, забыта в поле,
 Обмокла вся, нет силы боле
Бороться ей с дождем: умеет дождь пролезть
 Сквозь шерсть.
 Овца дрожала,
 К огню бежала
 Пришла не в хлев к своим сестрам;
Сушиться забрела — на кухню к поварам,
Они с овечкою не много говорили,
 А просто — к ужину сварили.
Нравоучение, когда угодно вам;
Скажу пословицу известную народу:
Спасаясь от огня, ты не бросайся в воду.



Я в устье самом пью; но волк кричит, сердясь,
Я на тебя грызу давно, негодной! зубы,

Уж минул год, что грубы
Ты речи обо мне повсюду распускал.

Овечкин первенец сказал:
Я в те поры, сударь, еще и не родился,
Я матушку сосу; — так братец твой трудился
Ругать меня.

— Нет братцев, ни сестриц;

— Так ближняя родня:

Иль тетка иль пастушка.
Без дальних слов — унес
Ягненка в лес.
Вот волку и пирушка!

Два Друга

Два друга были
И жили,
Как Лафонтен сказал, отсель
За тридевять земель.

Один из них в середке ночи
С постели скок, что было мочи,
И к другу прибежал,
Который, пробудясь, пришедшему сказал:
Зачем ты изменил Морфею?
Когда обижен кем — пойдем отмщать злодею!
Нет денег у тебя — вот кошелек, возьми;
А если уловлен любовными сетями,
О друг любезный!
Не тратя час полезный,
Поговорим с родней



Красавицы твоей.

Другой в ответ: ты мне привиделся печален.
 Не в правду ль было то — узнать я захотел
 И прилетел.

Который более из двух пример похвален,
 Сам Лафонтен решить не смел!
 Друг верный на земле — бесценная отрада!
 Он уловляет мысль, читает тайну взгляда;
 Он о желаньях не ждет ни просьб, ни слов,
 У друга в сердце их отыскивать готов.
 Забота никогда о милых не напрасна:
 Тут даже — страшен сон, безделица — ужасна.

Старый Лев и Врачи

Царь лев лейб-медику однажды молвил слово:

Я болен, не шутя — лечи!

Отвсюду во дворец нахлынули врачи
 И в миг собрание лечителей готово;
 Все кинулись обсесть больного льва кровать.
 Кто корешок принес, умея колдовать;
 Кто, усыпляя льва, стал оды воспевать;
 Кто были говорить, кто просто небылицы,
 Иной... там были все — лишь не было лисицы.

Питая волк к лисице злость

За то, что лев ей дал недавно лишню кость,

Сидя возле льва больнова,
 Пробормотал всего два слова:
 Самодержавнейший! — Лиса

Не хочет посидеть с тобою ни часа,
 О прибыли своей век целый помышляет;
 Но долг прямых рабов,



В присутствии твоём, молить теперь богов.
Он речью таковой больнова воспаляет,
Против лисицы озлобляет.
Лев грозно приказал гонцу,
Лисицу к царскому привести тотчас лицу.
Лисица прибежав, без страха объявляет:
Оставя все дела,
У друга я была,
Который немощных от смерти избавляет,
Хотела снадобье тебе я испросить.
Приятель мне сказал: царь будет долго жить,
Получит силу царь от врачества простова:
Велите кожу снять вы с волка, но с живова;
И теплую — по царскому плечу,
Раскинуть точно так, как епанчу;
То нет сомнения, что врачество такое
Великому царю прибавит силы вдвое,
И может вновь
Разгорячить остывшу кровь.
Услыша эту весть, не долго говорили,
Тут волка с кожей в минуту разлучили;
А тело, за рецепт, лисице подарили.
Увы, придворные! — Как! разве у двора,
Друг друга не губя, нельзя сыскать добра?

Козел и Лисица

Козел, немного глуповатый,
Но только уж за то — в три яруса рогатый,
Гулять пошел с лисой,
Проворною кумой.
Им захотелось пить, в колодец в миг скочили



И жажду утолили.

Лисица говорит козлу: сладка вода;
 Но ежели отсель не вынырнем — беда!
 Упрись, любезный кум, передними ногами,
 Вдоль по стене — не будь упрямым;
 Захватит, может, край высокими рогами;
 У кума по рогам

Я, как по лестнице, к веревке доберуся,
 На землю выпрыгну и за тобой явлюся.
 Козел ей отвечал: клянуся бородой,
 Любезная лисица!

Что ты на выдумки большая мастерица;
 Мне не придумать бы! — Исполня вымысл свой,
 Тотчас затейница на землю возвратилась;
 Но кума выгнать совсем не суетилась.
 Коварно заглянув в колодезь, прочь пошла.
 Лисицы выдумка мне в басне не мила:
 Я не могу терпеть плутов бесчеловечных,
 Которых богатит беда простосердечных.

Купец и Счастье

Как водится теперь — и в старину бывало,
 Слепое счастье купца избаловало.
 Ему все в руку шло
 И точно так текло,
 Как сердце алчное того желать могло.
 Товарищи его боятся крепко моря
 И терпят много горя,
 А для счастливого — нет топких кораблей,
 Подводных камней нет, ни бури, ни мелей;
 Чай, сахар и вино и перец и корицу



Раскупят в пристани и отошлют в столицу.
Купец разбогател — он Русской хлебосол!
Дружится с Барями, открытый держит стол,
Убранством в комнатах и щегольством посуды
Роскошных удивлял.

Старинный друг его на то ему сказал:
Богатство полилось вдруг на тебя откуда?
— Откуда? ум, труды — богатство дали мне;
Не трачу времени в забавах и во сне.
Пусть так — но чуть, не барыня ль фортуна?
При всяком случае — несчастливом и злом
Спасала от Нептуна;

А после на купца взглянула *Сентябрем*.
(Что здесь не чудо).

Один его корабль, законопачен худо,
Лишь в море выступил — пропал,
Другой Алжирцам в дань достался,
Приказчик с деньгами бежал;

Притом хозяин сам беспутно промотался.
Старинный друг его

Тогда спросил: скажи, пожалуй, отчего
В лохмотьях вижу я любезного мне свата?
Где прилежание твое, сноровка, ум?

А тот в ответ: дражайший кум!
Не я — фортуна виновата.

Муравей и Муха

Не знаю, муха где близ муравья сидела
И все самой себе похвальны песни пела.
Ему кричит: твое худое ремесло!
Я житель воздуха, всегда везде летаю,

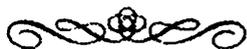


Что надобно собой владеть,
Что худо попусту робеть;
А я скажу в ответ:
На трусость нет
Лекарства.

С рябины невзначай тогда упал листок,
Испуганный зверок
Вздрогнул, с постели скок
И ну улизывать чрез горы и долины,
Как будто бы за ним гнались исполины,
По берегу пруда бежал
И землю рыхлую прыжками колебал.
Лягушки все затрепетали
И лепетали,
В пещеры темные пустилися скакать.
Тогда, смятенную увидя заяц рать,
Кичливо говорил: я царство потрясаю
И в трепет привожу огромной силы строй;
Смотри, и заяц — стал герой!
Но храбрости своей теперь причину знаю,
Вся тайна тут:
От труса — трусы лишь бегут.

Черепаша и Селезни

Скажу, как Лафонтен, лишь бы скорей начать;
Не худо говорить, а лучше помолчать.
Два ловки селезня однажды согласили
Мать черепаху в путь
И заключили:
Ты не успеешь и мигнуть,
Россию облетаем.



Мы оба, с двух концов, положим палку в рот,
Зубами схватишь ты середину без хлопот;
Тебя по воздуху — уж любо покатаем,
Покрепче! милая! Лишь пустимся в поход,
 За палку уцепися
 И веселися
Лугами, рощами и широтой морей,
Твердили долго ей:
 Без страха
 На все смотри
И ничего не говори.
Охоту странствовать имея, черепаха,
По дружбе селезней, летит;
Народ сбегается, кричит:
Вот, на! диковинка — летает, а не птица!
Смотрите пристально, меж уток — не орлица!
Летунья мнимая тут отворила рот,
Промолвя с радости: дивися мне, народ!
 Я первая царица
 Из рода черепах!
Но сверху разом вниз слетела,
О камень треснулась — и вся расшиблась в прах.
Не скоро и нашли царицы этой тела!

Старик и Три Юноши

Сад начал разводить — кому то в мысль придет —
 Старик осмидесяти лет,
Которому тогда три юноши сказали:
 Избавь себя печали;
Дождаться сих дерев — тебе надежды нет;
 Брось, дедушка, затеи все пустые,



Пекися о душе, оставь другим
Надежды дальние и замыслы большие.
На это старичок советникам своим

Разумно отвечает:

Все тихо здесь растет и скоро исчезает;
Полезно провести оставший в жизни день
Никто меня лишить здесь не имеет права;
Потомству моему труды мои — забава,

Я внучатам готовлю тень.

Вы завтра мните жить, как можно поручиться,
Что завтра то опять к нам возвратится?

Ни вам, ни мне оно,

Поверьте, в крепость не дано.

От всех закрыт поход на берег Ахерона;
Ни сроку назначать, ни дня нельзя учесть.
Случится, может быть, что на ладью Харона
Мне дряхлу старику удастся после сесть;
Быть может, что мой взор померкший и унылой
С зарею встретится над вашею могилой.

И подлинно случилось так:

Погибли юноши! — один дурак влюбился

И застрелился,

Другой ухлопан на войне,

А третий жизнь скончал морей на дне.

Старик доколе жив остался,

О них воспоминал — и часто сокрушался.

Туча, Гора и Куча

Два шли прохожие — друг другу так сказали,
К ночевке вечером склоняя разговор:
Вот туча впереди — поход не будет спор,



И так между собой о туче толковали:
Как хлынет дождь, ударит гром;
 Беда идти пешком!
Идут и кропчутся, но бури не встречали.
Где тучу видели — там гору примечали,
 И ну опять судить:
 Трудненько будет нам всходить,
 У нас ослабли ноги.
Идут — нет нигде крутой дороги,
 До места добрали.
Где видели Кавказ и тучу,
Лишь там стоглазые нашли
С песком большую кучу.
 Подобно мы
 Заботой тяготим умы.
На что мечтать, что нас постигнет время злое?
 Не лучше ль быть в покое,
Чем краткой жизни сей скользя по берегам,
Не рвать в пути цветов, печальным веря снам?
Мечтатель бед себя напрасно беспокоит:
Воображение нередко замки строит.

Собака родильница

Собаке для родин была потребна бутка;
 Приют себе найти не шутка!
Но кумушка свою ей спальню отдала,
 А та пришла
 И родила.
Отсрочки, между тем, просила раз, другой,
 И получает.
Прошло три месяца — родильница покой



Не покидает.
Хозяйка говорит: отдай скорей мой дом;
Но тут родильница хозяйке объявляет:
Теперь перед тобой не стану бить челом,
Любезная кума, я не боюсь драки!
Мои щенки — уже собаки.
Хозяйка бедная слезами залилась,
Из дому своего вон дале поплелась.
Не одолжай коварного
Всегда неблагодарного!

Орлица и Ворона

Орлица детям корм однажды принесла,
Барана жирного из стада унесла,
С супругой птиц царя затеяла сравниться
Ворона глупая — и стала говорить:
Кто может запретить
Любезных детушек баранами кормить,
И славной кражею на свете поживиться!
Вкруг стада каркая, изволит ворожить.
Барана жертвенна наметила ворона,
Которого во дни Сатурна, Аполлона,
Питали именно, по хитрости жрецов,
Для уст богов.
Ворона к тучному, без предисловной речи,
Как камень с воздуха, свалилася на плечи
И думала большой для деток сделать пир.
Баран увесистей чем сыр.
Его курчавая клочками шерсть свилася
И плотно и ровно;
Ногтями глубоко ворона так вплелася,



Что вырваться оттоль ей очень мудрено.
 Пастух веселого был нраву,
 Нашел себе управу;
 Воровку ухватил, обрезав крылья ей,
 Хозяйке подарил в потеху для детей.
 Положим, воровать иному безопасно,
 Примеров тысячи всегда легко сыскать;
 Но в этой басенке нравоученье ясно,
 Худому образу не должно подражать.

Найденный топор

Два Русских мужика однажды в торг ходили,
 О барышах своих дорогою судили.
 Лежит топор,
 Один его поднял и говорит не в спор: изрядно!
 Находка счастлива; другой ему: ну ладно,
 Нам нужен был топор и мы его нашли;
 А тот: не ты, а я заметил, брат, в дали
 Сокровище такое
 И я его поднял, не доходя корчмы,
 Так я один — не двое,
 Оставь меня в покое,
 Пожалуй, не мешай не кстате слово *мы*.
 Друг другу, рассердясь, в пути не поттакнули;
 Кричав, пришли в село — тут больше вышел спор.
 Из этого села пропал вчера топор.
 Крестьяне говорят: где вы топор стянули?
 Друзей толкнули,
 Хотят вязать,
 Примерно наказать.
 Один кричит: топор нашли глухой порою,



Мы оба у реки в кусточках под корчмою.
Другой ему в ответ:
Оставь меня в покое,
Ты прежде сам кричал — нашли топор не двое;
Так мне в побоях доли нет.

Муж и Яйцо

Узнать хотелось мужу:
Крепка ли на слово жена;
Но вывести удалось наружу,
Что болтовня она!

В соседстве находясь не дальнем друг от друга,
Муж ночью закричал хозяйшке своей:
Увы! что сделалось с головушкой моей!
Несчастный! я пропал, о бедная супруга!

Я снес яйцо. Кто — ты?

Я точно — и сей час! — дурачество, мечты.
Сперва не верила, дивилась, хохотала,
Потом сердиться стала.

В то время ей сказал супруг:
Пожалуй, замолчи про это, милый друг!

Она божилась, обещала,
И тайну сохранять навек

Взялась, как честный человек.

Лишь солнце на восходе,

Жена у завтрашней приходе;

Соседке молвила о том

Тайком.

Ни с кем не говори, мне очень будет худо,

Коли расскажешь ты про это чудо.

Соседка говорит: про то,

Небось, не сведает никто.



Однако кумушке своей благовестила,
А кумушка другим кумам;
Катится яйцо по всем домам.
Велика болтовни на свете сила!
Весь город в миг узнал,
Что муж наседкой стал.

Дворец у Льва

Самоуправный Лев, четвероногих царь,
Указы распустил, чтобы тотчас с поклоном,
Его величества пред троном,
Явилась вся подвластна тварь,
В собрание народно.
Дозволил в свой дворец вход подданным свободно.
Пришли тигр, барс, медведь, мартышка, волк с лисой,
Зверей премножество, и всякий примечает,
Что запах во дворце дурной.
Медведь всех прежде нос свой лапой закрывает,
Приметя это, Лев при всех его терзает.
Мартышка хитрая трусливо утверждает,
Что розы во дворце и лилии одни,
Царь Лев Нерону был с родни,
Мартышку жизни в миг за подлу лезть лишает,
Потом Лисе наедине
Сказал: чем пахнет здесь, скажи открыто мне,
Я правды только жажду?
Лиса в ответ царю — три дня насморком стражду
Иносказательных уроков
Учитель первый Сумароков
Сказал: коль правдою не можешь отвечать,
Полезнее всего молчать.



Орлица и Черепаха

Езоп не говорит, с орлицею вошла
Где черепаха в речь; но ей урок прочла:
 Детей летать ты учишь,
Орляток бедненьких напрасно только мучишь!
 Зачем летать в эфир,
Когда отселе мы прекрасный видим мир?
 С начала даже света
Все на земле беды родятся от полета;
 Ползя,
 Упасть нельзя.
Царица! моего послушайся совета.
Орлица ей в ответ: земной покинув шар,
Без крыльев вниз слетел Икар;
Но с ними, право, здесь грешно не возвышаться:
Постыдно Эйлеру ползти — и пресмыкаться.

Щука и Уда

Щука уду проглотила;
От того в тоске была, —
 И рвалася и вопила.
 Близ ее плотва жила;
 Вопрошает щуку:
 Мне кума поведай муку,
 Рвет которая тебя.
 Ненавижу я себя, —
 Щука отвечает,
 Все меня здесь огорчает,
 И в другую я реку
 Плыть хочу прогнать тоску.



.. Ни с какою
 Ты рекою,
 Кумушка, покою
 Век не можешь получить,
 Хоть и в море станешь жить.
 Если внутренность терзает,
 Счастье исчезает,
 Нас тревожит каждый час
 Совести немолчный глас.

Феб и Диана

Луна, кичась бледным светом,
 Изволит толковать с своим ночным советом:
 Хочу светить по дням и я, как Аполлон,
 Все примут с радостью указ его сестрицы, —
 Я не племянник Фээтон;
 Свой выезд у меня, кони и колесницы.
 В Июле, около полдней,
 Пред братними лучами
 Своих поставила Диана так коней,
 Что Феб у ней
 Остался за плечами,
 И сам не видит зги, ни неба, ни морей.
 Но чем все кончилось? Затменье миновалось,
 И солнце во струях, как прежде, любовалось;
 А про Диану все узнали, что она
 Черна,
 И свет у брата просит,
 Когда унылый луч приносит.
 Не редко мы, взошед на высоту,
 Свою лишь кажем черноту.



Лев и мудрая змея

Лев Царь скотов, то есть четвероногих,
Был мудр, богат, имел прекрасную жену;
Хранитель правил строгих,
Любил ее одну.

Царям и пастухам бывают дни прекрасны,
И дни ненастны.

Царица умерла, а царь льет токи слез,
И ревом горестным глушит всечасно лес.
Придворные тогда придворно поступали,
Печальному царю внушали,
Что много на земле искуснейших врачей,
Что для правителя звериного народа
И чудо произвесть должна сама природа.
Кого не обольстит мед сладостных речей?
Утешась, ободрясь, Царь Лев привстал с постели;
Гонцы его меж тем повсюду полетели,
Привозят мудреца; мудрец была змея,
И говорит: беруся я

Искусством оживить души твоей царицу
Прекрасную супругу Львицу.

Успеха верного от слов моих ты жди,
Лишь трех счастливцев мне в земле твоей найди,
Которые б не знали,

С тех пор, как родились, беды, ниже печали.
Отправил царь гонцов.

Премудро царствуя во славе,
Он думал, что в его державе
Счастливцев множество. Привозят и купцов
(Звериных только стран), привозят мудрецов.
Не тут-то сделалось, — никто не воскресает.
Печаль от времени не редко погасает.



Случилось это и со львом;
 Через год потом
 Со львицею другой он браком сочетался,
 Счастливых не найдя, счастливым сам остался.
 Пускай велик сей свет;
 Нет человека в нем, чтоб век провел без бед.

Лев на войне

Прославить свой народ
 Желая гордый Лев пред целым светом,
 Военным повелел советом
 Зверям итти в поход.
 В совете должности зверям распределили,
 Осла и зайчика из списков исключили,
 Что не способны были:
 Осел по глупости болтлив,
 А зайчик чересчур труслив.
 Но лев тогда сказал: нам в подвиге великом
 Полезен сам осел своим нелепым криком;
 Он будет на врагов страх, трепет наводить,
 А заяц мой приказ в отряды разносить.
 Тот царь, который ум имеет,
 Всех подданных своих употреблять умеет;
 Все в деле у него;
 Нет лишних никого.

Змея и пила

Лежала на столе у слесаря пила.
 Не ведаю, зачем, туда змея пришла,



Не бывши никогда в знакомстве с слесарями.
Но лишь увидела, что Солнышко лучами,
 Резвясь с пилой,
 По ней рассыпало богатой, золотой
 Чудесный отлив свой
(Беда завистнику смотреть на блеск такой),
Змея бросается, пилу прилежно гложет,
 Но повредить не может.
 Пила сказала ей: мой свет!
Ты пощади себя, оставь ухватки грубы.
 А мой сатирику ответ:
Брани мои стихи, когда тебе не любы.

Человек победитель Льва на картине

Мужик представлен на картине;
 Благодаря дубине,
Он льва огромного терзал, —
 Все зрители в овине
Сплетали множество художнику похвал.
Тут лев, и лев живой, случился мимоходом,
 Сказал перед народом:
 Вас живописец обманул, —
 Все это сказки;
 Не так бы кистию махнул,
 Когда бы львы взяли за краски.
Писавши эту баснь, неужели смекнул
 Эзоп и в прежни годы
 Про наши оды.



Старуха и Звездослов

Коперников наследник,
Большой Медведицы отселе собеседник,
Отличный Астроном
Забыл о том,
Сдружишься с небесными телами,
Что было пред глазами.
Когда себя в эфир совсем он перенес,
Старуха бедная о милости просила.
Хотя свести с небес
Его ничья не может сила; —
Старуха, мудреца толкнув, заговорила:
Не мучь себя;
Труды твои напрасны,
И знай, что на земле, не на небе несчастны; —
Для всех звезда блестит, равно как для тебя.
Наука сострадать почтенней всех искусство. —
Погибни ум, когда простынет чувство!

Послания



А. С. Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России.

Когда кипела в жилах кровь,
Я славить мог весну, любовь,
От ига лет, подобно маку,
Я сгорбился, равняюсь злаку,
Но стал союзник Зодиаку *
Страшась холеры стрел и пуль,
Я пел в Петрополе июль,
Поклонник давней русской славы,



Пел в *августе* приступ Варшавы,
И, очень помню, в *сентябре*,
Гуляв на Яхромской горе,
Кубры извивом веселился,
На берега Невы пустился
И в Крестцах пел свиданья час.
Теперь, и в *сентябре*, я снова
Пою о клевете два слова,
Крылатый, борзый конь Пегас
Перед глаза мои представил
Не Краков, Вильну иль Несвиж, —
Многоглаголивый Париж,
Без якоря, руля и правил,
Где шумных посреди Палат
Вития — самозванец, хват
Вертит Европой без заботы,
К Варшаве посылает флоты
И на Себастиани гром*,
Витийств злоречивым ядром
Из уст сварливо-вздорных мечет,
Иль *фразисом* некстати блещет,
Иль, о приступе слыша весть,
Зовет соземцев подлецами,
Кричит: «французов пала честь, —
Скажи, скажи, что будет с нами?»
Где бунт, там каждый уголок
Для видов лакомый кусок;
Его усиливать потребно. —
Вот ремесло похвально, хлебно:
Французы, будто робкий зверь,
В норе зарылися теперь». —
Спасибо Пушкину-поэту;
Завистникам гостинец вновь



Заморскому докажет свету
Его к отечеству любовь.
Его творение прекрасно,
Замысловато, сильно, ясно,
Но попадет ли в цель оно?..
Царицу россов клеветали,
Когда горела с турком брань;
Пускай Европу ужасали
Наполеонов меч и длань, —
Французов клеветы собрали
Большую в это время дань.
С ней рядышком самоуправство,
Корысть, хищенье, святотатство,
Завистливая спесь, вражда,
Успех чужой — для ней беда,
Желание — другим ничтожность,
Самой себе — добра возможность.
Тебе дала поэта жар
Мать вдохновения — природа:
Употреби свой, Пушкин, дар
На славу русского народа,
Как начал громко — продолжай
О древних подвигах великих,
И вопли птиц ночных и диких
Ты, песнопевец, презирай.
Злословье нагло, беспокойно,
Высокой лиры недостойно.
Поверь, что правды чистой свет
Злоумышленья цепь прервет,
Дух безначалья обезглавит
И мир от гибели избавит.
Пусть клевету плодит стоустая молва,
Пускай завистники беснуются, проказят, —



Им в ответ пойдут слова:
«Слава русская жива!»

Соловей в Таврическом саду (1832)

Зовут друзья в саду Тавриды
Под вечер слушать соловья;
Родной напев, родные виды —
До вас большой охотник я.
Услышать трели Филомелы
Бреду — и стал почти без ног;
Раскаты, переливы смелы
Рождают сладостный восторг.
Пусть голос соловья прекрасный,
Пленяя, тешит, нежит слух,
Но струны лиры громкогласной
Прочнее восхищают дух.
Любитель муз, с зарею майской,
Спешу к источникам ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской*,
Поет где Пушкин-соловей!



Выход Фурштатской в Таврический сад. Совр. вид.



Оветские стихотворения

Снега Сказка

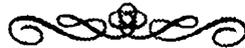
Однажды было то зимой,
Когда снега обильны
И ветры сильны,
Лука, Матвеев сын, мой мальчик крепостной,
Дитя десятка лет в избе играл, резвился,
С палатей на порог, с порога на крыльцо
Шагнул, прыгнул, как яйцо скатился,
И в роще из избы в минуту очутился.
Случился в роще вор,
И он с Лукой имел недлинный разговор;
Конец был тот, в слезах мальчишка
Пришел домой без кафтанишка,
И ну бранить зиму, снега,



И говорит: зима строга,
 В сугробах у себя таит для нас врага,
 Но вскоре
 Забыл мальчишка горе;
 Меж тем проходит год и два и три и пять,
 И в рощу мальчик тот идет зимой опять.
 Не вора в роще он находит, но Анюту,
 И ну у ней там поцелуй братъ,
 И волю дал рукам и грабить и орать.
 Лука с Анютою возился не минуто,
 Имел предлинный разговор;
 Когда в деревню возвратился
 Хвалить пустился
 Снега, зиму,
 И говорит с подругою прекрасной:
 Куда как хорошо под вечер, в день ненастный
 Зимой быть в роще одному.

Стихи на Новый 1804 год

На светозарной колеснице
 Летит поспешно новый год:
 Он держит пальмы, лавр в деснице
 И множество Парижских мод;
 На землю сыплет к нам беспечность,
 И сам без усталы летит,
 Летит в пределы те, где вечность
 Для всех людей кровать хранит.
 Слетел! — Веселья люди полны,
 Как в море быстры скачут волны,
 Шумят, текут: иной коней
 Готов отпрячь от колесницы,



Другой кататься хочет в ней;
Прельщен тот блеском багряницы,
Что радости торжеств виной,
Что ближе люта смерть с косою.
От колыбели до могилы
В уме лишь царствуют мечты;
Нам всем страстей предметы милы;
Они нам кажутся цветы.
Ползем, — а мыслим, что летаем;
Призрак за сущность лиц хватаем,
Как ловит мух дитя весь день,
Так мы веселья ловим тень.

Тот давит злобно мостовую,
Стучит, как в древности Вулкан,
Огневу искру золотую
Из камня рвет колесный стан;
Пустой обряд сочтя законом,
Летит в переднюю с поклоном,
И то себе вменяет в честь,
Когда привратник златовидной,
С холодной гордостью обидной
На лестницу откажет лезть.
А тот не установит рожи
За ласковый прием вельможи;
Иной ценит нарядный цуг
В числе отечеству заслуг.
Тот записав себя в Париды,
Взять хочет яблоко Киприды.
Мизеры славнейший герой
Бостонной занят век игрой.
Пиит без жара и без силы,
Увы! питомец Муз постылый,
Лететь с Корнелем хочет в ряд.



Друзья! все это маскарад
Напрасно взапуски стремиться
Мы все за временем хотим,
Оно в своем кругу вертится, —
А мы прямой чертой летим

Мы Новым годом все напрасно
Двулична бога день зовем;
В мечте мы движемся всечасно,
Родимся так — и так умрем

Весна в Петрополе 1829 года¹

По льду Невы, любуясь бегом,
В собольей шубе Клим катит,



Екатерингоф весной 1999 года

Озябла мурава под снегом,
И жизни дух в деревьях спит.
Вязанку дров взваля на плечи,
Простолюдины жарят печи,
Дым стелется по верх домов.
Я сам, окутав ноги, шею,
Для поклонения Борею,
Скачу гулять в Катерингоф.

На сроки ждать весну напрасно:
Лишь солнце вступит в знак Овна,
Мы взапуски кричим согласно:
Порадуйтесь! весна! весна!
Хотя зефиры в самом деле,
Средь Юга, нежась в постеле,
Забыли Севера страну;
Гуляя, грязь глотаем, топчем,
На *тротуарах* мы хлопочем
Чужую праздновать весну.

* * *

Свою увидим на престоле,
Когда обсохнут рек берега,
Блеснут цветочки в чистом поле,
Зазеленеются луга.
Обремененная снегами
И льдов зубчатых остреями
Одежду зимнюю Нева
Когда с рамен струистых сбросит
И льдины гордые разносит
Туда, где Бельта скиптр, права.
Какой степей ледяных житель
Весну без умиленья зрит?
Чье сердце, лютости вместибель,



На пир природы не епешит!
 Вещуньи ласточки явленье,
 Над Смольным первое круженье —
 Волнует сердцем и умом.
 Весну к себе уже приближу,
 Когда я жаворонка вижу
 На воздухе, не за столом

* * *

Когда зимы между коврами
 Отрадные повеют сны,
 Проталинка перед глазами
 Вещает языком весны.
 Прошедшего остаток лета
 Еще и в зелень не одета,
 Под снегом травка лишь мелькнет —
 Явленье Флоры величаю,
 Невольно, при восторге, чаю,
 Что зяблик на кустах поет.

Лети на крыльях зефира
 Весна Петрополя в Предел;
 Вещай, греми золотая лира
 Пир и пляски Русских сел.
 Там лодка ждет струистой влаги,
 Из хлева вол через овраги
 Спешит быстро на свежий луг.
 Я сам весною согреваюсь,
 Лучами солнца озаряюсь,
 Спешу гулять, когда досуг.

Примечание Хвостова:

¹ Мысль к сочинению сего Стихотворения подал Автору знаменитый Василий Андреевич Жуковский в Апреле 1829



года. Оно напечатано было в первый раз в 7-й книжке Северной Минервы.

Послание к Н. Н. о наводнении Петрополя,
бывшем 1824 года 7 ноября*.

О златострунная деяний знатных Лира!¹
Воспламени певца безвестного средь Мира,
Гласи из уст его правдивую ты речь.

Я волн свирепство зрел, я видел Божий меч.
Владыка бурь восстал и сел на колесницу;
В Европе славную и первую столицу²
Облек в унынье он, неизъяснимый страх;
К могиле близкие, младенцы в пеленах,
Все видят смерть, все зрят косы ее размах.

Вдруг море челюсти несъгтые открыло
И быструю Неву, казалось, окрылило;
Вода течет, бежит, как жадный в стадо волк,
Ведя с собою чад ожесточенных полк,
И с ревом яростным, спеша губить оплоты,
По грозным мчит хребтам и лодки и элоты;
Ростя в мгновение, приливная гора,
Крутит водовики, сшибает катера³
И одадь брызгами высоко к небу хлещет,
На камень, на чугун бесперестанно плещет,
ЕКАТЕРИНИН брег сокрылся внутрь валов⁴;
Мы зрим, среди Невы стоят верхи домов;
Непримиримые, бунтующие волны,
Из ложа выступя, порабощают стогны;
В частицах мелких пыль от влаги над рекой
Слилася в воздухе густою вскоре мглой;
По каменной стезе внезапно многоводной
Судам тяжелым путь уставился свободной⁵.



Там ветры бурные, союзники реке,
С порывом ухватя плывущих на доске,
Сокроя от очей предметы им любезны,
В пределы мрачные свергают лютой бездны.
Все тонет, плавает по улице, рекам,
Спасенья нет коню, пощады нет волам⁶.
Они среди пространств за добычею рыщут
И уловя ее, бросают наугад;
Там кровля здания, там корабля снаряд.
Хоромы, с родины снесенные ветрами,
Стоят на пустырях с окошками, трубами.
Решетке Бецкого дивился Альбион⁷;
Через гранит с Невы нависнув плоскодон,
В нее нахлынул, пал и запер мостовую;
Волнуют ветры снедь и утварь золотую.
Свободе радуясь, средь накопленных вод,
Летает огненный, шумливый Пароход;
Но видя мост, дерзнул, — и путь найдя стесненный,
Ударился — и стал к нему, как пригвожденный.
Отважится ли кто, чей может сильный дух
О смерти бедственной вещать потомства в слух?
Цветущие красой три юные девицы⁸
От страха мертвые лежали вдоль светлицы,
Хотя в нее еще не ворвалась река;
Одна в своей руке держала голубка
И смерти вместе с ним подсечена косою.
Там старец мрачной — жив — терзаяся тоскою,
Средь разрушения блуждает будто тень
И вопиет: где ты, любезная мне сень?
Где дочь и сыновья; где ты, моя супруга?
Без дома, без детей, лишенный сил и друга,
Среди печали злой, отчаяния сын,
Связь с миром перервав, скитаюсь я один.



Приятность островов Петрополь украшала,
Окрестности его и муза возглашала;
Все быстрое стекло любили Невских вод,
И Феба из морей торжественный восход.
Но там свирепое являясь наводнение,
Отягощая мысль, не утешает зрение.
Пред днем молитвенным бесплотных в свете сил,
В твой навечерный день, Архангел Михаил,
С Петрополем в полдни событие ужасно,
Повсюду зрится вод скопление опасно.
Хотел могущий Бог нас гневом посетить,
И в то же время зло щедротой прекратить;
Водами ополчась по беспредельной власти,
Он сердце людям дал ценить других напасти.
Все кинулись к судам, все, окрылясь, бегут,
Все жизнь, жизнь ближнего, как жизнь свою брегут;
Текут с стихией в брань, призвав на помощь Бога,
Сам Сердобольный Царь от высоты Чертога,
Покорности к Творцу, любви к народу полн,
Послал жертв исхищать из уст свирепых волн.
Посланник воин был, и близ Царя в сражение
Зрел смерть лицом к лицу, зрел ужас, истребление;
Ступя на бурный вал, до катера достиг,
Схватил его, летел, в час гибельный и миг
Догнал он водовик, на коем утопали;
Пусть волны злобные к нему не допускали,
Мужаясь в подвиге, усердием горя,
Спас погибающих, — и спас в глазах Царя.
Коль злополучие Петрополя известно,
То исцеление поистине чудесно,
Ты, лира, огласи на крыльях молвы
По красным берегам и Волги и Москвы.
Быть может, возвратясь из Океанов дальних



Иной, услыша весть о бытиях печальных,
К речам свидетелей не преклоняя слух,
Вещает: «не был здесь явлений бурных дух,
К Петрополя красе мрак не касался ночи,
Меня обманывать мои не могут очи,
Здесь прежний царствует порядок и покой;
Петрополь осмотра, я был и за рекой,
На стогнах чистота, по-прежнему громады,
По-прежнему мосты, по-прежнему ограды;
Где наводнения след и где свирепость волн?
Весь град движения, занятий мирных полн.
Кто стогны очищал, где от хором обломки?
Вулкана древнего по-прежнему потомки,
С железом ратуя, взялись за крепкий млат,
Я вижу в мастерских орудиев снаряд.
Обуревание жестокое природы,
Которое едва ль исправить могут годы,
Так скоро здесь могло успеха приобрести,
Что гости за моря отрадную шлют весть?
Или покрытый град свирепою водою
Возобновился вдруг волшебною рукою?»
Ах нет! Петрополь цел от бедоносных вод
Зефира кротостью — наитием щедрот.

Кто помощи других себе в напасти просит,
Благотворителю мольбы свои приносит.
А здесь несчастному не слезы нужно лить,
Чтоб состраданье в соотчичей вселить;
Благотворения великое здесь дело
Текло прямой стезей, достигло цели смело!
В бедах не надобно предстателя искать,
Здесь ищут тех, кому потребно помогать⁹.

Умолк на Бельте рев и онемели стогны,
Посыпались здесь с престола миллионы;



Среди Петрополя от ярости злых вод
Пусть есть погибшие, — но верно нет сирот.
Любовью чистою, Небесною согреты
Все у пристанища, упитаны, одеты,
Все, благодати прияв Священнейший залог,
Рекут: средь тяжких зол есть Милосердный Бог.

Примечания Хвостова:

¹ Сочинитель сделал несколько перемен в сем Послании в самую ту минуту, когда отдавал оное в печать; и потому в Немецком переводе на место первых стихов относящихся к Издателю Телеграфа, находятся другие три стиха к Н. Н.

² Смотри Майское гулянье стр. 4-я, где сочинитель называет Петрополь первую столицей.

³ Водовик, судно на коем в Петрополь привозятся разные припасы.

⁴ Берег сей из гранитных камней высотой более аршина от мостовой, был покрыт водою, так что вторые и третьи этажи домов, как острова казались посреди реки находящимися.

⁵ По двум набережным Морским, по Миллионной, Невской и многим другим улицам 7-го Ноября до семи часов вечера другого экипажа не было, кроме Катеров, Шлюбок и Лодок. Смотри. Сын Отечества № 46 и другие журналы.

⁶ Смотри. в Сыне Отечества № 46 статью о наводнении 7-го ноября.

⁷ Сказывают, что при Екатерине II-й, когда у Летнего Сада поставили гранитную решетку, один Английский Лорд, приехав в С. Петербург, осмотрел сие превосходное творение искусства, и в тот же день отправился обратно на корабле из Кронштадта.

⁸ Стихотворное описание о погибших и о порыве бури, которая сносила крышки домов и самые мелкие дома, хотя



сделано по преданию, однако вымыслом назвать нельзя, ибо много было таковых или подобных случаев при обстоятельствах последнего наводнения. Но истинно то, что примеры самоотвержения, готовности помогать несчастным бесчисленны и достойны удивления. Смотр. Сын Отечества № 46 статью о наводнении 7-го Ноября.

⁹ Смотри Рескрипт, данный на имя Князя Алексея Борисовича Куракина. Каждый Христолюбивый человек должен принести с умилением сердца жертву благодарения ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ за попечительное и быстрое вспоможение несчастным, потерпевшим от наводнения. Подлинно можно сказать к чести исполнителей, на коих возложено сие великое дело помогать несчастным в Петрополе от наводнения:

Пусть есть погибшие, но верно нет сирот.

Сочинитель за удовольствие себе поставляет сказать, что все последствия наводнения, то есть: картины о действиях ветра и разлитие вод, верны. Плоскодон или плашкот, по простонародному названию лежал у Летнего Сада до 10-го Ноября и не только один, но еще и два. Пароход, с так называемого на Пряжке Бертового Завода сорвавшись, остановился у Каменного в Коломне моста. — ГОСУДАРЬ, увидя из окна погибающее с людьми судно, послал Дежурного Генерал-Адъютанта Бенкендорфа на своем катере, также Флигель-Адъютанта Германа спасать в Коломне погибающих людей. Впрочем все сии подробности частью описаны в Консерватере (Conservateur), Инвалиде, Сыне Отечества № 46 и других журналах.

Коль злополучие Петрополя известно и проч. Сей стих о наводнении не приписывается уже более Издателю Телеграфа, и также вмещаются еще новые стихи, перед самым печатанием послания прибавленные. О заборах,



на Васильевском Острове и в других местах поставленных, большею частью по воле ИМПЕРАТОРА, иждивением казны. О ремесленных орудиях, которыми снабжены Художники в замену тех, кои они потеряли. О щедротах распространенных по случаю наводнения на Иностранных Купцов, или торгующих здесь Гостей.

Холера 1830 года

Свирепое исчадь ада!
Восстал неукротимый змей,
Шипя, на воздух льет отраву;
Плечист, огромен и крылат,
Внезапно с берегов Евфрата
До Каспия проник и Волги;
Где он, там сокрушенье, страх;
Там бич несытыя холеры
И смертных тысячи валятся,
Друг другу прививая смерть.

Поток с кремнистых гор лиется,
Грозя покрыть водой поля,
Недуг — враг тайный человеков
Распространяет гибель вмиг,
Сугубя жар, ослабя нервы,
Течение сгущает крови.
Больной, почувствуя внутри
Страдание неизъяснимо,
Испустит яд и дух последний
На перси кровных и друзей.

* * *



Восторги Пиндара, спуститесь!
 Святой восторг, тебя зову!
 Вы сердце старца вспламените,
 На струны пролия огонь.
 Доселе новый и чудесный
 Геройский подвиг летописный
 Пою на лире древних лет,
 Пою любовь Отца к страдальцам;
 Явленье доблести высокой
 Чей голос может превознестъ?

Невы от берегов гранитных
 Оставя Царь любезных чад,
 Петрополь, нежную Царицу
 Спешит в стенащую Москву¹.
 Он там... и вновь восторги внемлет.
 И купно радости, рыданье,
 Он змия зрит лицом к лицу,
 Стремясь бодро вырвать жало.
 Россия дух Царя великий
 Вписала сердца на скрижаль.

Примечание Хвостова:

¹ Сие стихотворение напечатано было в Невском Альманахе Егора Васильевича Аладьина 1831 года. Оно написано при первом появлении лютой болезни в Москве, когда Автор был поражен великодушием, и чуть ли не единственным, примером в истории примером в Истории, — самоотвержения Государя Императора.



Июль в Петрополе 1831 года

Ступил на Север зверь крылатый,
Лия мгновенно смерти яд,
Язык горящий омокает
В потоки быстрые Невы;
Река, лишась прохладной неги,
В себя прияв недуга семя,
Внутри питает зной и жар;
Струя, подобна белизною
Златой Аравии жемчугу,
На воздух стелет смрадный дым.

Единственный Петрополь, славный,
Краса Европы городов!
Пошто твои унылы стогны,
Не слышно стука колесниц?
Вздremали быстрых рек проводы,
В дубравах соловьи умолкли,
В кустах за милого дружка
Средь полдня горлица томится,
Трепещет горестных свиданий,
Вздохнув, пускает тяжкий стон.

* * *

Почувствуя Холеры тягость,
Спешит на торжищи народ¹;
Не постигая скорби корня,
Тоскует лакомств вредных раб:
Обитатели забав закрыты,
Не веют в тростнике зephyры;
Увяли на лугах цветы,
Пресеклись съезды и гулянья;
При встрече бар², простолюдинов,



О черной немочи запрос².
 Царь Россов бодрствует, не дремлет,
 Унынья, страха чужд... Он рек!..
 Одушевились миллионы³,
 Пред небом выю преклоня,
 Мгновенно пали на колена,
 Рыданья воссылают к Богу,
 Спасенья просят у Творца.
 Как благовонный дым кадила,
 Огонь молитвы теплой, чистой,
 Лазурный пронизает свод.

* * *

Могущего отверсты храмы,
 Уста Пресвитеров гремят;
 Се зрелище великолепно!
 Первосвященники грядут,
 Грядут с хоругвями смиренно
 И, полня славословьем стогны,
 С земли возносят к небу глас.
 Там пастыри среди народа,
 Горящим сердцем в звучном лике,
 Святую сеют благодать.

Дружина Македонян в древность,
 Без опасения меча,
 Врагам казалася стеною,
 Неразрушимою ничем;
 В России чада Иппократа
 Питомцы мудрости, науки —
 Бесстрашные богатыри,
 Болезнь в ущельях достигают,
 Из пасти льва приемлют жертвы
 С восходом солнца и в полночь.



* * *

Огромны здания больницы⁴,
Полмертвые пьют жизни сок,
Граждане знатные, вельможи,
От смерти входы сторожат;
Сугубя миг, врачи всечасно
Пространство облетают града,
Их ум крылатый, быстрый взор,
Под кровом хижин и в чертогах
Страдальцев бедных видят муки
И облегчение несут.

Отцов и матерей лишены
Покров младенцы обрели,
Благотворенья длань открыта,
Сирот встречая колыбель.
Кто на умерших кинул взоры,
Кто обеспечил их в могиле? —
Великодушный Царь-отец:
Отвсюду полилося злато,
Святому следует примеру⁵
Сословие купцов, Бояр.

* * *

Уже истощеваясь в силах,
В обратный путь стремится Лев;
Уже к Неве спустилась Дева —
Посланница святых небес⁶,
Она Отечеству обильно
Подаст богатство, славу, радость.
Сам Бог России твердый щит:
Он в бурях жизни — избавитель;
Но мирных дней благополучных
Создатель — кроткий, добрый Царь.



Средь рева бурь, средь искушений,
 Непобедимый в мире Росс,
 Святою Верой огражденный
 На Бога крепко уповай.
 Друг человеков, муж правдивый,
 По сердцу Бога венценосец,
 К тебе любовью полный Царь,
 Твоим оплотом вечно будет;
 Смотри, тупеет смерти жало,
 Сияет снова твой Сион.

* * *

В летах моих унылых, поздних,
 Покрытый сединой давно¹,
 Я жив... Но много жертв достойных
 Недуга пало под косою;
 Кто здесь Отечеству полезен,
 Тот в гроб всегда нисходит рано,
 Ловя последний сердца луч,
 Певец и скорби и печали,
 Могу соземцев на гробницах,
 Могу еще я слезы лить.

Примечания Хвостова:

¹ Народ мечтал, что болезнь холера не существовала, а люди умирали от отравы, которую бросали злонамеренные в водные источники, для умножения заразы. Мудрый, мужественный и решительный Великий Государь Николай I остановил народное волнение одним появлением на торговой площади у Спаса.

² Холера названа черною немочью, которая свирепствовала в Москве в 1600 и 1605 годах, и причинила, как повествуют Историки, опустошения, превосходившие нынешнюю



потерю в людях.

³ При открытии холеры были учреждены Крестный ход по улицам кругом каждого прихода, и чтение молитв с коленапоклонением во время Божественной литургии.

⁴ В Петрополе, попечением Комитета о холере, не только установлены были в каждой части города больницы но, по Высочайшей воле, назначен был попечитель из Сенаторов или чиновников 4-го Класса.

⁵ Весьма значительная сумма собрана на помощь вдов и сирот, оставшихся после умерших от холеры. Смотри газеты того времени.

⁶ Смотри стихотворение: “Радостная в Августе весть”, к коему сии стихи служат эпиграфом.

⁷ Автор на 75 году писал сие Стихотворение, за которое выручил от продажи в лавке Глазунова 250 руб. и пожертвовал для сирот, оставшихся после родителей, умерших от холеры. Смотри С.Петербургские Ведомости и Северную Пчелу того времени.

Жаднице



В мой альбом, 1826 года

Восьмидесяти лет старик простосердечный,
Я памятник себе воздвигнул прочный, вечный
Мой памятник, друзья, мой памятник альбом,
Пишите, милые, и сердцем и умом,
Пишите взапуски, пишите, что угодно,
Пускай перо и кисть играют здесь свободно,
Рисует нежность чувств стыдлива красота,
Промолвит дружбы в нем невинной простота,
Я не прошу похвал, я жду любви совета
Хвостова помните, забудьте вы поэта



Императору Александру I-му, 1819 года

Российский Александр вселенная отрада,
Им свержен с высоты сын горделивый ада.
Он пролил всюду жизнь, пресек насилья пир,
Атланту равен Он — сдержал на плечах мир¹.

Примечание Хвостова:

¹ Сии стихи — подражание французским, которые в 1814 были сделаны в Париже.

На выгрузку камня для колонны монумента
Императору Александру I-му
30-го дня июля 1831 года¹

Питомец Севера, сын грозная природы,
Тяжеловесный столп единствен и высок;
Глава утеса там, небесные где своды,
Подошва — нутрь земли, где вод кипит поток;
На Бельта раменах, по воле Николая,
Гора чудесная в Петрополь приплыла
В потомстве прославлять, святыни луч являя,
Вновь, Александр, Твои бессмертные дела.

Примечание Хвостова:

¹ Первая надпись объясняет только выгрузку с корабля цельного гранитного камня, бывшую при собрании народа 1831 года Июля 30-го дня.



На воздвижение гранитной колонны в честь императора Александра I¹

Гранит единственный в день Невского Героя
Среди Петрополя главу свою подъял,
Пред ним Троянов столп, доселе дивный — мал;
Тот пышной суетой Рим гордый изумляет,
Здесь благодать двух Царей Россия прославляет.

Примечание Хвостова:

¹ 1832 года, в Александров день, была поставлена на свое место сия колонна, превосходящая Троянову величиною единственною, так сказать, цельного камня. Сверх того столп, удивляющий более полутора тысяч лет вселенную, называемый Троянов, не цельный, а составной.

На монумент Петра Великого 1783 года

Когда б устроил Бог, Творец земного чина,
Чтоб ранее Петра жила Екатерина,
В то время бы сия предивная гора
Екатерину нам являла, не Петра.

К портрету Государя Императора

Двух Александров нам история являет,
Которых подвиги различно величает.
Один всю Азию преобразил во прах,
Другой Европу спас и царствует в сердцах.



Славному Германскому поэту Гете,
скончавшемуся в Марте месяце 1832 года
в г. Веймаре

С богатым вымыслом, с природой неразлучный,
О Гете! голос твой прелестный, нежный, звучный
Умолк и перестал вселенну восхищать,
Умолкли на порок гремящие перуны,
Вдруг лиры золотой окаменели струны,
К ним приложила смерть безмолвия печать
Увы! сокрылся бард в обитель привидений,
Но Гете жив, он жив, — не умирает гений



Василью Львовичу Пушкину,
скончавшемуся 20 августа 1830 года¹

Рыдает Муз собор в печали справедливой;
Поэта Пушкина лишился наш Парнас.
Он посвятил друзьям свой мирный век счастливый:
Меж Аонид расцвел, и между их погас.

Примечание Хвостова:

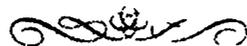
¹ Василий Львович Пушкин, сочинитель многих прекрасных Стихотворений, скончался в Москве 1830 года.

Знаменитому современнику
Алексею Федоровичу Мерзлякову,
скончавшемуся в Москве в Сокольниках,
26 июля 1830 года

Наш Северный Лагарп, высоких чувств поэт,
Избавясь бремени мимотекущих лет,
Взлетел на Геликон небесного чертога
Воспел с Державиным святыню, правду, Бога.

Александрю Андреевичу Жандру,
1830 года в Ноябре месяце¹

Здесь Жандр лежит. Прохожий, слезы лей.
Знай, жертва он злодействия ужасна.
Присяги долг храня в душе своей,
Как Русский пал — и смерть его прекрасна.



Примечание Хвостова:

¹ Генерал-лейтенант и кавалер Александр Андреевич Жандр, состоя при Его Императорском Высочестве, покойном Великом Князе Константине Павловиче, убит Варшавскими крамольниками в Ноябре месяце 1830 года.

Александр Ефимовичу Измайлову, 1831 года¹

Измайлов здесь лежит. Поэт хотя не дамакский,
Ему по басенкам знаком был путь Парнасский.
Огнем священных дев до смерти он дышал,
Лишь жаль, Пьянюшкина с красавцами мешал.
Но ах, закашлявшись на родине Пиндара,
В Петрополь прикатя, скончался от удара.

Примечание Хвостова:

¹ Александр Ефимович Измайлов к сожалению рисовал часто пошлые, т. е. карикатурные лица, впрочем сказочки его из Лафонтена отличаются простотою рассказа и заслуживают внимания публики. Если у почтенного г. Измайлова в иных статьях не доставало вкуса, зато он во многих обилдовал отличным природным дарованием; скончался в С. Петербурге в 1830 году, возвратясь из Архангельска, а сие надгробие печатается, как приятельская шутка, без оскорбления хорошего пиитического дара сочинителя сказки *Чорт*.

Сочинения Руссо Женевского
перевод с французского 1776 года¹

Здесь два любовника друг¹ другом умерщвлены.
Друг другу на земли питая страсти жар,



Друг другу дали смерть их руки исступленны,
 Любовь, отчаянье свершили злой удар.
 Самоубийство здесь закон грехом считает,
 Слезами чувства чтит, рассудок умолкает.

Примечание Хвостова:

¹ Сочинения Руссо-Женевского печатаются первый раз для показания отличной мысли французского автора об ужасном преступлении.

Артисту Рязанцову¹

Рязанцов весельчак забавил нас умно,
 В нем каждое лицо являлося смешно.
 Но ах! несытая холера
 Его похитила к досаде лож, партера,
 И, право, это ей грешно,
 А не смешно.

Примечание Хвостова:

¹ Артист Рязанцов, хороший Актер и большой искусник по части Мимики, то есть лицедействия, умер также от холеры в 1831 году.

Князю Багратиону, генералу от Инфантерии¹

Прохожий, в Симе зри того героя прах,
 Который гром метал на Альпа высотах.
 Бог рати, он слуга Отечества и Трона,
 Здесь кончил жизнь свою, разя Наполеона.



Примечание Хвостова:

¹ Генерал от Инфантерии, Князь Багратион, будучи жестоко ранен при сражении в селе Бородине, привезен был к приятелю своему Князю Борису Андревичу Голицыну, Владимирской губернии в село Симу, где и кончил жизнь Сентября 1812-го. Сия эпитафия собственно принадлежит певцу Кубры, который заказывал и бронзовую доску, находящуюся в Симе при гробе Полководца.

Путешествующему на корабле
из Америки в Грецию
самоубийце Французу, 2 сентября 1832 года
(шутка)

Лукьян, как и отец, наскуча быть ничем,
Не веря честности, не веря даже в Бога,
Пусться храбро в ад, сразил себя мечем, —
Туда ему давно открытая дорога.

Статскому советнику
Николаю Ивановичу Гнедичу¹,
скончавшемуся 1833 года Февраля 13 числа

Здесь Гнедич погребен, сын громкия Полтавы,
По справедливости наперсник Муз и славы;
Средь мира суеты хотя недолго жил,
Омира древнего он Россам подарил.



Примечание Хвостова:

¹ Николай Иванович Гнедич погребен в Невской Лавре в новой и той же самой ограде, где покоится прах историографа Карамзина.

Современнику Обжоркина*

Здесь милый хлебосол в могиле жить остался,
Перед другими он талантом отличался,
Амура резвого, Киприды не любил;
Но ровно сорок лет он сладко ел и пил, —
И, наконец, обкушавшись блинов, скончался.

Надгробие

Лежит и погребен здесь Северный Икар,
Который странствовал от Киева до Риги,
Здесь наших дней Сократ: он презирал все книги,
А помнил наизусть газеты, календарь.

Надгробие Королю Польскому*

Се на чужом берегу кормило корабля!

Эпиграммы



Эпиграмма

Какой-то глупый канодей
На праздник звал к себе премножество людей
Я две трапезы дам для милых мне гостей,
Сперва духовную, потом плотскую
Сказали гости все мы будем на вторую

На самого себя, Марта 1797 года¹

Поэт, который век с Пегасом обходился,
И в рифмах возглашал земель дальнейших весть,
Сорокалетний он, желав на лошадь сесть,
Садясь, не совладал и — до смерти убился



Примечание Хвостова:

¹ Эпиграмма на самого себя описывает, что Автор, при торжественном въезде Императора Павла I в Москву 1797 года, будучи Камер-Юнкером, чуть не упал с лошади и принужден был, оставя церемониальный марш, удалиться объезжими улицами в свой дом.

1806 года (с французского)¹

Здесь спит моя жена под гробовой доской;
Нашла себя, и мне доставила покой.

Примечание Хвостова:

¹ Эпиграмма на сумасбродную жену, по остроте выражения своего, превозносится французскими любителями Словесности, и печатается в первый раз.

1813 года¹

Кисть дерзновенная, маляр, в твоей руке
Нарисовала нам поэта в колпаке.
Певцу зеленый лавр — других нет украшений,
Поэт чужд старости, — не знает смерти гений.

Примечание Хвостова:

¹ Знаменитый и почтенный Гавриил Романович Державин представлен был на выставку Императорской Академии Художеств одним не искусным живописцем в параличном состоянии и в колпаке. Автор, уловляя всегда изящную природу, ополчался на подобные, безобразные списки с оной, и очень сожалеет, что во многих местах встречаются



бессмертного писателя Фелицы бюсты в колпаке. Желая обратить художников на дорогу настоящую, он написал сию эпиграмму.

1806 года

Нельзя о новости стерпеть твоих мне врак.
Узнай в моем ответе,
Что нового нет ничего на свете,
Не новое и то, что ты дурак.

Эпиграмма

Нарцизовой красы историю слышали:
Узря себя в водах, в восторге умер он;
Ты в воды не смотришь! Тебе другой закон:
Ты можешь умереть с печали.

Анекдоты



Словцо Суворова, или ответ ему Капитана.

Когда Суворов, в чине фельдмаршала, отдыхал на лаврах после Польской войны, в Тульчине, является к нему один Капитан, служивший прежде в корпусе князя Николая Васильевича Репнина. Капитан сей, как добрый слуга отечеству, ему очень нравится. Полководец спрашивает однажды у Капитана: «Какая разница между меня и князя Николая Васильевича?» Капитан не запнувшись сказал: «Пребольшая, ваше сиятельство!» Таковой быстрый ответ подстрекнул еще более любопытство начальника и он приступил к нему: «Какая, какая, скажи мне — Капитан, истоща все личности, которые ныне в большой моде у писателей — как то



пребольшая: Репнина и вас сравнивать нельзя. — Тотчас решить можно, в чем эта разница, — и наконец Капитан, утомля нетерпение начальника вождей, сказал решительно: разница в том, что князь Репнин очень хочет произвести меня в майоры, да не может, а вы можете, да может быть не захотите! Мне сей случай пересказывал Борис Яковлевич Княжнин и дополнил, что за шутливое слово Капитан награжден был майорским чином.

***Русский анекдот [О Суворове
и графине Разумовской].***

Генералиссим Князь Италийский прошлого 1799 года находясь в Вене при открытии Италианской Кампании, жил в доме Российского посла Графа Разумовского. Желая сохранить древний обычай, изображающий похвальное хлебо-солство наше, хотел сделать подарок хозяйке; для чего и приказал адъютантам своим приискать самую прекрасную и богатую вещь, достойную Графини Разумовской и дарителя. — Привезена была вся Галантерея Венская, но ничто замысловатому герою не полюбилось. Он сказал: вы меня не поняли. Привезите мне золотое сердечко в цепочке с ключиком. — Сие было исполнено; а он в ту минуту, когда садился в повозку, велел принести на серебряном блюде сердечко. Надел оное на Графиню Разумовскую, запер его ключиком, ключ положил в карман — и уехал.

Русский анекдот [О смерти Суворова].

Князь Италийский Граф Суворов Рымникский скончался 1800 года мая 6-го дня в Санкт-Петербурге у родственника своего Гр. Д. Х.; а 3 мая присланы были от Курфюста Баварского к Суворову ордены для возложения на некоторых из его подчиненных. Лавроносец находился



тогда уже в крайней слабости, хотя был в памяти. Гр. Д. Х. входит сказать ему о присылке оных орденов — Суворов спрашивает у вошедшего, кто тут? —

— Я.

— Зачем?

— Дело есть...

Герой и при самом конце дней своих заботяся об отечестве и всегда будучи готов приносить себя ему в жертву, сел на постеле, и с торжественным лицом громогласно сказал:

— Дело! Я готов.

Словцо Екатерины II-й об Обакулове.

Екатерина II-я в приватном разговоре выпущенным словом умела иногда наказывать, не прибегая к судебному или полицейскому порядку. Вот случай, который докажет Ее глубокое знание в искусстве править. Умерший вскоре по смерти царицы московский житель Матвей Гурьевич Обакулов разжился карточною игрою. Двору был мало известен и, следовательно, не имел никакого доступа к лицу Екатерины II, но слава его гремела; впрочем, он был человек образованный и много начитанный. Около 1790 года он случился в Петербурге, играл в карты в *Макао*, которая игра была у всех в большой моде; не было дома, где бы в нее не играли с различием на ставку большой или малой казны; метали костью, а чтобы избавиться от несносного шума, иногда картами. Число 9 решало судьбу целой ставки; кинувший сие число брал оную безусловно. Обакулов в городе метал сряду иногда по десятку раз роковое число 9. Случилось однажды у Императрицы на вечере, что играли в *Макао*. Меценат Ломоносова и Российской словесности Обер Камергер Шувалов кинул картами сряду до девяти раз 9. Императрица, как будто проста, сказала: «Это по-Обакуловски». Какие из сего последствия! Записной игрок Оба-



кулов был тогда в Петербурге и обыгрывал, кого хотел, в Макао. Все дивились его счастью, а недоверчивые думали, что он поправлял оное искусством. На другой день после вечера, когда царицею произнесено было замысловатое словцо, узнали, что Обакулова нет уже в городе. Не подумайте, чтобы его схватили, или правительство его выслало, — нет! — сам игрок, услышав о словце Северной Минервы, испугался своей славы и уехал восвояси. Если Обакулов не чисто играл и метал 9 по хитрости, ему одному известной, то одно словцо предостерегло, может быть, бесчисленные его будущие жертвы.

Настоящее название игрока в сем анекдоте — Окулов.

Примечание. Сей анекдот 10 мая 1834 года доставлен г. Смирдину для напечатания в журнале «Библиотека для чтения». Сия статья, к удивлению моему, не пропущена цензурою. Боюсь, по милости переписчиков, не смешали ли цензоры мною вымышленную фамилию игрока «Обакулов» с фамилиею сенатора *Абакулова* и, приняв за *личность*, запретили статью.

[О Павле I и себе]

Гр. Хвостову не дан был орден св. Анны 2-й степени. Вскоре после того император [Павел I] изволил принимать на себя титул Великого Магистра Мальтийского. Гр. Хвостов на сие сочинил оду и, не имея доступа во внутренние покои, решился положить оную в ящик. Государь столь чувствительно был тронут таковым усердием, что сказал статс-секретарю Брискорну: «Я виноват — его вымарал» и приказал объявить генерал-прокурору, чтобы он снова доложил. Через два дня гр. Хвостов позван был во дворец, и при возложении ордена государь соизволил сказать при всех: «Я виноват перед тобой, только в последний раз». И под-



линно сие так случилось, ибо после того сочинитель наш пользовался особливою милостию и доверенностию государя.

[Об Александре I]

6 декабря 1825-го года при разговоре моем о смерти покойного императора Александра I, приключившейся от желчной горячки сего года 19 ноября в Таганроге, с преосвященнейшим митрополитом новгородским Серафимом услышал я от сего почтенного пастыря, что Его Величество, при последнем вояже против обыкновения своего бывший 30 августа в Невском монастыре в день тезоименитства своего, прибыл в сию обитель снова чрез сутки, т. е. 1 сентября, где в дорожном экипаже отслушав молебен и подошед во время чтения Евангелия, внимал оное с преклонением колен, подходил неоднократно к благословению Архипастыря и по его приглашению взошел в келию, рассуждая о Евангелии того дня [т. е. чтении из Евангелия на данный день — *сост.*] «Аз есмь кроток и смирен сердцем», присовокупил, что он опытом узнал, что кротость скорее достигает к пользе, нежели жестокая строгость. И наконец по приглашению Митрополита зашел к схимнику Антонию и спрашивал: где его постель? На ответ Митрополита, что он спит на полу (видно, ковер): пол мякотький. — Ваше Величество, его отделявала графиня Орлова-Чесменская. — Неправда, вслушавшись, говорил Схимник, я не стыжусь моей кровати, посмотри, Государь, — привел в угол и показал гроб, приговоря: это общая наша постель, все мы тут ляжем, — приглася Государя присесть. — Схимник рассуждал о благочестии, о приверженности к вере и нравственности и заключил, что нравы русские до чумы были очень чисты, т. е. до 70 года. После того испортились и крайне развратился народ. В твое царствование они стали лучше, а после 12 года



снова ослабели. Государь на сие говорил Митрополиту: Слова этого старца мне гораздо приятнее, нежели самая красноречивая и льстивая речь. Вот любопытная беседа при отбытии покойного Императора из его столицы в область смерти. Схимник сей был крепостной слуга генерал-лейтенанта Василия Владимировича Грушецкого, женатого на княжне Долгоруковой-Крымской. Известный на Москве официант, и у меня самого в 1787 году был на свадьбе в сей должности. Когда пошел в монашество — не знаю, а прибыл в С. Петербург с вышереченным Преосвященным и был духовником его — и потом и всех ставленников.

[О Дашкове]

Вот и со мною приключение: Дмитрий Васильевич Дашков, известный Антагонист Шишкова, знакомый мне по дому Ивана Ивановича Дмитриева и служащий в том же департаменте <...>, кроме вежливости и ласки от меня ничего не видал, приносит мне от г-на Измайлова, писавшего на меня прежде пасквили, которых я не читывал, официальное, как от президента письмо, что я избран в почетные члены общества любителей словесности. Я прибежал в собрание, после которого думая меня рассердить или считая, что я похвалу его приму за наличные деньги, Дашков стал заикаться и читать, что я великой человек, что я потоптал Горация и Лафонтена; я после чтения улыбнулся и сказал, что сии похвалы мне не принадлежат; потом пригласив к себе г-на Дашкова, помыл ему в прозе голову. Вот чем кончилось с моей стороны непростительная шутка г-на Дашкова. Но общество иначе на сие посмотрело и выключило Дашкова за дерзкий его поступок.



[О смерти актера Киндякова]

Переписка наша о словесности подает мне случай сообщить вам диковинку, то есть приключение, которое должно остаться в летописях Мельпомены. Франция хвастает, что славный ее актер и неподражаемый сочинитель комедии Мольер умер почти на театре, то есть за кулисами, представляя комедию свою, называемую: Мнимый больной. Публика парижская до другого дня этому верить не хотела, приписывая болезнь автора, ею любимого, искусству и чрезвычайным усилиям, кои он употреблял. В Москве 1819 года месяца сентября на публичном театре случилось приключение еще любопытнее французского. Давали трагедию вольтерову «Семирамиду». Семенова большая находилась на сцене с Ассюром. Сию последнюю роль играл Киндяков. Актер средственной, но большой любитель своего искусства. Он читая стихи, и с довольным жаром, вдруг упал и умер. Нет нужды описывать, что славная Семенова потревожилась и убежала с театра. Сочинитель сна (вспомните эпиграмму Дмитриева: Один твой издан сон: когда же складны сны бывают!) опустил занавес. Дело в том, что Киндяков не помышляя о смерти умер, упражняясь в любимом своем ремесле и где умер? Не за кулисами, а на сцене, имея свидетелями смерти своей 1000 человек и более, при жертвеннике Мельпомены пал к стопам первой ее царицы.

[О смерти Кочубея и Кикина]

Покойный князь Кочубей 29 апреля 1834 года бывши на дворянском празднике, подошел к отставному тайному советнику Петру Андреевичу Кикину, между прочих разговоров спрашивал он у него о жизни деревенской и долго ли Вы пробудете здесь. — Кикин отвечал: Я в мае месяце опять поеду в Рязанскую деревню. Князь Кочубей продол-



жал: Я последую вашему примеру и сам за Вами вслед отправлюсь в мою Полтавскую вотчину. — Случай доказал, что оба они сдержали слово и отправились — Кикин простудился на бале и умер 18 мая; Князь Кочубей, одержимый тяжкою болезнию, около тех же чисел доехав до Москвы скончался не позже 3-го июня нашего штиля.

Словцо Гребенкина.

Евгений Павлович Гребенкин отзываясь, что отличительные свойства графа Хвостова как поэта есть любовь, совокупленная с глубоким чувством сего качества, и опирается на стихах певца Кубры:

Еще теперь я сердцем жив
И ближних радостью счастлив.

Ответ зрителя о драме Кукольника.

В 1833 году, зимою, давали трагедию Нестора Васильевича Кукольника, которая имела большой успех по достоинствам литературным и по многим отношениям, Невидавший оную спрашивал у другого: «Вы видели "Рука Всевышнего Отечество спасла"? — «Видел». — «Как она Вам полюбилась, хороша ли?» — «Лавка моя была в углу, я сидел на правой стороне, и мне руки-то совсем не видать было».



О краткости надписей

Высокие мысли краткословны — Лучи благотельного светила более ощутительны, пламенны и светозарны, ежели составляют малейшую точку своего соединения, тако пылакая мысль одним словом, и даже одним наименованием



рождает тьму глубоких понятий и впечатлений, а потому Греки в надписях своих и превосходны. — Высота мыслей, простота и краткость выражений оных вдыхают некое священное почтение к памятнику, о коем проповедуют. — В новейшие времена и на Российском языке, и на других есть надписи, достойные великих предметов своих, таковы суть: надпись славного г-на Сумарокова к статуе преобразителю России:

«Петру Первому Екатерина Вторая».

В обители св. Онофрия в Риме на гробе бессмертного песнопевца изображено:

«Здесь кости Тассовы».

В Санкт-Петербурге в Александровской Лавре на месте, где погребен победитель турков, низложитель Польши, спаситель Италии, сказано:

«Здесь лежит Суворов».

Ничто не может быть проще и величественнее таковых надписей. Истинная слава умственна и не требует пышных украшений; она светлосна сама по себе. Пройдет ли русский без удивления мимо монумента Петра Великого? прочтет ли он прекрасную надпись без воспоминания о божественных подвигах преобразителя и чудесных делах бессмертной совершительницы? Надпись, не говоря об них, всё сказала. Нет нужды изъяснять ни о чинах, ни о военачальстве покойного Генералиссима: ибо в уме любопытствующего видеть его гробницу одно время рождает память о его нравах, и суровой жизни, и победах. Если кто не одарен душою, способною постигать Перикла, Суворова, Кессаря и Тасса, того и длинные повествования не просветят.



Разбор стихов Пушкина под названием «Разные стихотворения»

1826 года Генваря 13-го дня. Я читал с удовольствием книгу, на сих днях появившуюся под названием стихотворения Александра Пушкина. В ней таланта много, остроты довольно, блеску еще более. А шутки часто плоски или подлы... <...> Заключаю, что мне статьи «К морю» и «Наполеон» не нравятся. Писаны во вкусе дум Рылеева, хотя слог не столько холоден и менее натянут. Автору, говорящему о величии и ужасе моря, попались на ложку Байрон и Наполеон. О последнем похвала некстати. Он враг человечества и превозносимой свободы. Если Пушкин восхищается его гением, то что такое гений без доброго сердца?

Из писем

...Мои мадригалы могут быть плохи; но они экспромты, и я их сочиняю во время бала. У моей жены танцуют каждую среду, а я в карты не играю и не пляшу. Сяду в угол, и как только кадриль закончится, с экспромтом подхожу к Тургеневу ... А Инвалид инвалидное сочинение тотчас и подхватит...

(Ивану Ивановичу Дмитриеву 24 декабря 1813)

Вы изволите мне пророчествовать, что сочинения мои в разных родах с продолжением жизни дойдут до десяти томов. Чуть ли это не правда. Не знаю, хорошо ли делаю, а и при конце дней все пишу и пописываю. Пускаюсь даже смело во все рода. С Писаревым смеюсь над Стамбулом и



Гиспаганом, с Исаием проклиная безверие и разврат и в одно почти время по следам Аристотеля, Блера и Батё пишут о сущности басни. Вот и я *Прозаик!*...

(Преосвященному Псковскому, между 1816 и 1820)

Я сады Русские называю Вашими; по моему мнению, перевода Великого Стихотворца в собственном смысле быть не может; присвоение мыслей автора чужеземного своему Отечеству есть сочинение. Мысли — общая собственность, а выражения и чувства принадлежат небольшому числу. <...> *Виргилий* переводил Гомера, *Расин* многих своих предшественников, *Лафонтен* *Езопа*, *Федра* и других. Я заключаю, переводить не возможно, а выразить мысли и чувства знаменитого поэта сообразно правилам своего языка и времени есть тоже и более чем хорошо сочинить.

(А. Ф. Воейкову, по получении его перевода «Садов» Делиля, в Дерпт 5 июня 1820)

...Я заказал вырезать на камне художнику *Доброхотову* портрет *Суворова*. Сей портрет или бюстовое изображение на двуслойном сардониксе поднесено мною Государю Императору, и Его Величество соблаговолил камень мой, как достойное произведение славного русского артиста, помянутого *Доброхотова*, поместить в *Царском Эрмитаже*... Вы увидите, что я не утаил *Суворова* от потомства, то есть: не завладел хорошим камнем, а оставил оное навсегда в царской сокровищнице. Пускай и ныне и впредь любопытные любуются героями и артистами.

(К майору Петру Ивановичу Лялину в Калугу, 24 октября 1827)

...Сей богатый талантами молодой человек [*Н. М. Языков*], не будучи мне знаком и даже в лицо, удостоил меня



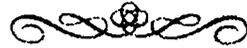
недавно посланием*, в котором просит у меня классического совета, присовокупляя обещание отстать от буйной шайки романтиков. Прекрасное послание юного наперсника муз <...> находка для семидесятилетнего поэта, которого публика не читает и не знает по невниманию к произведениям из изящных искусств, и иные без толку бранят и гонят, за что певец Кубры (то есть я) вооружается на романтиков, которые недовольно что испортили в словесности вкус и язык, портят нравы, вселяя в мысли и сердца безначалие и разврат. Я романтиков не люблю и охотно дал Языкову совет. <...> Лирик должен быть благоденствен, любить свое отечество и выставлять примеры знаменитые. Он должен петь Екатерину, Суворова или подобных им...

(Его Превосходительству Петру Андреичу Кикину, 26 октября 1827)

...Письмо Ваше... очень хорошо, прекрасно, только в конце его одно место показалось относительно ремесла нашего несколько невразумительно. Вы говорите: «Перо Ломоносова и Лира Державина». Сия метонимия мне ясной идеи не представляет. Если вы чрез перо разумеете знание языка и искусства вообще, а чрез лиру высокий дар природы или дух и силу певца, то по праву всех словесников и Эстетиков сии две принадлежности должны быть неразлучны меж собою; а сверх того и Ломоносов не лишен был сего последнего преимущества. Скажу Вам откровенно: я об единственном нашем Ломоносове так высоко думаю, что мне кажется мудрено приклеивать к нему других лириков не только русских, но и всех земель...

(Александрю Александровичу Писареву, без даты)

Я столько же люблю словесность, сколько ненавижу мелкие презренные оной распри: то есть зависть, шипение, дрыз-



ги и пересуды, из коих рождаются сатиры, пасквили, перебранки и тьма неудовольствий...

(Графу Г. С. Салтыкову, без даты)

Ручаюсь, что Ваше Преосвященство при распечатывании сего письма изволите сказать: «как еще ода? хотя от меня и Аполлона запрещено ему писать оные». Я возражу

Обиженных детей приемля в свой покров

(Если позволено мне будет продолжить сей приятельский для забавы разговор), что многие песнопевцы не стыдятся выдавать своих од. Получаю в ответ: «Прежние на Пинде заслуги, старость и проч.» Я сам стар. Вольтер и Херасков гораздо старше были по летам; первого в стихах сочиненных при сближении его ко гробу [так в рукописи! — *сост.*], хотя лишены живости, а обороты слов прежнего огня, но все показывает человека необыкновенного. Творец *Россиады* еще счастливее, а едва ли есть разница, открывающая в стихах его возраст. 20 и 60 лет; и так старость не дает права писать нелепицу. Напротив, старость, иногда теряя со стороны воображения, много иногда выигрывает со стороны рассудка. Беда наша, когда бы в искусстве военном — Суворов и Князь Смоленский что-нибудь напутали при остатке дней. Поверьте, что не старость, не отговорка на краткость времени причиною пиитических падений; а что же? недостаток в писателе рассудка и вкуса. Знаю, что защитники удачных нелепостей возопиют: дарование, одно дарование венчает писателя. Так, бесспорно, но прочтите Слово г. Гнедича, произнесенное сего года в Императорской Публичной библиотеке, и увидите, что пределы дарования весьма обширны без помощи рассудка и вкуса.

...Они [стихи *Хвостова*, прилагаемые в письме — *сост.*] может быть хуже других моих сочинений, но не могут мне обратиться в посмеяние. <...> А гению еще стыднее падать,



нежели обыкновенному писателю...

(Преосвященному Евгению Митрополиту Киевскому, без даты)

Лестно мне было изъявление желания известного баснописца нашего времени о присылке сочинений моих в Императорскую библиотеку. Я исполняю теперь волю вашу, благодарю за дружеское внимание, почитая оное за особливую честь. И подлинно! переход весьма велик. Из тесной книжной лавки переселиться в прекрасное и великолепное императорское здание, чтоб занять место наравне с превосходными умами Греции, Рима и всех просвещенных стран Европы. Повторяю вам: честь велика, а [пользы никакой — *зачеркнуто*] выгода... не знаю. Боало говорил:

Хвалимый до небес гниет Пустявин в лавке.

...Не все ли равно гнить, что в лавке, что в Библиотеке. Я... который сам о себе исповедую, что

Люблю писать стихи и отдавать в печать,

я могу ли надеяться какого-нибудь внимания от критики даже и при жизни? По крайней мере благодаря беспечности моей, которая меня по сие время избавляла от титула писателя. Большая часть сочинений моих небрежно были написаны, напечатаны и забыты. От этого, Милостивый государь мой, у меня самого их в полном собрании нет...

... По мнению моему, на Императорскую библиотеку имеют право только те писатели, кои сокупают дарование и вкус. Слов не много; а обязанность весьма велика; особливо у последнего семейство очень многочисленно. В оправдание же мое могу сказать, против того, что говорил стихами Ив. Ив. Дмитриеву,

Быть может, к счастью в толпе стихов моих
Внушенный музами один найдется стих.



Быть может, знатоки почтут его хвалами,
Украсят гроб певца правители цветами.
Их чувства оценят, не мыслей остроту,
Не обороты слов, но мыслей простоту.

Руссо лирик говаривал, что недостаточно второй половины жизни на исправление сочиненного в первую половину. Я стараюсь последовать сему совету, и для того переводов французских классиков уже сделаны два издания. Последние лучше первых, но сколько раз еще надобно повторять сии издания, сколько трудов, сколько усилий, сколько совещаний с искусными в языке и стихотворстве, чтобы хоть несколько приблизить их к искусству. Если жизнь моя продлится, я, может быть, решусь на полное собрание моих сочинений, и тогда уж должен буду ответствовать кроме посильного дара за недостаток вкуса, а теперь отрывки мои, так сказать, не иное что, как пища для моей суетности и, может быть, удовольствия приятелей.

Про лирические мои творения скажу так, что они имеют только названия лирических... По сей посылке и по выше-писанным моим стихам для чего же не быть и у меня хорошим куплетам? Правда, что одна ласточка весны не делает, но в богатом собрании картин не мешает охотнику иметь хорошую картину посредственного живописца. Сие пишу к вам в великую пятницу, время исповеди, и скажу то, что думаю о сочинениях первой молодости, а именно о баснях. Есть в них счастливые стихи и, может быть, некоторая простота в рассказе, хотя далеко уступающая Хемницеру; но притчи мои, если мне не удастся с большим рачением их исправить, не заслуживают внимания и я не почитаю себя Баснописцем после славных современников моих.

(Ивану Андреевичу Крылову при посылке сочинений в Императорскую библиотеку)



Нападают вымышленными толками и суесловием на порядок, чтобы разруша оный в мутной воде удобнее было удовлетворить частным прихотям, страстям и корысти <...> Первые две басни мои целят на цензуру и свободу книгопечатания. Я сомневаюсь, может ли сия последняя существовать. — Предали Сократа смерти за учение, которое почталося вредным, прежде нежели открыто было книгопечатание. Может быть, при цензуре этого и не случилось бы: или Сократ замолчал, или цензура, укротя страсти свои, убедилась бы истинами, которые проповедовал добрейший из человеков. <...> Просвещение разума весьма тесно и почти неразрывно связано с добротою сердца. — Тут и лисица не скажет:

Пусть рот в крови,
Я проповедница и правды и любви.

(К приятелю NN о баснях Медведь, Цензуры и Волк и Лисица)

Из «Хвостовианы»



Стихотворец и черт Лубочная карикатура на Хвостова (из собрания Государственного Исторического музея)

Родство с Суворовым подало повод к злой шутке над поэтом известный сатирик М В Милонов, проходя однажды по толкучему рынку, увидел перед одною лавкою портрет графа Хвостова, и точас же надписал на нем двестишие

Прохожий! не дивись, на эту рожу глядя,
Но плачь, и горько плачь ему Суворов — дядя!

(И О Морозов Гоф Дмитрий Иванович Хвостов
1757—1835 гг // Русская Старина 1892 № 8 с 576)



За несколько часов до своей кончины, отдав несколько приказаний окружавшим его, Суворов слабым голосом позвал к себе Хвостова и сказал ему: «друг мой, одолжи меня, не пиши од на смерть мою». Гр. Хвостов, однако, не исполнил этой просьбы: ода на смерть Суворова помещена в Собрании его стихотворений, изд. 1821 г., т. I, с. 113-115. (Там же, с. 583).

«Лирические творения» открываются одою «Бог». Эта ода написана в 1795 г., через 11 лет после знаменитой оды Державина. Как высоко Хвостов сам ценил свое творение, видно из следующего анекдота: раз, отправляясь в Царское Село, он взял с собою секретаря своего, Ильинского, и дорогою требовал, чтобы тот откровенно сказал ему — которую из двух од, Державина или Хвостова, он находит выше. Услышав искреннее мнение своего спутника, которое было в пользу державинской оды, оскорбленный пиит хотел было высадить его середь дороги, и с трудом согласился везти его дальше.

(Там же, № 9, с. 73).

Эпиграмма на оду Хвостова «Бог»

«Как нравится тебе моя о Боге ода?» —
 Самхвалов у меня с надменностью спросил, —
 Я фантастическа не написал уroda,
 О коем нам в письме Горацій говорил;
 Но всяку строку я набил глубокой мыслью
 И должный моему дал Богу вид и рост».
 — «То правда, — я сказал, — нелепицу ты кистью
 И быть бы где главе, нарисовал тут... хвост».

Г. Р. Державин



А граф — сказать ли без укор?
Танцует как Вольтер, а пишет как Дюпор!*

А. С. Хвостов

По поводу оды Хвостова
на освящение Казанского собора, 1812

О. храма нового неизреченно чудо!
Хвостов стихи скропал — и, говорят, не худо!

А. С. Хвостов (?)

На перевод «Поэтического искусства» Буало
Хвостовым

«Ты ль это, Буало? какой смешной наряд!
Тебя узнать нельзя: совсем переменялся!»
— «Молчи! нарочно я Графовым нарявился:
Сбираюсь в маскарад».

И. А. Крылов

Стихотворец и чорт
(Сказка)

«Ну, есть ли кто на свете
Несчастнее меня? И не было и нет!»
Так говорил Дамон, поэт,
Сидя один в полночь со свечкой в кабинете,
Вздыхая тяжело и нюхая табак,



Которым вымарал лицо, халат, колпак,
 И, с позволения сказать, свои творенья.
 «Клянущий день своего рожденья,
 Такое горе я терплю!
 Уж сорок лет пишу, хвалю себя, хвалю;
 Не верит мне никто, как я ни уверяю;
 Уж я ли не поэт? не знаю!
 По смерти памятник мне, верно, соорудят,
 А нынче — посидеть со мною не хотят.
 Начну читать стихи — смеются;
 Печатаю — не продаются;
 Пришлось с Парнаса в петлю лезть,
 Чтоб уважение и славу приобрести.
 Каких я не искал каналов!
 Платил газетчикам, издателям журналов;
 Свой сам книги раскупал;
 Все раздарил, — а их никто и не читал.
 Брагам своим писал в честь оды и посланья,
 И в книжных лавках стал предметом посмеянья.
 Рад душу Чорту я отдать,
 С тем только, чтоб он стал стихи мои читать!»
 Едва слова сии Дамон успел сказать,
 Чорт страшный вылез из камина.
 — Я здесь, условимся со мной.
 Что надобно тебе? — «Ах, мой отец родной!
 Садитесь... Перевел я сцену из Расина.
 Послушайте... — О, нет! — Да почему ж? —
 Спешу.—
 Послушайте, как я пишу;
 Не читывали вы такого перевода.
 Я вам прочту еще посланье, притчу, оду;
 Стишки, ей богу, хороши!
 — Мне дело до твоей души;



Дай кровью мне сперва свое рукописанье, —
В стихах? с охотою, чур, слушать наперед!»
Исполнил Чорт его желанье;
Садится, а Дамон берет
Претолстую тетрадь, потеет и читает.
Чорт бедный морщится, зевает,
И ничего не понимает.
Бьет час, бьет два, бьет три, четыре, пять —
Дамон не устает читать.
Прочел трагедию, лирически творенья,
За притчи принялся... Чорт потерял терпенье,
Ушел и никогда назад уж не придет.
Пускай же кто другой так Чорта проведет!

А. Измайлов

Летом 1822 года несколько петербургских литераторов, в том числе и Крылов, нанимали на общий счет дачу близ Руки. Иногда бывали у них и чтения. В этом маленьком обществе прозвали Крылова Соловьем. Вдруг является к ним гр. Хвостов, с стихами *певцу-соловью*. Ему объявили, что если кто хочет быть членом их общества, тот должен покоряться их правилам; что они готовы его слушать, но за каждое рукоплескание — у них положена с автора бутылка шампанского! Граф Хвостов начинает читать: за каждым куплетом раздается рукоплескание; за каждым необыкновенным стихом, в его роде, опять рукоплескание! — Их началось так много, что автор должен был отплатиться таким количеством шампанского, которое стоило ему довольно дорого.

Граф Хвостов любил посылать, что ни напечатает, ко всем своим знакомым, тем более к людям известным. Карамзин и Дмитриев всегда получали от него в подарок его



стихотворные новинки. Отвечать похвалою, как водится, было затруднительно. Но Карамзин не затруднялся. Однажды он написал к нему, разумеется, иронически: «Пишите, пишите! Учите наших авторов, как должно писать! — Дмитриев очень укорял его, говоря, что Хвостов будет всем показывать это письмо и им хвастаться; что оно будет принято одними за чистую правду, другими, за лесть; что и то и другое нехорошо. — «А как же ты пишешь?» — спросил Карамзин. — «Я пишу очень просто. Он пришлет ко мне оду или басню; я отвечаю ему: «Ваша ода или басня ни в чем не уступает старшим сестрам своим!» — Он и доволен, а между тем это правда». — Оба очень этому смеялись!

Однажды только сочинения гр. Хвостова выведи из терпения Дмитриева. Вот по какому случаю. Он ожидал из Петербурга книг, которые обещал ему прислать из чужих краев Д. П. Северин. Получается с почты огромный ящик. Ив. Ив. чрезвычайно обрадовался давно ожидаемой посылке. Открывает с нетерпением — и что же? — множество экземпляров полного издания сочинений гр. Хвостова, и к нему, и с поручением раздать другим! — Чрезвычайно смешно было видеть эту неудачу!

Не могу отстать от гр. Хвостова. — Он так любил дарить свои сочинения и распространять свою славу, что по дороге к его деревне (село Талызино, в Симбирской губернии), по которой я часто ездил, он дарил свои сочинения станционным зрителям, и я видел у них приклеенные к стенке его портреты. Замечательное славолубие во всех видах, и феномен метромании!

(М. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти. // М. А. Дмитриев. Московские элегии. — М. 1985., с. 198, 222-223).



Подзобок на груди, и подогнув колена,
Наш Бавий говорит, любуясь сам собой:
«Отныне будет всем поэтам смена:
Все классики уже переводимы мной!
Так я и сам ученым светом
Достоин признан быть классическим поэтом!»
Так, Бавий, так! Стихи, конечно, и твои
На лекциях пойдут — в пример галиматъи!»

И. Дмитриев

На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

П. Вяземский

Однажды, имея в виду графа Хвостова и его страсть мучить себя писанием своих виршей, а других чтением и выслушиванием их, для чего нанимал секретаря-чтеца, Измайлов в своем журнале тиснул следующее комическое объявление перед отъездом графа в имение:

«Потребен для отъезда в деревню с одним из плодови-тейших здешних стихотворцев слушатель лимфатического темперамента, терпеливого нрава и самого крепкого геркулесного сложения. Явиться в которую либо из книжных лавок, где можно узнать место жительства стихотворца, дающего на комиссию во все книжные лавки свои, никем не покупаемые, снотворные стихотворения, которые потом он



сам, через агентов своих, скупает повсеместно и предает огню руками своего мнимого издателя и секретного комиссионера, чтобы иметь право начинать новое издание».

С этой шуткою вышла комично-трагическая история. Меньшой из братьев-книгопродавцев Заикиных, именно Михаил Иванович, прозванный, *Краснонос*, парень неглупый, затейливый и подчас остроумный, придерживался чарочки, почему почти постоянно был на каком-нибудь, как говорится, взводе. Пришло ему в голову, разгоряченную пуншиком, с этим объявлением, вырванным из «Благонамеренного», послать какого-то приказного прощальгу, выгнанного из канцелярии надворного суда, к Хвостову. Экс-приказный затесался как-то прямо к графу в приемную залу и предложил свои услуги для слушания и чтения стихов его сиятельства, не ведая, что уже по этой части на всем готовом содержании и хорошем жаловании давно состоит бывший некогда семинарист, отставленный ветеринар, Иван Иванович Георгиевский, человек, одаренный от природы такую силою, что может не хуже вола выдерживать оды графа стихов так в полтысячи и более. Разумеется, Георгиевский не потерпел конкуренции и поспешил устранить этого искателя. Но приказный не отставал и кончилось тем, что граф принял его к себе, как бы в помощь Георгиевскому. Однако несчастный не долго, не более недели, поблаженствовал в доме графа: он забрался, по оплошности мундшенка, в графский винный погреб и упился там из бочонка, им просверленного, данцигской водкою до того, что мундшенк, к ужасу своему, нашел его там мертвым. Когда происшествие это было доведено до сведения графа, он выдал деньги на приличное для провинциального секретаря погребение и, сказав, «*De mortuis aut bene, aut nihil*», взялся за перо и написал что-то в роде элегии или идиллии на сюжет «Последствия невоздержания».



Измайлов прожужжал всем уши следующим рассказом. С 1817 года некто Маздорф, живший и служивший в Симбирске, постоянно присылал Измайлову для напечатания кучу прозы и стихов. Вдруг, в 1819 году этот Маздорф прислал Измайлову письмо с уведомлением, что он, Маздорф, лишился служебного места, дававшего ему кусок хлеба, болен, имеет жену и малютку дочь, едва не умирающих с голоду, да еще погорел при этом. Этот бедняк, зная, что в «Благонамеренном» есть особая рубрика «Благотворительность», просил, чтобы Измайлов оповестил в своем журнале об его положении, скрыв его имя. Прежде печатания воззвания в журнале, Измайлов о положении Маздорфа известил графа Дмитрия Ивановича; в это время старик сам был не при деньгах, т. е. как он выражался, «затягивал шнурки кошелька». Не долго думая, граф тотчас же поехал в Сенат, взял в счет своего сенаторского жалования, которое все шло на дела благотворения, 100 рублей и прислал их Измайлову с надписью: «Брату во Христе и по Аполлону». Маздорфа граф в глаза не видал. Пожертвование его по тогдашней ценности денег было не маловажное.

Расскажу теперь об одной довольно забавной, хотя и довольно нелепой, при содействии А. Е. Измайлова, мистификации добродушного графа Д. И. Хвостова. В 1822 году *первое апреля* было в субботу на страстной неделе. В пятницу, т. е. 31 марта, зашел к Измайлову приятель его, один из братьев Княжевичей — Владислав Максимович, его сослуживец, превеселый малый, заставший его за чтением новых стихов графа Хвостова, заставлявших его помирать от смеха от сочетания невозможных рифм.

— Вы можете умереть от такого истерического смеха, и на душе графа будет ваша смерть, сказал Княжевич.

Слова эти, сказанные в шутку, дали им обоим идею устро-



ить *первое апреля* графу Хвостову. Долго не думая, люди веселые и довольно молодые, лет 30-ти с небольшим, они тотчас достали в бумажной лавочке траурный бланк похоронного билета с непременноми по тогдашней моде, эмблемами смерти и погребенья и при помощи маленькой ручной типографии, бывшей в распоряжении Княжевича, мастерски напечатали билет надлежащего похоронного содержания от имени жены Измайлова Катерины Ивановны, приглашавшей *первого апреля* его сиятельство графа Дм. Ивановича на вынос тела и погребение супруга ее Александра Ефимовича Измайлова. Билет этот, в конверте, за черною печатью, был отвезен на дом к графу в 6 часов утра в субботу. Известие это чрезвычайно огорчило графа. Он тотчас отправил на Пески в дом купца Мозенова, где тогда жил Измайлов, — нарочного, чтобы узнать поподробнее, в котором часу вынос, т. к. в билете упущен был час. Разумеется, посланный вернулся к графу с веселым лицом, на котором будто выражались слова *первое апреля*, и с известием, что Александр Ефимович жив.

(Наши чудодеи: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода. Сост. Касьян Касьянов [В. П. Бурнашев]. — СПб., 1875, с. 26-29).

Расстроив состояние печатанием своих творений и литературным меценатством (он был ведь большой меценат), Хвостов выхлопотал, еще в царствование Александра I, временное денежное пособие. Александр I, знавший его лично и познакомивший его, как ближайшего родственника Суворова, с королем прусским Вильгельмом III, дал ему несколько десятков тысяч, — по одним сведениям, пятьдесят тысяч, а по другим сто. Государь дал ему эти деньги из жалости, чтобы он выкупил свое заложенное имение. Что же сделал Хвостов? Жена его графиня Аграфена Ивановна обрадо-



валась и пристала к нему, чтобы он употребил деньги на дело.

Погоди, матушка, — отвечал ей поэт, — прежде всего надо тиснуть мои сочинения новым изданием.

*(Е. Колбасин. Певец Кубры, или гр. Д. И. Хвостов. //
Время. 1867, № 6, с. 149-150)*

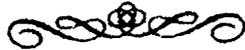
Две пародии на басни Хвостова

Паук и гром

Перед окном
 Был дом.
Ударил гром
И со стены паук
Вдруг стук,
Упал, лежит,
Разинул рот, оскалил зубы
И шепотом сквозь губы
Вот что кричит:
«Когда б ослом
Я создан был Зевесом,
Ходил бы лесом,
Меня бы гром,
Тряся окном,
 И дом
С стены не мог стряхнуть».

Нас чаще с высоты стараются сопхпуть.

И. А. Крылов



Танцовщик

Один Гишпанец
 Вел вечно танец;
 И день и ночь
 Кувыркается, пляшет,
 Глазами, головой, рукою, брюхом машет
 И с полу не отходит прочь, —
 Во всю трясется мочь.
 Народ глядит и говорит: «Бесовщик!»
 — Неправда, он простой танцовщик.
 Ты говоришь ему о братьях, о куме,
 О Римских чудесах, о Вавилонском саде,
 А у него Фанданго на уме.
 Народ глядит и говорит: «В разладе
 Гишпанский ум!»
 Напрасен шум!
 Гишпанец не дурак, гишпанец не безбожник,
 Он на свой вкус художник.
 О люди, люди! вы,
 Гишпанцы все, увы!
 Мы все, коль рассудить, живем без головы.
 Гишпанцу танцы,
 Заводчику фаянцы,
 Скупцу рубли,
 Завоевателю клочок земли,
 Любовнику приятны глазки —
 Не те же ли гишпански пляски?

П. А. Вяземский



Однажды в Петербурге граф Хвостов долго мучил у себя на дому племянника своего Ф. Ф. Кокошкина (известного писателя) чтением ему вслух бесчисленного множества своих виршей. Наконец Кокошкин не вытерпел и сказал ему:

— Извините, дядюшка, я дал слово обедать мне пора! Боюсь, что опоздаю; а я пешком!

— Что же ты мне давно не сказал, любезный! — отвечал граф Хвостов, — у меня всегда готова карета, я тебя подвезу!

Но только что они сели в карету, граф Хвостов выглянул в окно и закричал кучеру: «Ступай шагом!» — а сам поднял стекло кареты, вынул из кармана тетрадь и принялся снова душить чтением несчастного запертого Кокошкина.

(Бурнашев. Наши чудодеи, с. 275)

В Летнем саду, обычном месте своей прогулки, граф обыкновенно подсаживался к знакомым и незнакомым и всех мучал чтением этих стихов до того, что постоянные посетители сада всеми силами старались улизнуть от его сиятельства. Достоверно известно, что граф Хвостов нанимал за довольно порядочное жалование в год, на полном своем иждивении и содержании, какого-нибудь или отставного, или выгнанного из службы чиновника, все обязанности которого ограничивались слушанием или чтением вслух стихов графа. В двадцатых годах таким секретарем, чтецом и слушателем у графа <...> был некто отставной ветеринар, бывший семинарист Иван Иванович Георгиевский. Он пробыл несколько лет у графа, благодаря только своей необыкновенно сильной, топорной комплекции; другие же секретари-чтецы графа, несмотря на хорошее жалование и содержание, более года не выдерживали пытки слушания стихов; обыкновенно кончалось тем, что эти бедняки заболели какою-

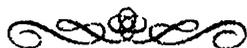


то особенною болезнью, которую Н. И. Греч, а за ним и другие петербургские шутники называли «метрофобией» или «стихофобией».

(Там же, с. 14—15).

Более удачные из произведений графа Хвостова не пользовались его авторской любовью. Он питал ее к тем из своих стихотворений, которые кто-то очень удачно называл «высокой галиматьею» (*sublime du galimatias*). К числу этого рода виршеизвержений графа Дмитрия Ивановича принадлежат в особенности изданные им в 1830 году стихи: *Холера-Морбус*. Они напечатаны были в большую четверку *in quarto* и заключали в себе ряд ужасающих стихотворных невозможностей. Они были изданы в пользу пострадавших от холеры. Тогдашние газеты, в особенности «Северная Пчела» Греча и Булгарина, подтрунивали над этим великодушным даром его сиятельства и давали прозрачно чувствовать и понимать, что если граф сам не скупит всех экземпляров, продававшихся по рублю... то пострадавшие от холеры не увидят этих денег, как своих ушей.

На этот раз вышло иначе, чем обыкновенно случалось с изданиями графа, т. е. что из публики их никто не покупал и они оставались бы навсегда в книжных лавках, если бы их не скупали секретные агенты графа, секрет которых, впрочем, был шит белыми нитками, почему всех этих агентов графа книгопродавцы знали в лицо, как свои пять пальцев. Напротив, к великому удивлению автора, книгопродавцев и публики, посвященной в тайну чудака-графа, его стихотворение «Холера-Морбус», отпечатанное в количестве 2400 экземпляров, дало в пользу благотворения более 2000 рублей, разумеется, как тогда считали, ассигнационных, что, при тогдашней ценности денег, составляло порядочную сумму. Эти деньги поступили в попечительный холерный комитет, нахо-



дившийся под председательством тогдашнего генерал-губернатора (тогда еще не графа) Петра Кирилловича Эссена (о котором русские солдаты говорили: «Эссен умом тесен»). Граф Хвостов, восхищенный этим успехом, поспешил препроводить к графу Эссену еще тысячу рублей, при письме, в котором упоминалось, что «Бог любит троицу, эта третья тысяча препровождается к господину главноначальствующему в столице». Но, на беду, старик граф Дмитрий Иванович не вытерпел и нафаршировал письмо своими стихами. Такой официально-поэтический документ поставил Петра Кирилловича Эссена в тупик, в каковой, впрочем, его превосходительство сплошь да рядом становился. Говорили, что генерал-губернатор, возмущаемый тем; что официальное отношение написано в стихах, хотел было отослать обратно и деньги с просьбою прислать его при отношении по форме. Но его правитель канцелярии, петербургская знаменитость того времени, действительный статский советник Оводов, которому Петр Кириллович, хоть и православный немец, плохо произносивший по-русски, всегда рекомендовал «зудить» (вместо «судить») по законам, — дал своему принципалу благой совет принять деньги, хотя они и присланы при стихотворном письме, которое, однако ж, несмотря на массу разных рифм, представляет чистейшую прозу. Письмо графа было тотчас занесено во входящий реестр и, как следует, занумеровано журналистом генерал-губернаторской канцелярии.

(Там же, с. 10—11)

На вопрос графа: «Читали ли вы мое стихотворение «Холера-Морбус»?», каждый спешил отвечать: «Как же, читал», зная, что в случае отрицательного ответа граф тотчас же стал бы читать те места, какие сам считал превосходнейшими, заставив своего спутника-секретаря взять от одного



из следовавших за ними по пятам лакеев-гайдуков экземпляр этого творения, везде носимого графом, и держать перед ним, пока он читает. Такой ответ вместе и радовал и огорчал графа: радовал потому, что такая известность его произведения льстила его самолюбию; огорчал оттого, что не находил слушателя в то время, как его сильно подмывало читать свои стихи и упиваться звучностью рифм — он всегда утверждал, что рифмы его звучны.

Нашелся, однако ж, юноша, известный теперь под именем старосветского петербуржца и подписывающий свои «Петербургские воспоминания» буквами В(ладимир) Б(урнашев), который поступил иначе. Этому юноше в то время было всего семнадцать лет; по тогдашним понятиям он был мальчик, находившийся, однако ж, на действительной службе, хотя ему гораздо естественнее было бы слушать лекции университетских профессоров. Этот-то свеженький белокурый мальчик попался в старческие когти графа-метромана, и попался потому, что на стереотипный вопрос графа, читал ли его новое творение, не нашелся сказать решительно, что читал уже знаменитые стихи на холеру, а спроста брякнул, что еще не читал; этот ответ ввел его в большую беду. Надо сказать, что этот юноша в ту пору, кроме канцелярской службы, был сотрудником, — разумеется, *сop amoge*, так как тогда об ином сотрудничестве никто и не помышлял, — маленькой воскресной французской бомондной газетки «Furet» (Хорек), издававшейся молодым еще человеком французом Сен-Жульеном. В этой газетке наш В(ладимир) Б(урнашев), между прочим, печатал свои *comptes rendus* о тогдашней текущей литературе и журналистике. Известность этих литературных на французском диалекте отчетов дошла, к беде В(ладимира) Б(урнашева), и до известного, плодовитейшего стихокропателя, маститого графа Дмитрия Ивановича Хвостова, печатными виршами которого всегда битком набиты



были карманы его светло-серого с анненскою звездою фрака, испачканного на воротнике сзади пудрой, а спереди табаком, так и карманы двух сопровождающих его сиятельство гайдуков в синих ливреях с малиновыми воротниками и обшлагами, покрытых золотыми широкими галунами. Из этих резервуаров маленький, сгорбленный, сухощавый старичок, сморщенный, как печеное яблоко, потрясавший своею густо напудренною головою, постоянно извлекал массы своих стихотворных брошюр и листков, издававшихся им на все возможные и почти невозможные случаи...

Но возвратимся к злосчастному В(ладимиру) Б(урнашеву), попавшемуся в Летнем саду графу. Как ни лавировал он, но отделаться от стихомана не мог. Старец замучил его своими стихами, отзываясь при этом с восторгом (разумеется, поддельным) об его статьях во французском листке «Le Furet» и приглашая к себе в гости...

В одно утро, в воскресенье после обедни, перед зеленовато-табачного цвета (как и теперь) домиком с мезонином Глотова остановилась светло-голубая карета, запряженная гнедо-пегой четверкой цугом с форейтором на передней правой уносной лошади. Два ливрейных лакея в синих сюртуках с малиновыми воротниками и обшлагами, с золотыми галунами на треугольных шляпах и капюшонах, соскочили с запяток. Один стал у дворец лазоревой кареты, другой вошел во дворец и направился по деревянной лестнице в мезонин. Он подал В(ладимиру) Б(урнашеву) визитную карточку графа со словами, написанными на ней красными чернилами: «Не откажите, молодой писатель (хорош писатель — 17 лет!), потешьте старца, поезжайте с ним к нему на дом теперь же. Граф Дм. Хвостов». Отнекиваться было уже невозможно, и злосчастный В(ладимир) Б(урнашев), накинув шинель и взяв шляпу, поехал в графской карете вместе с его сиятельством...



Дома граф не мог утерпеть, чтобы не прочесть ему стихотворений, только что написанных им, в чем удостоверила свежесть чернил. Перед окончательным распрощанием добрый старичок взял с своего юного слушателя слово, что он будет у него скоро, и при этом, спросив: “А вы, мой юный друг, имеете мою “Холеру Морбус”?” и получив отрицательный ответ, тотчас присел к столу и что-то собственноручно настрочил своими крайне некаллиграфическими каракулями. Затем, встав от стола, граф снабдил своего гостя экземпляром своей “Холеры-Морбус”, изданной в виде тетради in quarto...

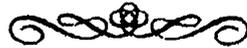
При выходе на улицу В(ладимир) Б(урнашев), в те годы плативший дань светским веселостям, вспомнив, что ему в этот вечер предстоял балик, на который немислимо было явиться в цветных перчатках, зашел за палевыми перчатками в знакомый ему модный магазинчик г-жи Дювилле на Невском проспекте, против Гостиного двора, в доме Рогова. Взяв перчатки и не зная, куда деваться с хвостовским свертком, отправляясь обедать в гости, В(ладимир) Б(урнашев) оставил в магазине этот сверток с печатными стихами о холере и рукописным посвящением, сказав, что если завтра он не зайдет мимоходом, возвращаясь из своего департамента, за этою огромною, напечатанной на веленовой бумаге тетрадищею, то хозяева магазина вправе en faire de choux et des gaves, т. е. сделать все, что им заблагорассудится.

Через пять или шесть дней после этого случая В(ладимир) Б(урнашев) получил от графа Дмитрия Ивановича записку с приглашением его на следующий вечер чаю откушать. Забыв совершенно о существовании стихотворной печатной тетрадищи с лестным на ней сиятельным посвящением, он отправился в Сергиевскую, где был принят, надо правду сказать, с распростертыми объятиями и за серебряным самоваром угощен несколькими чашками (в это время



в стаканах пили чай только караульные офицеры на гауптвахтах) хорошего чая со сливками и вдобавок еще с отличными домашними печеньями... Граф стал очень любезно говорить своему молодому гостю о стихах, какие он ему подарил в воскресенье на той неделе со своим посвящением. Платя дань вежливости, но не правде, В(ладимир) Б(урнашев) отвечал, что это сочинение занимает первое место в его библиотеке, а посвящение, начертанное рукою автора, приводит в восхищение его родных. Но тут юноша был жестоко наказан за свою бесстыдную ложь, потому что граф Дмитрий Иванович, хотя и несносный маньяк с своим несносным стихотворством, был вполне светским и порядочным человеком. С любезной усмешкой он сказал юному В(ладимиру) Б(урнашеву): "Видно, у вас, в Петербурге, возобновились чудеса Калиостро. Вы, молодой человек, говорите, что тетрадь эта у вас на квартире, а между тем она очутилась у меня здесь". И он подал гостю эту злополучную тетрадь, вынув ее из выдвижного ящика старинного передиванного стола. В(ладимир) Б(урнашев) готов был провалиться сквозь землю и покраснел, как маков цвет. Дело объяснилось тем, что графиня Татьяна <Аграфена — сост.> Ивановна купила какую-то материю в магазине Дювилье, и товар этот, разумеется совершенно безнамеренно, завернули в знаменитую тетрадь. Граф поручил переплетчику разглядеть эту тетрадь, но не отдал ее виновному В(ладимиру) Б(урнашеву) обратно, говоря, что отдаст ее только после того, как В(ладимир) Б(урнашев) подарит его не одним, а многими своими посещениями.

(Там же, с. 12—20).



Граф Дмитрий Иванович любил жертвовать экземпляры своих стихотворений многими сотнями экземпляров, воображая, что пожертвования эти принесут пользу нравственную. Но выходило часто, что эти экземпляры получали назначение, далеко не способствовавшее делу просвещения. Так, например, граф пожертвовал несколько сот экземпляров своей поэмы на наводнение 1824 года, под названием: "Потоп Петрополя 7-го ноября 1824 года" в пользу Российской Американской Компании. Все эти экземпляры была правлениями компании отосланы на остров Ситху для делания патронов.

(Там же, с. 32).

Примечания

Тексты в настоящем издании печатаются в соответствии с современными нормами орфографии; в ряде случаев сохранены характерные особенности орфографии и пунктуации Хвостова (например, «Лев состаревшейся» вместо «состарившийся»).

Оды. «Осень» печатается по изд.: «Оды Дмитрия Хвостова». — М. 1801; «Позднее взывание к музе» — по изд.: Хвостов Д. И. Лирические стихотворения. Т. 1, кн. 1. — СПб., 1828.

Осень. «Ярится... Бегут резвясь игры и смехи...» — Ср. у Пушкина в «Оде его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову»: «Султан ярится... Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон».

Позднее взывание к музе. «Спокоен в осень, равнодушен, Судбине, благодати послушен» — Возможная реминисценция этих строк у Пушкина в «Прощанье» (1817):

Лишь я, во всем судьбе послушный,
Беспечной лени верный сын,
К честям ничтожным равнодушный...

«Герой таится от врагов...» — «См. в истории повествование о Римском полководце Марии, который от гонения Силлы скитался по развалинам Карфагена» (прим. Хвостова).

Притчи. Печатаются по изд.: «Избранные притчи из лучших сочинителей Российскими стихами Члена Российской Императорской Академии Графа Дмитрия Хвостова». — СПб.: При Императорской Академии Наук, 1802.

Ритор и Болван. «Как за Лигария вступился он...» — Имеется в виду речь Цицерона «за Лигария» (Pro Ligario).

Учитель и ученик. «...воспитанник на ус» — т. е. вставляющий всюду кстати и некстати латинское окончание «-ус».

Два плешивые. Лызгачь — бойкий, проворный.

Осел и его Хозяин. Скурец — скупой, скряга.

Сверчок. «...как Марция» — имеется в виду состязание Аполлона и сатира Марсия, после которого с Марсия содрали кожу.

Лев и Волк. «Сей Тит между зверей считал тот день плачевной...» — «Потерял день» («die m perdididi»), — слова императора



Тита Веспасиана Августа о дне, когда ему не удавалось сделать доброго дела.

Басни. Басни «Лев и мудрая змея», «Лев на войне», «Змея и пила», «Человек победитель Льва на картине», «Старуха и Звездослов» печатаются по изд.: Гр. Хвостов. Стихотворения. Т. 7. — СПб., 1834. Прочие басни — по изд.: Басни Графа Хвостова. — СПб., 1820.

Послания. Печатаются по изд.: Гр. Хвостов. Стихотворения. Т. 7. — СПб., 1834, с. 171.

А. С. Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года.

«Стал союзник Зодиаку...» — Хвостов интересовался астрологией и использовал в стихах ее мотивы.

Себастиани Орас (1772—1851), маршал Франции, министр иностранных дел при Луи-Филиппе.

Соловей в Таврическом саду.

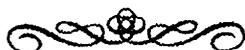
«Ступай подслушать на Фурштатской...» — Весной-осенью 1832 Пушкины жили на Фурштатской улице в доме Алымова (на месте нынешнего дома № 20).

Светские стихотворения. Сказка «Снега» печатается по изд.: Друг Просвещения: Журнал Литтературы, Наук и Художеств на 1804. Часть 2, № 4. — М., 1804, с. 27; «Стихи на Новый 1804 год» — по изд.: «Друг просвещения, Часть 1, 1804, №2, с. 105-106; «Весна в Петрополе 1829 года» и «О наводнении Петрополя» печатаются по отдельным оттискам; «Холера 1830 года» и «Июль в Петрополе 1831 года» — по изд.: Стихотворения графа Д. И. Хвостова. Т. 7. — СПб., 1834.

Послание к Н. Н. о наводнении Петрополя... Первоначально — послание к издателю «Московского телеграфа». Хвостов надеялся, что послание будет напечатано Н. А. Полевым, но этого не произошло, и Хвостов изменил посвящение.

Надписи. Надпись «К портрету Государя Императора» печатается по рукописи: РО ИРЛИ. Ф. 322, № 19, с. 60. Прочие надписи печатаются по изд.: Стихотворения графа Д. И. Хвостова. Т. 7. — СПб., 1834.

Эпиграммы. Эпиграмма «Какой-то глупый канодей...» печатается по изд.: Друг Просвещения: Журнал Литтературы, Наук и Художеств на 1804. Часть 1, №2, с. 119. Эпиграмма «Нарцисовой красы историю слышали...» — по изд.: Друг Просвещения...,



1804. Часть 1, № 1, с. 25. Прочие эпиграммы — по изд.: Стихотворения графа Д. И. Хвостова. Т. 7. — СПб., 1834.

Надгробия. Надгробия «Лежит и погребен здесь Северный Икар...» и «Королю Польскому» печатаются по изд.: Друг Просвещения, 1804. Часть 1, № 3; ч. 2, № 5. Прочие надгробия — по изд.: Стихотворения графа Д. И. Хвостова. Т. 7. — СПб., 1834.

Современнику Обжоркина. Я. Грот (Соч. Державина, т. VI, с. 215) предполагал, что Обжоркиным Хвостов называл Крылова (ср. стихи Хвостова в Дамском журнале, 1832, № 8, в Альбом NN — Хвалителю Обжоркина). Так же, видимо, считали современники и сам Крылов. (См. комментарии А. В. Западова к Запискам о словесности Хвостова: Лит. архив, т. 1, М.-Л. 1938, с. 338).

Надгробие Королю Польскому. Имеется в виду Станислав II Август Понятовский (1732—1798), последний король независимой Польши (1764—95), умерший в Санкт-Петербурге в положении пленника.

Анекдоты. «Словцо Суворова, или ответ ему Капитана». — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 2. Продолжение рукописной тетради анекдотов, л. 6 об. «Русский анекдот» [О Суворове и графине Разумовской]. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 11, л. 44. «Русский анекдот» [О смерти Суворова]. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 11, л. 45. «Словцо Екатерины II-й об Обакулове». — РО ИРЛИ. Ф. 265. Архив журнала «Русская старина», Оп. 2, № 401, л. 1-2. [О Павле I и себе]. — Биография Хвостова, составленная его секретарем Борисовым на основе автобиографической записки. Цит. по: П. О. Морозов. Граф Дмитрий Иванович Хвостов. 1757—1835 гг. // Русская Старина, 1892, № 8, с. 575. [Об Александре I]. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 31. Проза. часть 2-я, с. 121-122. [О Дашкове]. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 144, л. 35-35 об. [О смерти актера Киндякова]. — Из письма Хвостова к А. Ф. Рихтеру. РО ИРЛИ. Ф. 322, № 22, л. 138. [О смерти Кочубея и Кикина]. — РО ИРЛИ, ф. 322, № 2, продолжение рукописной тетради анекдотов, л. 5. «Словцо Гребенкина». — РО ИРЛИ, ф. 322, № 2, продолжение рукописной тетради анекдотов, л. 6. «Ответ зрителя о драме Кукольника». — РО ИРЛИ. Ф. 265, N 402, л. 3.

Из иных прозаических сочинений. «О краткости надписей». — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 11, л. 49-50. «Разбор стихов



Пушкина под названием «Разные стихотворения». — Лит. архив. Т. 1. — М.; Л.: АН СССР, 1938, с. 271-272.

Письма. И. И. Дмитриеву, 24 декабря 1813. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 21, с. 63-64. Преосвященному Псковскому, между 1816 и 1820. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 22, л. 113 об. А. Ф. Воейкову, 5 июня 1820. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 22, л. 115-116. П. И. Лялину, 24 октября 1827. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 11, л. 98-98 об. П. А. Кикину, 26 октября 1827. РО ИРЛИ. Ф. 322, № 11, л. 90 об. А. А. Писареву, без даты. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 17, л. 28-29. Г. С. Салтыкову, без даты. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 15, л. 5 об. Евгению Митрополиту Киевскому. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 14, л. 24-25. И. А. Крылову. — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 8, л. 16-18. К приятелю NN... — РО ИРЛИ. Ф. 322, № 15, л. 89-89 об.

П. А. Кикину, 26 октября 1827. «Удостоил меня недавно посланием...» — В послании «Графу Д. И. Хвостову (при получении от его сиятельства трех первых томов полного собрания его творений)» Языков издевательски, отчасти пародируя хвостовский стиль, писал:

Ты, Феба ревностный поклонник,
Его классический законник!
К тебе с надеждою моею,
С моею неопытною лирой,
К тебе, ужасному сатирой
Главам парнасских бобылей,
Прибегну я...

Из «хвостовианы».

Дюпор — петербургский танцовщик.

Хвостов Александр Семенович (1753 - 1820) — двоюродный брат Д. И. Хвостова, стихотворец и переводчик, автор шуточных стихов, в т. ч. оды «К бессмертию» («Собеседник любителей русского слова», том X, стр. 165). Председатель III разряда «Беседы любителей российского слова».

*Комментарий к иллюстрациям*

с. 66 — Всехсвятская церковь в Горицком монастыре (Переславль).

с. 72 — Фрагмент декора здания, по эскизу Дж. Кваренги (?). Экспонирован в Инженерном доме Петропавловской крепости.

с. 114 — Фрагмент декора петербургского здания, нач. XX в. (майолика). Экспонирован в Инженерном доме Петропавловской крепости.

с. 139 — Ворота Горицкого монастыря в Переславле.

с. 143 — М. Н. Воробьев. Прачечный мост и набережная Невы у Летнего сада (1813).

с. 162 — Вид Горицкого монастыря со стороны Плещеева озера.

с. 165 — Надгробие бригадира Полянского и его супруги. 1815 г. Некрополь Горицкого монастыря.

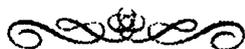
с. 171 — Двор Горицкого монастыря.

с. 174 — Дом Фоминой на Крюковом канале (№ 23), где снимал квартиру Хвостов и умер Суворов.

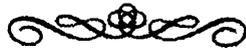
с. 182 — Гравюра к стихотворению Державина «Другу» (по акварели А. Е. Егорова, 1802).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. Е. Махов. Это веселое имя: Хвостов</i>	6
<i>О. Л. Довгий. Тритон всплывает: Хвостов у Пушкина</i>	44
ОДЫ	66
Осень	66
Позднее взывание к музе	69
ПРИТЧИ	72
Жених и две невесты	72
Мужик и Блоха	73
Топор	74
Лев и Невеста	75
Зайчьи уши	76
Пустынник и Почести	77
Ритор и Болван	78
Табашник и Борей	78
Грабитель	79
Мыши и Орехи	80
Мужик и змея	80



Лев состаревшейся	81
Осел и Хозяин	82
Любовь и дурачество	84
Петух и Лисица	85
Учитель и Ученик	85
Юпитер и Звери	86
Болван и Богомольцы	87
Сократов дом	88
Собака без ушей	89
Осел кумир	89
Осел и Мужик	90
Верная собака	91
Бочка	91
Лисица и Козел	92
Два плешивые	93
Ескулапий и Больной	93
Два голубя	94
Отпускная	96
Медведь и Кошка	97
Осел и его Хозяин	97
Зяцц и Собаки	98
Корабль на море и Корабль на реке	99



Лев и Клоп	100
Червяк и Собака	100
Проповедник Пифагора	101
Птицы Законоположители	101
Рысь и Крот	102
Сверчок	103
Старуха и Зеркало	104
Алкивиады	105
Лев и Волк	106
Лягушка и Бык	107
Гора в Родах	107
Эмпедокл и Туфли	108
Сапожник и Врач	109
Осел и Рябина	110
Рыбак и рыбка	111
Старуха и две служанки	112
Две сумы	113
Нил и собака	113
БАСНИ	114
Скупой и прохожий	114
Летучая мышь	116



Ворона и Сыр	116
Овца и Дождь	117
Кошка Невеста	118
Волк и Ягненок	118
Два Друга	119
Старый Лев и Врачи	120
Козел и Лисица	121
Купец и Счастье	122
Муравей и Муха	123
Заяц и Лягушки	124
Черепаша и Селезни	125
Старик и Три Юноши	126
Туча, Гора и Куча	127
Собака родильница	128
Орлица и Ворона	129
Найденный топор	130
Муж и Яйцо	131
Дворец у Льва	132
Орлица и Черепаша	133
Щука и Уда	133
Феб и Диана	134
Лев и мудрая змея	135



Лев на войне	136
Змея и пила	136
Человек победитель Льва на картине	137
Старуха и Звездослов	138
ПОСЛАНИЯ	139
А. С. Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России	139
Соловей в Таврическом саду	142
СВЕТСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ	143
Снега (<i>Сказка</i>)	143
Стихи на Новый 1804 год	144
Весна в Петрополе 1829 года	146
Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября	149
Холера 1830 года	155
Июль в Петрополе 1831 года	157
НАДПИСИ	162
В мой альбом, 1826 года	162



Императору Александру I-му, 1819 года	163
На выгрузку камня для колонны монумента Императору Александру I-му 30-го дня июля 1831 года	163
На воздвижение гранитной колонны в честь императора Александра I	164
На монумент Петра Великого 1783 года	164
К портрету Государя Императора	164
НАДГРОБИЯ	165
Славному Германскому поэту Гете, скончавшемуся в Марте месяце 1832 года в г. Веймаре	165
Василью Львовичу Пушкину, скончавшемуся 20 августа 1830 года	166
Знаменитому современнику Алексею Федоровичу Мерзлякову, скончавшемуся в Москве в Сокольниках, 26 июля 1830 года	166
Александрю Андреевичу Жандру, 1830 года в Ноябре месяце	166
Александрю Ефимовичу Измайлову, 1831 года	167
Сочинения Руссо Женевского перевод с французского 1776 года	167
Артисту Рязанцову	168



Князю Багратиону, генералу от Инфантерии	168
Путешествующему на корабле из Америки в Грецию самоубийце Французу, 2 сентября 1832 года (<i>шутка</i>)	169
Статскому советнику Николаю Ивановичу Гнедичу, скончавшемуся 1833 года Феврала 13 числа	169
Современнику Обжоркина	170
Надгробие	170
Надгробие Королю Польскому	170
ЭПИГРАММЫ	171
Эпиграмма	171
На самого себя, Марта 1797 года	171
1806 года (<i>с французского</i>)	172
1813 года	172
1806 года	173
Эпиграмма	173
АНЕКДОТЫ	174
Словцо Суворова или ответ ему Капитана	174
Русский анекдот [О Суворове и графине Разумовской]	175
Русский анекдот [О смерти Суворова]	175



Словцо Екатерины II-й об Обакулове	176
[О Павле I и себе]	177
[Об Александре I]	178
[О Дашкове]	179
[О смерти актера Киндякова]	180
[О смерти Кочубея и Кикина]	180
Словцо Гребенкина	181
Ответ зрителя о драме Кукольника	181
ИЗ ИНЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ	182
О краткости надписей	182
Разбор стихов Пушкина под названием «Разные стихотворения»	184
<i>Из писем</i>	184
ИЗ «ХВОСТОВИАНЫ»	191
<i>Примечания</i>	211
<i>Комментарий к иллюстрациям</i>	215

Граф Дмитрий Иванович ХВОСТОВ. Сочинения. —
М.: INTRADA, 1999.

Контактный тел. редакции в Москве: 274-52-84.

Книги издательства «Интрада», а также другую литературу по гуманитарным наукам, высылают наложенным платежом МП «Надежда». Принимаются предварительные заказы, высылаются каталог. Обращаться по адресу:
107082, Москва, ул. Большая Почтовая, 2/4, кв. 38.
Столярову И. В.



ЛР № 065483 от 28.10.1997 г. (ООО «Лабиринт-МП»). Сдано в
печать 15.06.99 г. Подписано в печать 30.06.99 г.
Формат 70x100/32. Гарнитура «Академическая» Тираж 2 000 экз.
Зак. № 2676 .
119530, г. Москва, пр. Мира, 57 (комната правления).

Отпечатано в ИПП "Гриф и К°", г. Тула, ул. Свобода, 38